BECTHIK

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОДИДАКТИКА: КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ГРАММАТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

28 (739) 2015

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

Federal State-Funded Educational Institution for Higher Professional Education "Moscow State Linguistic University"

VESTNIK of Moscow State Linguistic University

The year of foundation - 1940

Issue 28 (739)
LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

LINGUISTICS AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING:
COGNITIVE-AND-COMMUNICATIVE ASPECTS
OF EXPLORATIONS INTO GRAMMAR

Moscow FSFEI HPE MSLU 2015 Министерство образования и науки Российской Федерации Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный лингвистический университет»

ВЕСТНИК

Московского государственного лингвистического университета

Год основания издания – 1940

Выпуск 28 (739) ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОДИДАКТИКА: КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ГРАММАТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Москва ФГБОУ ВПО МГЛУ 2015

Печатается по решению Ученого совета Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор издания академик РАО, доктор педагогических наук, профессор И.И.Халеева

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК МГЛУ»

И. И. Халеева (председатель)

Н. Н. Нечаев (заместитель председателя)

Гаджиев А. А. (Азербайджан)

Баранова Н. П. (Белоруссия)

Бурнацева 3. К. Голубина К. В.

Воронина Г. Б.

Гаспарян Г. Р. (Армения)

Гусейнова И. А.

Дудик Н. А. Имомов М. С. (Таджикистан)

Ирисханова К. М.

Ирисханова О. К. Касюк А. Я.

Краева И. А.

Красноженова Г. Ф. Кунанбаева С. С. (Казахстан)

Лодейро Ф. Г. (Испания)

Лю Лиминь (КНР) Маркес Д. С. (Испания) Медведева Т. В.

Моисеенко Л. В.

Мусаев А. И. (Кыргызстан)

Ноздрина Л. А.

Потапова Р. К. Прохоров Ю. Е.

Радченко О. А.

Русецкая М. Н.

Семенова Т. И.

Сорокина Т. С. Сухарев Ю. А.

Тарасова А. Н.

Титкова О. И.

Убин И. И.

Ли-Янке X. (Швейцария) Ченки А. Д. (Нидерланды)

Шулепов Н. А.

Форстнер М. (Германия)

Редакционная коллегия Выпуска 28 (739)

д-р филол. наук, проф. Т. С. Сорокина (ответственный редактор);

канд. филол. наук, проф. М. А. Салькова (зам. ответственного редактора);

канд. филол. наук, доц. О. А. Мачина (ответственный секретарь);

д-р филол. наук, проф., зав. каф. общего языкознания Азербайджанского ун-та языков, Исполнительный директор

Бакинского международного центра мультикультурализма Азад Мамедов (Азербайджан);

канд. пед. наук, доц. Т. И. Раздина;

канд. филол. наук, доц. Ю. Б. Григорьева;

канд. филол. наук, доц. Е. Б. Павлова;

канд. филол. наук, доц. И. С. Лебедева

Издание входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015

Издание зарегистрировано 10 октября 2014 г. ЭЛ № ФС77-59634 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР) Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU

Учредитель: ФГБОУ ВПО МГЛУ

СОДЕРЖАНИЕ

Страхова Е. Е. Комплексная семантика прошедшего и будущего в английском языке как результат межкатегориального взаимодействия темпоральности и модальности	9
Смурова О.В. Денотаты и обобщенные оценочные смыслы эпистемических высказываний	24
Гулимова А. Д. Время в тексте: метафорические и неметафорические механизмы концептуализации	32
Пебедева И. С., Павлова Е. Б. Сочетания двух и более модальных глаголов в английском языке	44
Крекова Е.В. Синтаксическая организация и информационная структура англоязычного поэтического дискурса	56
Давыдова Н. А. Лингвосинергетический анализ отношений условия в англоязычном художественном дискурсе на примере произведения Дж. Клавелля «Благородный дом»	61
Попова Е. А. Условия возникновения коммуникативных сбоев в диалогическом дискурсе	66
Павлюк О. Н. Характеристика информационной релевантности как основание разнообразия сочетаемостных свойств определений в атрибутивных словосочетаниях	79
Грибанова Т. И., Коршунова Е. Н. Лингвопрагматический аспект функционирования форм длительного вида в современном английском языке	86
Мамсурова З. Р. Конфликт как когнитивно-коммуникативное пространство	98
Шлепова Н. И. Инверсия в британском сказочном фольклоре1	04

Керова А. В.	
Междометия в среднеанглийском языке на материале «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера	110
Ванько Т. Р.	
Учет специфики авторской речи при изучении функционирования синтаксических единиц	120
Алексеева В. А.	
Прагматические особенности некоторых грамматических явлений английского языка	128
Салькова М. А., Мачина О. А.	
Совершенствуем курс теоретической грамматики для бакалавров лингвистики: новые научно-педагогические ориентиры	135
Климик В. А.	
Обучающий потенциал синтаксиса фольклорной и литературной сказок (компетентностный подход)	150
Раздина Т. И.	
Употребление переходных глаголов как непереходных в английском дискурсе	157
Кемова К. С.	
Лингводидактический аспект функционирования предикативных конструкций с неличными формами	173
Григорьева Ю. Б.	
Морфология имени: санскрит, церковнославянский, готский и древнеанглийский	182

CONTENTS

Strakhova E. E. Complex Semantics of the Past and the Future in English as a Result of Inter-Categorial Interaction between Temporality and Modality
Smurova O. V. Denotata and Generalized Evaluative Senses of Epistemic Utterances24
Gulimova A. D. Time in the Text: Metaphorical and Non-metaphorical Mechanisms of Time Conceptualization
Lebedeva I. S., Pavlova E. B. Double / Multiple Modals in the English Language44
Krekova Y. V. The Role of Syntax in Organising Information of Poetic Discourse in the English Language
Davydova N. A. Linguosynergetic Analysis of Means of Expressing Condition in English Fiction on the Example of "Noble House" by James Clavell67
Popova E. A. Preconditions for Communicative Failure in Dialogical Discourse66
Pavlyuk O. N. Information Relevance as Foundation for Diversity in the Surface Arrangement of Attributive Noun Phrases
Gribanova T. I., Korshunova E. N. Linguapragmatic Aspect of Progressive Forms in Modern English86
Mamsurova Z. R. Conflict as Cognitive and Communicative Space
Shlepova N. I. Inversion in British Fairy Tales104
Kerova A. V. Interjections in Middle English based on «Canterbury tales» by Geoffrey Chaucer
Vanko T. R. Focus on Peculiarities of Author's Speech in Studying Syntactic Structures

Alekseeva V. A. Pragmatic Analysis of Some Grammatical Structures in English12
Salkova M. A., Machina O. A. New Landmarks in the Course of Theoretical Grammar of English (BA in linguistics)
Klimik V. A. Competence-Building Potential of Syntax in Folk and Literary Tales15
Razdina T. I. Intransitive Use of Transitive Verbs in English Discourse15
Kemova K. S. The Use of Predicative Constructions with Non-Finite Forms in a Linguo-Didactic Aspect
Grigorieva Y. B. Nominal Morphology: Sanskrit, Old Slavonic, Gothic and Old English18

УДК 811.111

Е. Е. Страхова

доцент, кандидат филологических наук; доцент кафедры грамматики и истории английского языка ФГПН МГЛУ e-mail: EGolyas@yandex.ru

КОМПЛЕКСНАЯ СЕМАНТИКА ПРОШЕДШЕГО И БУДУЩЕГО В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ И МОДАЛЬНОСТИ

В статье анализируется комплексная семантика категорий прошедшего и будущего времени в английском языке с позиций теории межкатегориального и межконцептуального взаимодействия. Выявляется перечень взаимодействующих категорий. Особое внимание уделяется взаимодействию категорий времени и модальности на концептуальном уровне и уровне языковой семантики, причем метод анализа семантических отношений в сфере будущего и прошедшего времен оказывается различным, что объясняется спецификой рассматриваемых категорий.

Ключевые слова: межкатегориальное взаимодействие; темпоральность; модальность; проспективная ситуация; внешняя и внутренняя модальность; функционально-семантическая категория; темпоральные и модальные семантические функции; концепт; разноструктурные средства выражения.

E. E. Strakhova

Ph.D., Ass. Prof., Chair of Grammar and History of the English Language, Department of Humanities and Applied Sciences, MSLU e-mail: EGolyas@yandex.ru

COMPLEX SEMANTICS OF THE PAST AND THE FUTURE IN ENGLISH AS A RESULT OF INTER-CATEGORIAL INTERACTION BETWEEN TEMPORALITY AND MODALITY

The article proposes a complex approach to the analysis of the English Past and Future as the direct outcome of the phenomenon of inter-categorial and inter-conceptual interaction. It goes on to specify the range of interacting categories, with special emphasis upon the interaction between Time and Modality, 'networking' on various levels. Of particular interest is the use of different modeling schemes for the Past and Future semantics, as suggested by the cognitive potential of the categories in question.

Key words: intercategorial interaction; temporality; modality; prospective situation; internal and external modality; functional semantic category; temporal and modal semantic functions; concept; heterogeneous language means.

The topic of the present article is the complex semantics of the English Past and Future viewed as the result of intercategorial interaction which involves a number of categories, but centres round (especially in the sphere of the future) the categories of Temporality and Modality.

Most current researchers treat the semantics of the English Tenses as further specification of more general **temporal semantics**, with such concrete meanings as single point action, durative action, successive actions, repeated actions, etc., most frequently mentioned. Our research shows that this kind of analysis tends to be incomplete as it only focuses on one facet of the category of Time but overlooks the fact that this category does not exist in our conceptual system in isolation but is, rather, deeply integrated into a whole network of links and connections with other categories, sometimes quite distant ones, like quantity (see 'the theory of magnitude' in the psychology of time consciousness¹), which has an immediate impact on the resultant complex semantics.

In an attempt to meet this challenge, the given article puts forth the following research issues for discussion.

- If 'networking' is a universal cognitive mechanism of conceptualisation, especially where abstract entities are involved, how does it affect Time and Modality?
- What is the impact of the interconnection between Time and Modality on the semantic potential of the category of Temporality in the system of functional language categories?
- Given the obvious differences in time conceptualisation in the sphere of the Past and the Future, how does it impact their functional semantics as viewed from the perspective of intercategorial interaction?

As research in cognitive linguistics and cognitive psychology has shown, the development of 'vertical' and 'horizontal' networks among different categories is not a purely linguistic phenomenon. Recent theories

¹Research into the philosophy and psychology of Time consciousness shows that experiences of simultaneity, successiveness and temporal organisation are elementary temporal perceptions that are a cognitive reality. An approach to psychological data on Time perceptions elaborated within the 'theory of magnitude' suggests that time perception / duration is not a unique module in the brain. Time, Space and Quantity are perceived as magnitudes and are processed by the same system in the brain. They interact very strongly [6].

of the mind highlight its so-called 'connectionist' architecture, which implies that our mental representations are not processed and stored in isolation, but combine to build complex networks. An important thing about them is that the meaning of the whole is not reducible to the meaning of the composite parts. Therefore, it is not just the meaning of the separate entities that matters, but also a system of links and connections between them to such an extent, that outside these connections 'the access nodes' may turn out to be semantically empty.

The phenomenon of network construction involves different entities depending on their position in the conceptual hierarchy: the highest level of abstraction presupposes the interaction of concepts, cognitive categories and models; the level of functional language semantics is organised around interacting functional semantic categories and their semantic functions; finally, the system of grammatical semantics includes complex meanings developed by closely related categories and simultaneously expressed in a word form (for instance, the semantics of Tense and Aspect). Naturally, the extent and direction of this interaction will differ depending on the categories involved.

We believe that the interaction between **Time** and **Modality** can already be traced to the conceptual level. Here it takes the form of complex semantic relations between the categories of Time and Evaluation, the latter stemming from one of the key abilities of the human mind to oppose the 'self' element (the content) and the 'beyond-oneself' component (the evaluation)¹. In the diachronic perspective, an example of this interrelation can be found in the peculiarities of time conceptualization in the Anglo-Saxon period: the concept of Time was modally colored and intrinsically implied the dependency of time upon the Divine will, as well as its social significance and emotional intensity. Events and states were perceived in causal relation to their ultimate source – God's will, and time was seen as 'lived through' and 'experienced' rather than conceptualised as a neutral dimension objectively registered by the human mind [4].

Another indirect evidence of interaction between the categories of Time and Evaluation on the conceptual level is provided by the analysis of the conceptual metaphors of Time, many of which are universal in

¹As *Evaluation / Judgement* is a universal cognitive faculty, it is little wonder that the mental predicate BELIEVE which discloses the concept 'Evaluation' is included by A.Wierzbicka into her list of semantic primitives.

character and immune to cross-cultural variation. As recent research shows [2], at present we operate within the monetary and technocentric metaphorical domains of Time, and if we take a closer look at the metaphors within these classes (e.g. TIME IS A RESOURCE, TIME IS A COMMODITY, TIME IS MONEY, TIME IS A VIRTUAL ENTITY) we will see that they further reinforce the impression of Time being closely inspected by man, objectified, made use of and evaluated from the utility perspective. Moreover, time is often personified in our conceptualisations (e.g. Time will tell), which again testifies to the fact that our cognising activity does not merely focus on registering and processing reality as an objectively given phenomenon, but necessarily involves an element of subjective evaluation, judgement and comparison, resulting in cross-domain mappings and connections.

To recap it all, we believe that Time and Evaluation are closely interrelated categories, and as we shall see further on, this interconnection accounts for the development of specific temporal and modal meanings in the language system.

An obvious impact of the correlation between Time and Evaluation is the enrichment of the semantic potential of the functional semantic categories (FSC) of Temporality and Modality, which are treated here as the extension and further particularisation of the corresponding conceptual / notional categories. More specifically, Temporality expresses the localisation of the action on the temporal axis (from the viewpoint of the speaker), whereas Modality appears to have a highly heterogeneous semantic structure and encompasses a number of micro-FSCs (e.g. epistemic, deontic, optative modality, etc.). The semantics of Temporality and Modality are further elaborated by a complex of semantic functions, and it is here that the interaction between these two categories takes a most conspicuous form.

Let's start with the semantics of **the Future** as, according to our research, the very nature of the future as a cognitive phenomenon is linked to evaluation and modality.

The semantic potential of the future is enriched by two complementary cognitive processes. On the one hand, our perception of future actions and events intrinsically implicates uncertainty, prognostication and hypothesizing, but on the other hand, the speaker may view the prospective situation as depending on his own will or as being overtly linked to the unfolding exterior circumstances, or occurring independently of either of them.

Table

Modality of the Future

Internal Modality	External Modality	
Uncertainty, prognostication, hypothesizing	An action in the future whose realisation depends on the speaker's / listener's will	
	An action in the future whose realisation is determined by exterior factors which act as a compelling force in relation to the speaker / listener	
	Neutral Future	

As a result, the functional semantic category of the Future does not simply refer an action or an event to the time span following the moment of speech or some other point of reference (temporal component), but simultaneously realizes a whole set of modal meanings – an elaborate combination, which can be illustrated by a list of semantic functions (SF) of the Future, both general and more specific in character¹.

- 1. General SF₁ 'An action in the future whose realisation depends on the addresser's volition' is specified by such SFs as:
 - a) SF₁ 'willingness / unwillingness'²:
 I thought you *didn't want me to start* moving until 11 [10, p. 55].
 - b) SF₂ 'agreement':
 I don't mind giving a small contribution but we can't give away that kind of money now [10, p. 40].
 - c) SF₃ 'promise':

You *come out* now and I *won't make* the earth shake <...> [8, p. 89].

d) SF₄ 'intention, planning':
 Well, it wouldn't be a party without our whistling postman up on the platform. *Are* you *having* a disco? [13, p. 259]

¹We have identified 3 general semantic functions of the Future in our material. It is noteworthy that their semantic structure need not be identical: whereas general SF₁ can be further specified by seven concrete SFs, general SF₂ is less heterogeneous by nature and is correlated with six concrete SFs, and general SF₃ is the least heterogeneous of all as it displays a direct one-to-one correlation.

²This SF seems to be the most fundamental in the sphere of subjectively-coloured future, as in some way or another it can be traced in the semantic potential of most other concrete SFs.

e) SF₅ 'spontaneous decision':

My first *instinct* was *to turn* my head around to see if I had been watched <...>[10, p. 26].

f) SF₆ 'compulsion to an action':

It's just that Edmund *is insisting on sending* Henry to boarding school <...> [13, p. 174].

g) SF₂ 'evaluation of probability':

<...> but every now and then, before anybody gets married, they get these *flashes* of what it's *going to be* like after they're married [14, p. 134].

- 2. General SF₂ 'An action in the future whose realisation is determined by exterior factors which act as a compelling force in relation to the addresser' is specified by such concrete SFs as:
 - a) SF₁ 'The realisation of the action is determined by a system of social and moral norms and rules, accepted in the given society and imperative for each of its members':

Because books on such ghastly subjects were destroyed a century ago. By law. Forbidden *for anyone to own* the grisly volumes [7, p. 49].

b) SF₂ 'The action is due to take place according to a previous agreement, contract, schedule, timetable':

It was *arranged* that I *should go ahead* of her <...> to see to the provisions for our party <...>[15, p. 96].

c) SF₃ 'The prospective action is seen as a logical consequence in the chain of events':

'Has your man recovered?' 'No, he's resting in the back – pulled ligament.' <...> 'Will your man be able to ride?' 'No, he won't be competing in this race again,' said the team manager [5, p. 390].

d) SF₄ 'The prospective action is seen as probable or even imminent due to its recurrent and customary character'¹:

The sixteenth might be a good date, because by then most of the younger children *will have gone* back to boarding school [13, p. 17].

¹The repeated character of the action is explicated in the linguistic context.

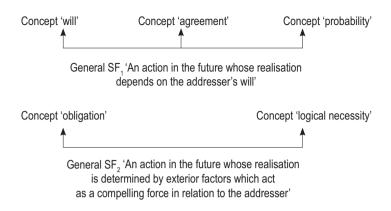
- e) SF₅ 'The prospective action is conditioned by widely accepted social practices, which are seen as stereotypical models of behaviour by the members of the given society':
 - 'Grown-ups know things', said Piggy. <...> They'd meet and have tea and discuss. <...> They wouldn't set fire to the island. <...> They'd build a ship-<...>. They wouldn't quarrel- [11, p. 120]
- f) SF₆ 'The prospective action is conditioned by the inner qualities of the object described in the utterance, which exist irrespective of the will of the speaker, rather than by exterior circumstances':
 - 'How you've grown!' and 'Good gracious me, you'll be getting a moustache soon' [12, p. 110].
- 3. General SF₃ "Neutral Future" (structurally or lexically conditioned use) has a homogeneous semantic structure, with a neutralised modal component, and is specified by one concrete SF 'Neutral Future':

Later on, maybe, when I've got used to being without him [13, p. 193].

The analysis of the semantic potential of the English Future enables us to make the following conclusions.

First of all, the Future appears to be intrinsically linked with Modality, both in its 'external' and 'internal' semantics. The invariable, internal, component reveals itself as the hypothetical character of the future events, which are described by the speaker as possible, and yet uncertain, with different degrees of probability. The variable, external, component is explicated in a whole range of meanings, such as promise, intention, compulsion, etc., depending on the way the speaker regards and evaluates the prospective situation. The only exception is the Neutral Future, when the speaker refrains from expressing his / her personal evaluation of the upcoming events, merely stating that they are about to take place. But even in this case, the future is not purely a-modal, as the internal modality of hypothesizing and prognostication is always present in its semantic structure.

If we take one step further and trace the representation of the described semantic complexes on the cognitive level, we will see that they are correlated with a set of concepts, which reveal an intricate interplay of the cognizing and evaluating activities of the individual.

Finally, the phenomenon of intercategorial interaction has its consequences for the repertoire of language means used to express the semantics of the future. As can be seen from the examples above, in many cases the speaker chooses lexico-grammatical or lexical means, rather than morphological tense forms, which become available to him as a result of intersection and overlapping of the Functional Semantic Fields of Time and Modality. At the same time, the preference of lexical to morphological means is not coincidental but reflects different ways of scanning a cognitive situation (sequential or summary).

Now let us see how the categories of Time and Modality interact in the sphere of **the Past**, and how their interaction affects the semantics of this temporal category.

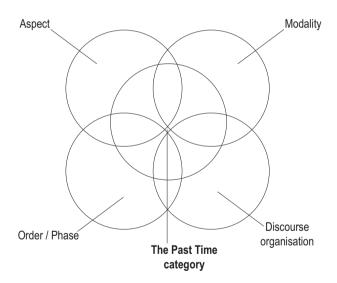
In contrast to the Future, whose semantic potential is mainly made up of temporal and modal components, **the semantics of the Past** seems to be a far more complex phenomenon.

- 1. It is bound up with the semantics of *Aspect*¹, a language category which either represents a holistic perspective of the past event describing it as completed, bounded, often with a specified end-point, or imposes a fragmented view of the action focusing on one stage in its development, when it was still in progress.
- 2. It necessarily includes the semantics of *Order*, as the speaker perceives the relations between events not only as temporal, but also as connected, structured in a certain way, with emphasis on the simultaneity, precedence or posteriority of events in the chain.

¹ It is interesting to note that according to psychological data, our perception of continuity and discreteness is one of the basic temporal order judgements.

- 3. It is intrinsically linked with $Modality^{I}$, as a number of modal meanings are typically realized in the past-time context (see below).
- 4. It is logically connected with the category of *Causality*, as 'causal inferences can be drawn from the mere juxtaposition of sentences or clauses which may or may not be connected by explicit temporal markers' [16].
- 5. It is realized in *Discourse* and, hence, is involved in expressing such discursive relations as explanation and result, insertion, regulation and dependency.

As this paper deals with the interaction between the categories of Time and Modality, the analysis will have to be limited to the description of the modal component of the English Past, but in passing we would like to mention that all of the above-mentioned components have to be considered for a comprehensive account of the semantics of the past.

¹The semantics of the Past also intersects with the category of *Evidentiality*, which is expressed by non-grammatical means in English but finds a regular grammatical expression in some other languages. The main idea here is the possibility of using different linguistic markers for witnessed and non-witnessed events (that is, events the speaker is more or less certain of).

We believe that of all the numerous semantic functions of the Functional Semantic Category of Modality¹, the following seven lie in the intersection between the categories of Past and Modality, as they are often realized in the past time context² (all the following examples are taken from BNC [9]).

1. Modality of reality:

He *became* embarrassed when he *found* the woman's eyes tight on him.

2. Modality of unreality:

There, gazing out from the balconies and look-out points, they *imagined* they *were* on *board frigates* and *corvettes* and that they had *cannons* and *decks*.

3. Modality of possibility (as a variant of potential modality):

Ted still couldn't work out how Wayne was able to cover the distance from the door to the CD player so fast.

4. Modality of necessity (as a variant of potential modality):

As a result, the Labour Party was forced to alter many of its oncecherished policies during the mid- and late 1930s.

5. Modality of probability (as a variant of epistemic modality):

It was a landscape which Coleridge *probably knew* well by the time of his autumn visit, and to whose spectacular beauty he was to introduce the Wordsworths before the year ended.

6. Modality of uncertainty (as a variant of epistemic modality):

Did we *really meet* just over a month ago?

7. Modality of logical necessity (as a variant of epistemic modality):

So, when issues of equal opportunity were raised in the organization where we also work together, I *was naturally interested* in participating in the debates and in the attempts to change the things around me.

¹ For more detail see [1].

² When selecting examples to illustrate these SFs, it was our intention to pick out sentences which have a combination of a morphological tense form and a modal marker, rather than those which are built around a modal verb or a Subjunctive Mood form, as the use of these combined means of expression further highlights the underlying combined semantics of the past.

In the section to follow we provide a sample analysis¹ of two (out of seven) semantic functions of the Past, viewed as the cumulative effect of the temporal and modal semantic components.

- 1. Concrete point localization (a single or repeated action happening at a definite time in the past):
 - a) Combined with the Modal SF 'Reality': We *settled down* to dinner *at 8 p.m.* and *at 10 p.m.*
 - b) Combined with the Modal SF 'Unreality': NOT FOUND
 - c) Combined with the Modal SF 'Possibility':

Not bad for a little girl of 4 who, *just over a year ago*, *couldn't speak* a word of English (*could barely speak*, indeed, a word of anything).

d) Combined with the Modal SF 'Necessity':

Last year Mr O'Neill was obliged to raise taxes by \$1 billion and to cut both spending and staff.

e) Combined with the Modal SF 'Probability':

It is believed that Mr Christie in Edinburgh last night met the four remaining directors on the board, the former chairman, Hamish Deans, and his son George, and Jim Johnston and the Edinburgh lawyer Sandy Moffat.

f) Combined with the Modal SF 'Uncertainty':

I had no idea whether I was into it myself, but for some reason just then the idea seemed rather intriguing.

g) Combined with the Modal SF 'Logical Necessity':

She kept maniacally busy so as not to feel sorrow and set herself the goal of working *so hard that at night* she *fell* into bed exhausted.

¹ As the starting point for our research, we had insights from the works by three linguists: I. Reznik [3], who developed a list of temporal SFs of the Past; E. Belyaeva [1], who provided a detailed analysis of the FSC of Modality and its various meanings; and T. Tenbrink [16], who analysed spatial and temporal prepositions, and specified some discourse functions of the Past. So, there were two separate traditions of analysis – temporal and modal – and the principal objective of the present research was to try to bring them together.

2. Correlative localization: simultaneity (partial or full):

a) Combined with the Modal SF 'Reality':

There, she was high up above the woods, but instead of being able to see all that *was going on* below for miles around, as she had expected, all she could see was – leaves!

b) Combined with the Modal SF 'Unreality':

I felt guilty for challenging his motives and, even though *a tiny corner* of my mind was hearing an imaginary Ellen scoff at my naïvety, I believed the senator's sudden and passionate sincerity.

c) Combined with the Modal SF 'Possibility':

Fair was being able to control how she felt.

d) Combined with the Modal SF 'Necessity':

Cameron realized he was having to form his words carefully.

e) Combined with the Modal SF 'Probability':

No one would dare say that it was his fault outright, but he *knew* what *was going on* in everyone else's mind.

f) Combined with the Modal SF 'Uncertainty':

Thinking so hard about it, he *thought for a moment* he *was hearing* guns.

g) Combined with the Modal SF 'Logical Necessity':

They *expected* me to live on supplementary benefit *so* I *was having to work* the street, trying to get my house together.

Our analysis of the semantic functions of the Past provides a better insight into its complex semantics.

First of all, it is quite apparent that the meanings of the past tense forms cannot be always described in purely temporal terms (point localization, simultaneity, precedence, volume localization, etc.); viewed against the background of a broader linguistic context, they appear to overlap with modal meanings, which can be expressed by a wide repertoire of language means, including lexical markers.

Second, not all the semantic functions of Modality are 'compatible' with the past-time context (for instance, the SF of volition is naturally

missing as the action imposed or desired by the speaker is directed into the future).

Furthermore, various means of expression available to the speaker are unequally distributed across the SFs: there seems to be a certain resistance to the use of means of expressing unreality with those SFs whose semantic structure intrinsically includes some kind of temporal markers – the SFs of concrete point localization, volume direct and indirect localization. Supposedly, it might be explained by the fact that an unreal action is content – rather than context – based, that is, the speaker is more interested in describing what might happen than stating exactly when it might happen. Viewed from another perspective, this explains why the SF 'Unreality' is quite typical in the context of general point localization and all the three types of correlative localization: with these SFs it is the occurrence of a past action in isolation or as a part of a chain of events that matters, and not its temporal boundaries.

Finally, a few concluding remarks about the interplay of temporal and modal meanings in the sphere of the Future and the Past.

The initial step in our analysis was to outline a range of interacting categories and specify the extent of their impact on the complex semantics of the two Functional Semantic Categories – the Future and the Past. It turned out that the Future is closely intertwined with Modality, which is accounted for by the very nature of our conceptualization of prospective events. In contrast to the Future, the semantics of the Past is highly sensitive to the meanings of a wider range of language categories, including the categories of Aspect, Order and Modality, as well as some others. On the one hand, it proves a universal character of the phenomenon of intercategorial interaction. But on the other hand, it highlights an important difference in our conceptualization of the Future and the Past: prognostication, hypothesizing, expectation and evaluation (Modality) would be the key terms for the Future, and witnessing (Aspect), evaluation (Modality), structuring (Order) and reporting (Discourse functions) – for the Past.

If we bear this difference in mind, it explains why the method of modelling the semantic relations in the Future and the Past was not quite the same: the SFs of the Future were all centered around Modality (for example, the SFs 'willingness / unwillingness', 'promise', 'intention', 'evaluation of probability', etc.), whereas the semantics of the Past was a combined effect of several basic types of temporal and modal SFs (for example, the SFs

'concrete point localization' + 'necessity', 'general point localization' + 'probability', 'volume direct localization' + 'uncertainty', etc.).

If we go further, different modelling schemes reveal potential differences in our mental picture of the future and the past events: the former is structured around the cognizing individual and his feelings about the prospective situation, while the latter shifts the focus of attention to the event itself, and the individual becomes an onlooker, a reporter even if he reports the events he was personally involved in¹.

Another important conclusion is that the interplay of categorial semantics on the deep level is mirrored by the use of heterogeneous language means of expression on the surface level: future meanings are frequently expressed by modally-coloured lexical and lexico-grammatical constructions, whereas in the past we typically find a combination of a morphological tense form and a modal lexical marker.

To conclude it all, our research shows that a holistic picture of the semantics of the future and the past need not be 'monochrome': its palette should include temporal, modal, as well as a number of other hues – a timid attempt at capturing the complexity of the cognizing activity of the human mind.

REFERENCES

- 1. *Беляева Е. И.* Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1985. 179 с.
- 2. Коннова М. Н. К вопросу об основных средствах экспликации категории времени в английском и русском языках [Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-osnovnyh-sredstvah-eksplikatsii-kategorii-vremeni-v-angliyskom-i-russkom-yazykah
- 3. Pезник И. В. Функционально-семантическое поле темпоральности: логико-семантическая категория и способы ее языкового выражения: дис. ... канд. филол. наук. М., 1987. 160 с.
- 4. *Чупрына О. Г.* Закономерности категоризации временного опыта в древнеанглийском языке // Когнитивные аспекты языковой категоризации : сб. науч. тр. / отв. ред. Л. А. Манерко; РГПУ им. С. А. Есенина. Рязань, 2000. С. 118–122.

¹Of particular interest here is the use of the category of Evidentiality by some languages to 'shift the anthropocentric perspective' of the utterance, depending on the speaker's evaluation of his personal involvement in the past events.

- 5. *Archer J.* A Matter of Honour. London : Coronet Books ; Hodder and Stoughton Ltd, 1987. 439 p.
- 6. Arstila V. Time in Mind. URL: http://utu.academia.edu/ValtteriArstila
- 7. Bradbury R. Short Stories. M.: Raduga Publishers, 2000. 278 p.
- 8. *Bradbury R*. The April Witch and Other Stories. М.: Менеджер, 2001. 224 р.
- 9. British National Corpus. URL: http://www.natcorp.ox.ac.uk/
- 10. Cheever J. Selected Prose. М.: Менеджер, 2000. 304 р.
- 11. Golding W. Lord of the Flies. M.: Raduga Publishers, 2002. 269 p.
- 12. *Maugham W. S.* Cakes and Ale or the Skeleton in the Cupboard. M.: Менеджер, 1997. 255 р.
- 13. *Pilcher R.* September. URL : http://royallib.com/read/Pilcher_Rosamunde/September.html
- 14. Salinger J. D. Nine Stories. M.: Raduga Publishers, 2000. 239 p.
- 15. Spark M. Stories. M.: Raduga Publishers, 2001. 191 p.
- 16. Tenbrink T. Space, Time, and the Use of Language. An investigation of relationships / Cognitive Linguistics Research 36 / Ed. by D.Geeraerts, R. Dirven, J. R. Taylor; Honorary Ed. R. W. Langacker. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2007. 345 p.

УДК 81-114

О. В. Смурова

кандидат биологических наук, старший преподаватель кафедры грамматики и истории английского языка ФГПН МГЛУ e-mail: olsmurova@yandex.ru

ДЕНОТАТЫ И ОБОБЩЕННЫЕ ОЦЕНОЧНЫЕ СМЫСЛЫ ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

В статье представлен анализ модальных высказываний на основе логики полагания. Такой подход позволяет не только определить набор денотатов эпистемических высказываний, но также уточнить критерии, по которым высказывание может считаться эпистемическим. В статье эпистемические высказывания рассматриваются как речевые репрезентанты языкового концепта «эпистемическая оценка». Автор выделяет три обобщенных оценочных смысла эпистемических высказываний: уверенность, допущение и сомнение, составляющих основное содержание концепта.

Ключевые слова: денотат высказывания; истинностное значение высказывания; когнитивное состояние говорящего; логика полагания; обобщенный оценочный смысл; оценочное высказывание; эпистемическая оценка; языковой концепт.

O. V. Smurova

Ph. D., Senior Teacher, Chair of Grammar and History of English, Department of Humanities and Applied Sciences, MSLU e-mail: olsmurova@yandex.ru

DENOTATA AND GENERALIZED EVALUATIVE SENSES OF EPISTEMIC UTTERANCES

The article represents an analysis of modalized utterances on the basis of suppositional logic. The approach allows not only to identify the set of denotata of epistemic utterances but also specify the criteria on which an utterance should be considered as such. Epistemic utterances are treated as means of representation in speech of linguistic concept 'Epistemic Evaluation'. The author distinguishes three generalized evaluative senses of epistemic utterances: *confidence*, *assumption* and *doubt*, which may be considered as the core senses of the linguistic concept in question.

Key words: denotatum of the utterance; truth value of the utterance; cognitive state of the speaker; suppositional logic; generalized evaluative sense; epistemic utterance; epistemic evaluation; linguistic concept.

В нашем понимании любой **языковой** (лингвистический) концепт – это множество вербализованных и невербализованных смыслов,

определенное на множестве денотатов (различных свойств феномена действительности) [7]. Анализ множества денотатов, на которых построен концепт, может рассматриваться как первый этап описания концепта.

Речевые репрезентанты концепта ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ОЦЕН-КА представляют собой оценочные высказывания, в которых говорящий дает оценку достоверности какой-либо ситуации действительности. По мнению М. В. Никитина, именно высказывания являются «подлинными знаками», а слова и словосочетания «представляют собой два уровня "заготовок" для подлинных знаков и воспринимаются как знаки именно потому, что есть эллиптические и номинативные предложения, по составу равные слову или словосочетанию, но с дополнительным качеством коммуникативной единицы» [4, с. 507].

В данной работе мы попытаемся определить набор денотатов, оптимальный для описания эпистемических высказываний, с учетом аналогов, существующих в лингвистической практике.

Денотатом (референтом) высказывания в лингвистике чаще всего считают фрагмент действительности, описываемый высказыванием (см., например, работу Е. В. Падучевой «Высказывание и его соотнесенность с действительностью» [5]). Совершенно другое понимание денотата высказывания (предложения) было у Г. Фреге, который в качестве такового рассматривал соответствующее этому предложению истинностное значение, а смыслом предложения считал выражаемую им мысль (суждение). Истинностных значений (денотатов предложения) в концепции Г. Фреге два: Истина и Ложь, которые ученый считал абстрактными вещами [10].

Е. Э. Разлогова, основываясь на фрегевском понимании денотата предложения как истинностного значения, для описания высказываний с модальными единицами предлагает использовать логику полагания [6]. Как считает автор, в системе знаний говорящего может быть три основных типа суждений: истинные, ложные и неопределенные, т. е. такие, относительно которых говорящий не знает, истинны они или ложны. В соответствии с этим Е. Э. Разлогова выделяет три

¹ Как считает М. А. Кронгауз, если понимать высказывание как конкретную речевую реализацию «полностью охарактеризованного семантически и прагматически предложения», строгое различение терминов «предложение» и «высказывание» перестает иметь значение [2, с. 231].

когнитивных состояния индивида: Истину, Ложь и Неопределенность. Неопределенные с точки зрения точного знания говорящего суждения в свою очередь распадаются на три класса: «квазиистинные» — те, которые говорящий считает истинными (он уверен, но не знает); «квазиложные» — те, которые говорящий считает ложными (но не знает), и те, в отношении которых у говорящего нет уверенности ни в том, ни в другом. Последние представляют собой аналог неопределенных суждений на новом уровне: о них не только не известно, истинны они или ложны, но и ничего нельзя сказать с уверенностью. Такие суждения выражают категорию Неуверенности. Среди последних снова выделяется три класса: «скорее истинные»; «скорее ложные», и те, «о которых мы и предположить ничего не можем, т. е. не можем даже сказать, на что они больше похожи — на истинные или на ложные — "полностью неопределенные суждения"» [6, с. 64].

Таким образом, Е. Э. Разлогова выделяет три уровня когнитивных состояний: Знания, Уверенность и Неуверенность, в каждом из которых имеется своя «Истина», своя «Ложь» и своя «Неопределенность». По мере продвижения от Знаний к Неуверенности высказывания становятся все менее категоричными. «Полная Неопределенность является кульминационной точкой "незнания". Неопределенность в зоне Знаний и в зоне Уверенности разворачивается в новый когнитивный уровень» [Там же, с. 65].

Поскольку в оценочном высказывании отражается не столько ситуация действительности, сколько когнитивная установка говорящего относительно этой ситуации, мы вслед за Г. Фреге полагаем, что денотатами оценочных высказываний служат такие «абстрактные вещи» как Истина и Ложь, а также разные виды Неопределенности, которые мы вслед за Е. Э. Разлоговой понимаем как «когнитивные состояния говорящего». При этом мы не выходим из рамок когнитивного подхода, поскольку «когнитивизм — взгляд, согласно которому человек должен изучаться как система переработки информации, а поведение человека должно описываться и объясняться в терминах внутренних состояний человека» [1, с. 17].

Истинные или ложные с точки зрения знаний говорящего высказывания могут быть как модальными, так и немодальными. Примерами немодальных высказываний этого уровня с денотатом «Истина» могут служить высказывания, типа *Крит – остров*; *Курить – здоровью вредить*; *Дважды два – четыре* и т. п., а примерами немодальных

высказываний с денотатом «Ложь»: *Крит находится в Африке; Курить полезно; Дважды два — пять*¹. Примеры модальных высказываний, относящихся к уровню *Знания*:

(1) Reading and writing take on, *ineluctably*, an ethical dimension. Денотат: *Истина*

(2) At least you *might* have found another job! Денотат: *Ложь*

Высказывание (2) не является оценочным, а выражает стремление говорящего произвести воздействие на слушателя. Употребленный в нем в сослагательном наклонении модальный глагол *тау* выражает упрек: говорящий недоволен, что собеседник не нашел другую работу. Е. Э. Разлогова подобные высказывания относит к высказываниям с когнитивно-эмоциональным денотатом, в которых когнитивное состояние говорящего дополняется эмоциональным. Так, в рассматриваемом примере когнитивное состояние «Ложь» сопровождается эмоциональным состоянием «Недовольство».

Высказывание (1) в нашем представлении является оценочным, однако квалифицирует пропозицию в плане истинности / ложности, а не в плане достоверности / недостоверности. Мы считаем, что высказывания с денотатами «Истина» и «Ложь», т. е. относящиеся к уровню Знания, являясь модальными, не являются эпистемическими. Мы опираемся на мнение Дж. Лайонза, который считает, что с эпистемической оценкой мы имеем дело лишь в том случае, когда говорящий осознает, что «свидетельства, которыми он располагает, — его эпистемические гарантии или эпистемические основания его утверждения, — не так хороши, как могли бы быть, и что его обязательство имеет не абсолютный, а предварительный, пробный или условный характер» [3, с. 347].

Как считает М. В. Никитин, оценочные суждения «лежат в области промежуточной между сомнением и убеждением, между предположением и установленным знанием, между верой и доказательством»

¹ Мы считаем такие высказывания немодальными вслед за Ю. С. Степановым, который, понимая модальность как представление действительности с точки зрения говорящего, чисто интенсиональные предложения, описывающие абстрактно мыслимые ситуации, не соотносимые ни с какой объективной ситуацией непосредственно, относит к немодальным [9, с. 241].

[4, с. 694], поэтому можно сделать вывод, что денотаты эпистемических высказываний не могут принадлежать уровню Знания, а относятся к уровням когнитивных состояний Уверенность и Неуверенность, если использовать терминологию Е. Э. Разлоговой. Смыслом эпистемического высказывания мы вслед за Г. Фреге считаем выражаемое высказыванием суждение. Однако мы полагаем, что в случае эпистемических высказываний помимо конкретного смысла высказывания, можно говорить о его обобщенном оценочном смысле. Заметим, что высказывания с различающимися денотатами могут иметь одинаковый обобщенный оценочный смысл. Это характерно для высказываний уровня Уверенность. Так, характеризующиеся неполной определенностью знаний говорящего высказывания They definitely were there и He can't have done it имеют различные денотаты:

(3) They definitely were there. Денотат: *Квазиистина*

(4) He can't have done it.Денотат: Квазиложь

Однако высказывания (3) и (4) обладают одинаковым обобщенным оценочным смыслом – **«уверенность говорящего»**, хотя первое представляет собой уверенность говорящего в достоверности ситуации, а второе – уверенность в недостоверности.

Поскольку в качестве денотатов высказываний выступают когнитивные состояния говорящего, набор денотатов, предложенный Е. Э. Разлоговой, теоретически может быть дополнен. Так, к когнитивным состояниям уровня *Уверенность* можно добавить такую уверенность, которая базируется не на знаниях, а на слепой вере говорящего в истинность ситуации:

(5) I don't know why, but I'm sure that he loves me. Денотат: Слепая вера

Высказывание (5) так же, как и высказывания (3) и (4), имеет обобщенный оценочный смысл «уверенность».

Высказывания *They might have seen him* и *He can hardly have come so late* характеризуются неопределенностью уверенности говорящего и относятся к уровню *Hevверенность*:

(6) They might have seen him. Денотат: Скорее истина

(7) He can hardly have come so late. Денотат: *Скорее ложь*

В отличие от высказываний уровня *Уверенность*, обобщенные смыслы высказываний с неопределенностью уверенности говорящего различаются: обобщенный оценочный смысл высказываний с денотатом «Скорее истина» может быть обозначен как «допущение», а обобщенный оценочный смысл высказываний с денотатом «Скорее ложь» – как «сомнение».

Набор когнитивных состояний уровня *Неуверенность*, предложенный Е. Э. Разлоговой, также может быть дополнен когнитивным состоянием говорящего, который мы обозначим термином «**недоверие**»: в этой ситуации говорящий располагает сведениями о достоверности ситуации, но не доверяет им:

(8) He claims that loves her, but I don't believe. Денотат: *Heдоверие*

Обобщенный оценочный смысл таких высказываний совпадает с обобщенным смыслом высказываний с денотатом «Скорее Ложь» и может быть обозначен как «сомнение».

Суждения, выражающие «Полную Неопределенность», оформляются, например, при помощи таких фраз, как *I have no idea*:

(9) I have no idea why you are here. Денотат: Полная неопределенность

Мы полагаем, что высказывания с денотатом «Полная Неопределенность» не относятся к эпистемическим оценочным, поскольку в подобных случаях говорящий не производит оценку достоверности ситуации, а лишь констатирует отсутствие у него знаний относительно этой ситуации¹.

Соответствие модальных высказываний уровням когнитивных состояний, их денотаты, а также место в этой системе эпистемических высказываний (выделены цветом) и их обобщенные оценочные смыслы показаны в таблице (см. ниже).

Разумеется, анализ денотатов высказываний служит лишь вспомогательным инструментом при описании концепта. Однако он позволил

¹ Высказывания такого типа относятся к выражениям эвиденциальности, которые часто служат показателями обоснованности модальных суждений (см. [8]).

нам выявить базовые обобщенные смыслы эпистемических оценочных высказываний: **«уверенность»**, **«допущение»** и **«сомнение»**. Можно утверждать, что эти смыслы составляют основное содержание концепта ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА. Соответственно, в английском языковом сознании содержание рассматриваемого концепта включает смыслы, группирующиеся вокруг трех базовых смыслов: **«certainty»**, **«assumption»** и **«doubt»**, отражающих результат оценки говорящим достоверности какой-либо ситуации действительности.

Таблица

Денотаты и обобщенные оценочные смыслы модальных высказываний

Пример высказывания	Уровень когнитивных состояний	Денотат	Обобщенный оценочный смысл
Reading and writing take on, <i>ineluctably</i> , an ethical dimension	Знания	Истина	_
At least you might have found another job!		Ложь	_
_		Неопределенность знаний	_
They definitely were there	Уверенность	Квазиистина	
I don't know why, but I'm sure that he loves me		Слепая вера	Уверенность
He can't have done it		Квазиложь	
_		Неопределенность уверенности	_
They might have seen him	Неуверенность	Скорее истина	Допущение
He can hardly have come so late		Скорее ложь	
He claims that loves her, but I don't believe		Недоверие	Сомнение
I have no idea why you are here	_	Полная неопределенность	_

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Демьянков В. 3.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
- 2. *Кронгауз М. А.* Семантика: учебник для вузов. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 399 с.
- 3. $\mathit{Лайонз}\ \mathcal{Д}$ ж. Лингвистическая семантика : Введение. М. : Языки славянской культуры, 2003.-400 с.
- 4. *Никитин М. В.* Курс лингвистической семантики: учеб. пособие. 2-е изд., доп. и испр. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. 819 с.
- 5. $\Pi a \partial y u e B a E. B.$ Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985. 271 с.
- 6. *Разлогова Е.* Э. Логико-когнитивные и стилистические аспекты семантики модальных слов : дис. . . . д-ра филол. наук. – М., 2005. – 294 с.
- 7. Смурова О. В. Модель лингвистического концепта как композиция функций отображения // лингвистика и лингводидактика в когнитивно-коммуникативном аспекте: грамматические исследования. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. С. 20–29. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 25 (711). Сер. Языкознание).
- 8. *Смурова О. В.* Степень уверенности и обоснованность как компоненты значения эпистемических модальных операторов // Вестник МГЛУ. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. С. 67–78.
- 9. *Степанов Ю. С.* Имена, предикаты, предложения. М. : Наука, 1981. 361 с.
- 10. *Фреге Г.* Смысл и значение [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://philosophy.ru/library/frege/02.html

УДК 81'367.622/19-111

А. Д. Гулимова

преподаватель кафедры грамматики и истории английского языка ФГПН МГЛУ e-mail: anna-qulimova@yandex.ru

ВРЕМЯ В ТЕКСТЕ: МЕТАФОРИЧЕСКИЕ И НЕМЕТАФОРИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена функционированию обозначений времени в тексте. На основе примеров из художественной литературы показано, что время, с одной стороны, может выполнять функцию фона повествования, а с другой – выступать в роли главного персонажа. В первом случае для обозначения времени используются, в основном, грамматические и лексические средства. Во втором – получают развитие концептуальные метафоры времени, при этом фоновые указания на временные отношения в тексте сохраняются. Проведенный в статье анализ неметафорических и метафорических средств обозначения времени подтверждает общность концептуальных оснований их семантики и показывает, что источники формирования концептуальных метафор связаны с концептуальными основаниями номинации лексических обозначений времени.

Ключевые слова: время; художественный текст; функционально-семантическое поле темпоральности; лексические средства обозначения времени; концептуальные метафоры времени; фон; фигура; текстообразующая функция времени.

A. D. Gulimova

Teacher, Department of Grammar and History of the English Language, Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU e-mail: anna-qulimova@yandex.ru

TIME IN THE TEXT:

METAPHORICAL AND NON-METAPHORICAL MECHANISMS OF TIME CONCEPTUALIZATION

The article deals with the functions that means of expressing time can carry out in the text. On the one hand, time can function as the background of the narration. In this case, grammatical and lexical means of expressing temporal relations are used. On the other hand, time can be foregrounded and become the communicative centre of the context. In this case conceptual metaphorical representation of time becomes increasingly active; however, the text always retains its temporal background. The analysis of non-metaphorical and metaphorical means of

expressing time, illustrated with examples from fiction, shows that these means are built on a common conceptual basis, and the components employed to make up a conceptual metaphor are inherent conceptually in the means of expressing background time.

Key words: time; fiction; functional-semantic field of temporality; lexical means of expressing time; conceptual metaphors of time; ground; figure; the text-building function of time.

Важность и сложность понятийной категории времени не вызывает сомнений. Время недоступно человеку в непосредственном восприятии, но постоянно определяет его жизнь и является одной из ключевых ценностей современной цивилизации. Абстрактный характер времени означает, что говорить об этом явлении возможно только используя понятия других, более конкретных категорий. В самом деле, единственным объективным доказательством существования времени является изменение в нем объекта. Поэтому очевидно, что основным способом концептуализации времени, как и других абстрактных категорий (например, эмоций и отношений), является механизм концептуальной метафоры.

Вопросу концептуализации времени посвящено большое количество работ как отечественных, так и зарубежных исследователей, в т. ч. Дж. Лакоффа, М. Джонсона, К. Куперрайдера, Р. Нуньеза, М. Н. Конновой, С. А. Баруздиной, Т. В. Федосовой, А. А. Осиповой и др.

Большинство авторов единодушно признают наиболее частотной при осмыслении времени концептуальную метафору «Время — это пространство». Как пишет К. Куперрайдер, «когда мы идем по дороге, например, процесс движения вперед совпадает с процессом течения времени — и, в самом деле, это может стать основанием для метафорической проекции будущего на пространство перед говорящим...» [23] (зд. и далее перевод мой. — A. Γ .).

Пространственная метафора времени непосредственно связана с представлениями о нем как о движении, выраженными во взаимодополняющих концептуальных метафорах «Время — это пространство, через которое мы движемся» и «Время — это движущийся объект».

Наряду с пространственно-динамическими концептуальными метафорами большинство исследователей выделяет концептуальную метафору «Время – это ценный ресурс (деньги)».

Необходимо также отметить, что данный набор концептуальнометафорических моделей является «производящей основой» для ряда более конкретных метафорических проекций, таких как «Время – это вместилище», «Время – это движущееся (текущее) вещество», «Время – это исчерпаемый ресурс», «Время – это материальный объект», «Время – это человек (друг, противник, лекарь, учитель и т. д.)», «Прошлое – это то, что расположено сзади / слева от говорящего» и т. д. (см., например, [1; 10; 11; 14; 18]), а также для широчайшего спектра авторских метафор [1; 15].

Однако обширный иллюстративный материал, чаще всего фразеологический, приводимый при изучении концептуальных метафор времени, тем не менее, не дает представления о механизмах их формирования, а также не объясняет существования в современном (в частности, английском) языке многочисленных неметафорических обозначений времени. Определенные шаги в этом направлении были предприняты в последнее время в области психолингвистики. При изучении жестов, сопровождающих речь, было обнаружено, что носителям разных языков и культур свойственно использовать при описании временных отношений те же пространственные модели, которые присущи их языкам. В частности, англичане и американцы, говоря об относительной ориентации во времени (раньше / позже), жестами «располагают» события слева направо, а для дейктических временных указаний (прошлое, настоящее или будущее) направляют жесты впереди / позади себя или по вертикальной оси. Спонтанный характер сопровождающих речь жестов доказывает, что механизм концептуальной метафоры действует на уровне подсознания, а их отличия у носителей разных языков и культур говорят о культурологических основаниях пространственно-временных моделей (см., например, [20]).

Обращаясь к изучению средств и способов выражения времени в языке, необходимо помнить, что временные отношения имеются в речи всегда. Если время «не существует» вне языкового выражения, то речь не может существовать без выражения времени. Прежде всего, описания времени всегда присутствуют в речи имплицитно, в составе глагольных форм. Грамматические категории времени, вида, временной соотнесенности действий обеспечивают абсолютную и относительную локализацию действия во времени, а также уточняют его характер (периодичность, продолжительность и т. д.). При рассмотрении этих категорий в рамках функциональной грамматики была предпринята одна из первых попыток представить единую

систему средств выражения времени в языке [3; 4; 9; 17 и др.]. При этом грамматические категории глагола справедливо рассматривались как ядерная часть функционально-семантического поля времени (точнее, темпоральности).

Вторую, периферийную часть данного поля составляют эксплицитные (в отличие от глагольных категорий, которые можно, на наш взгляд, считать имплицитными) лексические указания на временные отношения и локализацию события во времени. В последнее время отношение к лексической части функционально-семантического поля темпоральности несколько изменилось. Если лексические средства выражения времени традиционно принято считать дополнительными или вспомогательными (в частности, в современном английском языке), то сегодня имеется ряд работ [см., например, 12; 13; 16], подчеркивающих, что лексические обозначения времени могут не только конкретизировать время, выраженное грамматически (например, She left two minutes ago / yesterday / last month), но и кардинально менять временные отношения. Таким образом, некоторые лексемы и лексические сочетания (в первую очередь, наречия и предложные сочетания), по сформировавшемуся в настоящее время мнению исследователей [2], также могут быть причислены к ядерным средствам выражения времени.

В связи с этими наблюдениями вопрос о возможности смоделировать единую систему обозначений времени в языке и выявить принципы формирования этой системы представляется особенно актуальным.

Наши исследования, в частности, этимологический и семантический анализ лексических обозначений времени, показали, что основание неметафорической лексической номинации времени представлено определенным и достаточно ограниченным набором концептуальных структур [5–7]. Эти структуры, очевидно, присутствовали в обозначениях времени при первоначальной номинации, но сохранились эксплицитно только в небольшом количестве единиц. Тем не менее анализ этимологии обозначений времени и слов, исторически родственных им в английском и других языках, подтверждает, что можно выделить концептуальные основания номинации, которые мы назвали архетипическими, и показать, что они влияют на дальнейшее развитие семантической структуры лексических единиц и на формирование у них временной семантики.

Так, например, в семантике лексем day и dawn изначально присутствовала идея света и тепла (ср. и.-е. корень *dhagh- «гореть»), лексема *morning* содержала указания на чередование света и тьмы и, следовательно, на своеобразное движение (ср. рус. *мерцать*, *моргать*, *мрак*, *мережка* и т. п.), в этимологии лексем *moment* и *instant* имеются значения движения и покоя соответственно, а (неоднокоренные!) лексемы *time* и *tempo* связаны с указаниями на размер, длину и стихию (воду и погоду¹ соответственно).

В результате этимологического анализа лексических обозначений времени было выявлено четыре основных *архетипических концептуальных основания номинации времени*: свет / тьма (тепло / холод), стихия, движение / покой и пространство.

В ходе дальнейшего семантического анализа было установлено, что данные концептуальные основания, будучи базовыми для номинации времени, не являются элементарными и могут быть представлены в виде набора составляющих, который является одним и тем же для всех четырех оснований. Так, идея света и чередования света и тьмы, как уже говорилось, подразумевает существование некоторого движения, характеризуемого траекторией, направлением, скоростью и т. д. Также движение предполагает наличие движущегося объекта и наблюдателя, задающего систему координат. Кроме того, чередование предусматривает наличие чередующихся единиц, которые могут быть представлены как отрезки, имеющие некоторый размер и границы, или как замкнутый цикл. Представления об отрезках и границах связаны с идеей пространства, которое, в свою очередь, может концептуализироваться как двух- или трехмерное. Выявленный таким образом набор составляющих является «строительным материалом» для более комплексных (и более целостных) оснований лексической номинации времени.

Однако составляющие концептуальных оснований номинации времени можно обнаружить и в перечисленных выше концептуальных метафорах времени. Так, метафора «Время — это пространство» предполагает, что о времени можно говорить в терминах точек, отрезков, объемов, размеров, делимости и др.

Метафоры «Время – это движущийся объект» и «Время – это пространство, через которое мы движемся» основываются на наличии таких характеристик движения как скорость, направление, траектория.

¹ Указания на погоду мы относим к группе обозначений стихий на том основании, что они почти всегда связаны с характеристиками воздушной среды (ветром и температурой), описанием осадков (дождя, снега) или световых явлений (солнце, молния).

Концептуальная метафора «Время — это (ценный) ресурс» и близкая к ней «Время — это деньги», согласно исследованиям М. Н. Конновой, исторически производны от распространенной в Средние века метафоры «Время — это дар Божий» [10; 11].

Однако концептуальной основой и современной, и более архаичной метафоры, на наш взгляд, следует считать представление о времени как о стихии. Действительно, как и сила стихии, сила времени непреодолима, неподконтрольна и может быть представлена как «данная свыше». Изменения, вызванные временем, необратимы и часто разрушительны. Тем не менее, человек издавна мечтает овладеть этой силой, подчинить ее и обратить себе на пользу, как удалось обратить на пользу людям силу воды или огня.

Отметим также, что наше предположение об идее стихии как об основании концептуальной метафоры «Время – это (ценный) ресурс / деньги» подтверждается существованием концептуальных метафор «Время – это вода» (реализуемых, например, в выражениях the flux / flow / current of time) и «Деньги – это жидкость» (например, to pour money down the drain, the money is dried up).

Каким же образом неметафорические и метафорические способы обозначения времени, а также концептуальные составляющие их семантики участвуют в формировании текстов (участков текста)? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим их функционирование в художественном тексте, где эти две группы обозначений постоянно сочетаются. С одной стороны, указания на время как бы «вплетены» в контекст любого повествования и составляют фоновую информацию, позволяющую понять, как развивается событие. С другой — течение времени, то, как ощущает его герой повествования, может выступать в качестве центрального аспекта повествования.

Для разграничения фоновой и центральной функций различных обозначений времени в тексте обратимся к понятиям фигуры и фона. Эти термины ввел в когнитивную лингвистику Л. Талми для описания принципов распределения внимания в процессе коммуникации.

 Φ игурой Л. Талми называет «движущуюся или потенциально движимую сущность, чьи траектория, местоположение или ориентация воспринимаются как переменная, значение которой существенно».

 Φ он — это «неподвижная сущность в пределах области референции, относительно которой определяется траектория, местоположение или ориентация фигуры» [28, с. 419].

Наряду с понятиями фигуры и фона в когнитивной лингвистике также употребляются понятия *профиля* и *базы*, *траектора* и *ориентира* и некоторые другие, часто близкие по значению. Выбирая в качестве обозначений коммуникативных функций понятия фигуры и фона, мы руководствуемся тем, что такое разграничение является наиболее общим принципом распределения внимания при восприятии объектов и обработке информации, в то время как другие пары терминов акцентируют конкретные характеристики описываемого контекста. Например, понятия профиля и базы чаще используются для описания статичных контекстов, а *траектор* и *ориентир* подчеркивают динамичность ситуации.

Одной из особенностей фигуры и фона является их *асимметричность*: фигура обладает более простой и четкой формой, меньшим размером и большей подвижностью; фон статичен и менее структурирован. Фон, как правило, воспринимается в первую очередь, но при появлении «в поле зрения» слушателя или читателя фигуры «отходит на второй план».

Еще одна важная характеристика фона и фигуры – их *способность* к взаимному превращению. Структура текста, в особенности, художественного, не только позволяет, но нередко и требует смены фокуса внимания. Рассмотрим, как это происходит на нескольких примерах из художественных текстов. Отметим, что иллюстративный материал получен методом сплошной выборки, без каких-либо жанровых или стилистических ограничений.

В качестве первого примера возьмем отрывок из романа А. Кристи «Немезида» (A. Christie, 'Nemesis').

In the afternoons it was the custom of Miss Jane Marple to unfold her second newspaper. Two newspapers were delivered at her house every morning. The first one Miss Marple read while sipping her early morning tea, that is, if it was delivered in time. The boy who delivered the papers was notably erratic in his management of time. Frequently, too, there was either a new boy or a boy who was acting temporarily as a stand-in for the first one. And each one would have ideas of his own as to the geographical route that he should take in delivering. Perhaps it varied monotony for him. But those customers who were used to reading their paper early so that they could snap up the more saucy items in the day's news before departing for their bus, train or other means of progress to the day's work were annoyed if the papers were late, though the middle-aged and elderly ladies who resided peacefully in St. Mary Mead often preferred to read a newspaper propped up on their breakfast table [22].

Данный отрывок посвящен, прежде всего, описанию действий главной героини и мальчика, разносящего газеты; очевидно, что указания на время выполняют здесь функцию фона. Тем не менее в этом отрывке можно выделить, по меньшей мере, три вида временных отношений.

Во-первых, это указания на более или менее точную локализацию событий во времени. Это, прежде всего, обозначения точечной временной локализации, реализуемые с помощью называния времени суток и приема пищи: in the afternoons, early morning tea, breakfast table. С одной стороны, это отражает неразрывную связь времени с характерными для него событиями. С другой стороны, предложное сочетание соотносится с такими элементами концептуальных оснований семантики обозначений времени, как «точка» и «контейнер». Кроме того, в тексте имеются описания локализации события в рамках отрезка времени, передаваемые союзом while, наречием temporarily и существительным stand-in, подчеркивающим временный характер действия. Эти описания реализуют концептуальные элементы «отрезок», «граница», «протяженность». Отметим также, что лексемы while, temporarily и stand-in восходят к корням, указывающим на идею движения / покоя (while, stand-in) и делимого отрезка (temporarily), а также этимологически связаны с указаниями на стихию, в частности, погодные явления (while, temporarily) [5-7].

Во-вторых, в отрывке содержатся указания на периодичность событий. Они переданы, в основном, с помощью лексических обозначений повторяющихся действий: custom, every morning, frequently, monotony, were used to reading, а также формы множественного числа afternoons. Таким образом, на первый план при описании времени выносятся такие концептуальные элементы и признаки, как «отрезок», «граница», «чередуемость», «повторяемость».

В-третьих, в тексте есть указания на своевременность или несвоевременность совершаемого действия: это предложное сочетание *in time*, а также предлог *before* и наречия *early* и *late*, отражающие концептуальные признаки «линия», «точка», «граница», «направление», «контейнер».

Однако идея несвоевременности действий, т. е. в сущности, их неправильного распределения во времени, вызывает ассоциации с неправильным использованием ценного ресурса. Таким образом, от фонового упоминания несвоевременности действий разносчика газет (that is, if it was delivered in time) автор переходит к описанию его взаимодействия

со временем: *The boy who delivered the papers was notably erratic in his management of time*, обращаясь к концептуальной метафоре «Время – это ценный ресурс», которым можно распоряжаться.

Такой быстрый переход между планами повествования — от фоновых упоминаний времени действий к повествованию, в котором время функционирует как фигура (на фоне действий и восприятия персонажей), — позволяет сформировать разностороннее видение происходящих событий.

Проведенный анализ текстов показывает, что подобные сочетания функций фона и фигуры встречаются в художественной прозе достаточно часто. Приведем еще несколько примеров.

It was a quiet morning, the town covered over with darkness and at ease in bed. *Summer gathered in the weather*, the wind had the proper touch, the breathing of the world was long and warm and slow [21] (здесь и далее курсив наш. – $A. \Gamma.$) — концептуальные метафоры «Время — это свет / тьма» и «Время — это вещество, способное сгущаться».

...The Limited was thundering on, drawing nearer every moment to a tragic end. The minutes were *ticking away* [19] — концептуальные метафоры «Время – это механизм», «Время – это движение».

There was something hypnotizing about these circling figures. *Time perished*: it was neither late last night, nor early this morning; it was no hour that could ordinarily be found among the twenty-four [27] — концептуальная метафора «Время — это живое существо».

Итак, проведенный анализ художественных текстов показал, что время в тексте может функционировать как в качестве фона так и в качестве центрального аспекта повествования; при этом переход от одной функции к другой может совершаться достаточно быстро. Если время выполняет функцию фона повествования, для его обозначения используются грамматические средства и лексемы с прямым временным значением. Концептуальные метафоры для фонового описания времени практически не используются.

Если же время функционирует как фигура повествования, концептуальные метафоры становятся основным средством его обозначения, при этом они, как правило, приобретают развернутый, авторский характер. Однако следует подчеркнуть, что на участке текста, где время выполняет функцию фигуры, также обязательно присутствуют указания на фоновые временные отношения, выраженные в основном грамматически и в отдельных случаях лексически.

Во взаимодействии и взаимном переходе функций времени от фона к фигуре и проявляется связь неметафорических лексических и концептуально-метафорических средств указания на него в тексте. Проведенный анализ доказывает, что эта взаимосвязь обусловлена структурным единством двух рассмотренных групп: концептуальными основаниями лексической семантики и концептуальных метафор времени является один и тот же набор составляющих. Среди них – представления о пространственных отношениях (точка, граница, отрезок, размер, объем, линия, круг, делимость и т. д.), о движении (направление, траектория, скорость, движущийся объект, пространство, в котором происходит движение), о свете / тьме (возможности их зрительного восприятия, чередования и т. д.) и о стихии (ее (не)подконтрольности, враждебности / пользе и ценности, (не)обратимости и т. д.). В зависимости от намерений автора эти элементы проявляются при реализации функции времени как фона действий и событий или выходят на первый план повествования в составе концептуальной метафоры.

Так или иначе, и в функции фона, и в роли фигуры элементы семантики времени никогда не присутствуют отдельно: картина временных отношений всегда строится из многих компонентов, один из которых занимает вершинное положение и дополняется остальными.

Перспективным направлением дальнейших исследований концептуальных оснований времени представляется изучение взаимодействия грамматических и метафорических (в частности, фразеологических) средств обозначения времени в тексте, а также его функционирования в текстах разных жанров и стилей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Баруздина С. А.* Лингвокультурный концепт «время» в метафорических репрезентациях (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2008. 24 с.
- 2. *Бидагаева Ц. Д.* Темпоральные адвербиалы в английском предложении: языковой процесс выражения смысла. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2004. 187 с.
- 3. *Бондарко А. В.* Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М.: КомКнига, 2007. 352 с
- 4. Γ *ильфанова* Д. P. Темпоральность художественного текста на материале английского и татарского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2005. 21 с.

- 5. *Гулимова А. Д.* Архетипические оппозиции как номинативные основания обозначений времени в английском языке // Когнитивно-функциональное направление в лингвистике и лингводидактике: грамматические исследования. М.: МГЛУ «Рема», 2011. С. 79–87. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 27 (633). Сер. Языкознание).
- 6. *Гулимова А. Д.* Группа английских существительных с общим значением «период времени»: концептуальные основания семантики // Грамматические исследования: когнитивно-коммуникативная лингвистика и современная лингводидактика. М.: МГЛУ «Рема», 2012. С. 72–84. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 27 (660). Сер. Языкознание).
- 7. *Гулимова А. Д.* Концептуальные основания семантики времени в английском языке // Теоретические аспекты языковой репрезентации : сб. науч. тр. Москва–Тамбов, 2012. С. 652–661. (Когнитивные исследования языка; вып. XII).
- 8. *Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусировки. М. : Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
- 9. *Ковалевский Р. Л.* Заметки о многовекторности языкового времени (на материале немецкого языка) // Вестник ВолГУ. Сер. 2. Вып. 4. Волгоград : ФГАОУ ВПО ВолГУ, 2005. С. 111–114.
- 10. *Коннова М. Н.* Концептуальная метафора времени в современном английском языке (изменения в концепте времени) // «Ломоносов-2004» : материалы Междунар. науч. конф. : в 3 т. Т. 2. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004.-10 с.
- 11. *Коннова М. Н.* Концептуальные метафоры времени в современном английском языке: дис. . . . канд. филол. наук. Калининград, 2007. 260 с.
- 12. *Магомедова С. О.* Средства выражения темпорального дейксиса в аварском и английском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2008. 26 с.
- 13. *Нуреева А. Р.* Взаимодействие категорий темпуса и хроноса при формировании конвергентных временных значений (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 21 с.
- 14. Осипова А. А. Национально-культурная специфика вербализации домена «ВРЕМЯ» в англоязычном пространстве : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н.-Новгород, 2011.-25 с.
- 15. Φ едосова Т. В. Образы и концептуальные метафоры времени в постмодернистской прозе // Вестник молодых ученых : сб. науч. работ. № 1. Горно-Алтайск, 2004. С. 113—118.
- 16. *Шуваева Н. В.* Взаимодействие грамматических и лексических средств выражения темпоральности в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2005. 26 с.

- 17. *Якушкина И. В.* Реализация категории предшествования в англоязычном художественном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2010. 21 с.
- 18. *Ярославцева М. В.* Темпоральные метафоры в языковых картинах мира носителей русского и испанского языков (на материале поэтических текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2011. 24 с.
- 19. *Bolton A*. Red Fire for Danger // Eagle Annual. № 6. London : Hulton Press Ltd, 1956. P. 156–158.
- 20. *Boroditsky L.* How Languages Construct Time // Dehaene and Brannon (Eds.). Space, time and number in the brain: Searching for the foundations of mathematical thought. Elsevier, 2011. P. 333–341.
- 21. Bradbury R. Dandelion Wine. M.: Айрис-пресс, 2008. 320 с.
- 22. Christie A. Nemesis. Epub Edition, 2011. 180 p.
- 23. Cooperrider K., Núñez R. and Sweetser E. The conceptualization of time in gesture // C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S. H. Ladewig, D. McNeill and S. Tessendorf (Eds.). Body-Language-Communication. Vol. 2. New York: Mouton de Gruyter, 2014. P. 1781–1788.
- 24. *Lakoff G*. Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. Chicago: The University of Chicago Press, 1990. 614 p.
- 25. *Lakoff G. and Johnson M.* Metaphors We Live By. London : The University of Chicago Press, 2003. 276 p.
- 26. *Langacker R*. Nouns and Verbs // Concept, Image and Symbol. Mouton de Gruyter, 1990. P. 59–100.
- 27. Priestley J. B. Faraway. Mandarin, 1996. 432 p.
- 28. *Talmy L*. Figure and Ground in Complex Sentences // Proceedings of the First Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley Linguistics Society, 1975. P. 419–430.
- 29. *Talmy L*. Figure and Ground in Language // Toward a Cognitive Semantics. Vol. 1. The MIT Press, 2000. P. 311–344.

УДК 81.114

И. С. Лебедева, Е. Б. Павлова

Лебедева И. С., кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики и истории английского языка ФГПН МГЛУ e-mail: Lebedeva Irina 68@yahoo.com

Павлова Е. Б., кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики и истории английского языка ФГПН МГЛУ e-mail: lena.pavlova@live.ru

СОЧЕТАНИЯ ДВУХ И БОЛЕЕ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются синтактические, семантические и прагматические особенности употребления сочетаний двух и более модальных глаголов, выражающих эпистемические, деонтические и онтологические модальные значения. Особое внимание уделяется функциям сочетаний модальных глаголов, которые рассматриваются как маркеры вежливости в контекстах, где основной задачей говорящего следует рассматривать сохранение «лица».

Ключевые слова: сочетания двух и более модальных глаголов, эпистемическая модальность; деонтическая модальность; онтологическая модальность; «лицо»; маркеры вежливости.

I. S. Lebedeva, E. B. Pavlova

Lebedeva I. S., Ph. D., Ass. Prof., Chair of Grammar and History of English Department of Humanities and Applied Sciences, MSLU e-mail: Lebedeva_Irina_68@yahoo.com

Pavlova E. B., Ph. D., Ass. Prof., Chair of Grammar and History of English Department of Humanities and Applied Sciences, MSLU e-mail: lena.pavlova@live.ru

DOUBLE / MULTIPLE MODALS IN THE ENGLISH LANGUAGE

The article looks into the syntactic, semantic and pragmatic conditions governing the use of double / multiple modals in the English language. Double / multiple modals are treated as strictly ordered combinations of two or more modals (usually an epistemic modal followed by one or more dynamic or deontic modals) that express both epistemic and dynamic / deontic meanings. Special attention is paid to the functions double / multiple modals perform in discourse. Double / multiple modals are found in face saving contexts where they serve as hedges, mitigations and politeness markers.

Key words: double modals; multiple modals; dynamic modality; epistemic modality; deontic modality; face; politeness markers.

Double / multiple modals are strictly ordered combinations of two or more modal verbs – usually an epistemic modal (*might*, *may*, *must*), as the

first component, followed by either one dynamic (can, could) or deonctic (should, oughta, will, would) modal — that express both epistemic and dynamic / deontic modal meanings (might could, might should, might would, may will). Cases of two deonctic modals following the epistemic verb are also possible (might should oughta), as well as cases of two epistemic meanings (might could). Native speakers of many varieties of English including Southern American Englishes, South Midland American Englishes, Utahan Englishes, African American Englishes, Northern British Englishes regularly use at least some multiple modal combinations [4–6; 8–10; 12]. In spite of being exclusively regional phenomena double / multiple modals are significant and commonly acknowledged units of Modern English that have their own function in interaction. In general, it would be wrong to consider double / multiple modals as any kind of grammar distortion. Their grammatical form is steady and scientifically recognized.

Double / Multiple modals first appeared in English approximately eight hundred years ago, however, at that time such modal constructions differed significantly in meaning and form from modern multiple modals. The most significant changes that have occurred in the system of double / multiple modal combinations so far establish the required pragmatic and grammatical conditions governing today's usage of multiple modals in face-to-face conversations, negotiations and face saving contexts where they serve as hedges, mitigations, politeness markers, as well as markers of indirectness.

According to Nagle [13], double modals are usually arrayed in tiers: the first tier modal *might, may, must* expresses the speaker's supposition of different degrees of certainty regarding the probability / possibility of the event described in the propositional content. Whereas, the range of second tier modals is wider and includes *can, could, should, will, would.* The second tier modal generally expresses either deonctic (advice, volition, necessity) or dynamic (ability, capability, possibility due to circumstances) modal meanings as well as epistemic meaning.

Might could – epistemic might + dynamic could (ability)
 I think he might could do it. I just don't know if he will.
 I might could work both shifts, just not that one on Saturday.
 In the above examples future ability is expressed, could is used instead of he able to.

• *Might could* – epistemic *might* + deonctic *could* (permission)

You think you *might could* drop off and take a rest for about an hour? I told Anne she *might could* go.

'You might could stay here tonight,' the aunt said.

Do you think I *might could* bring it in tomorrow?

• *Might could* – epistemic *might* + epistemic *could* (supposition)

'Are you Bubba Pritchert, president of the Saucer Nuts of America?' Bubba took his time answering. 'I *might could* be,' he said at last, his eyes narrowed.

'I *might could* be subject to get a call of nature,' Gary Lee Stringer said from his cot.

He would be deputy to Marice's uncle until the sheriff died or retired, and then it *might could* be he would win his own election to sheriff.

Could is used to express uncertainty about a future action with the notional be.

• *Might should* – epistemic *might* + deonctic *should* (obligation)

We might shouldn't have done it last night.

She might should have gotten it.

I wish I had time to tell you some stories. I *might should* have done that rather than showing slides.

In these examples past obligation is expressed.

Might should – epistemic might + deonctic should (obligation / suggestion)

Did I put enough money in the meter? You might should go check.

Maybe we *might should* wait till next week.

You might should go ahead and wake him up.

Here we observe future obligation.

• *Might should* – epistemic *might* + epistemic *should* (logical possibility / something is to be expected)

Reparations *might should* be paid to those damaged by the activities of Burge [...].

Burned teens speak of the ordeal. This *might should* be the end of this activity.

• *Might oughta* – epistemic *might* + deonctic *oughta* (obligation)

I *might oughta* have been working this morning instead of reading. In this example past obligation is expressed.

Might oughta – epistemic might + deonctic oughta (obligation / suggestion)

We might oughta bring it up just so we can think about it.

You might oughta take a look at that pie before you eat it.

Here we observe future obligation.

• *Might oughta* – epistemic *might* + epistemic *oughta* (logical possibility / something is to be expected)

People *might oughta* think about it for a long time.

In sentences with embedded conditionals and in indirect questions combinations:

• *Might would* – epistemic *might* + hypothetical *would*

I might would have done it if he would tell me to.

I wonder if he *might would* be interested in that?

I *might would* send it in if they would just give me till Monday.

That *might would* have been enough of a reason right there for Orgon to have brought him home, don't you think?

I might would have gone, but it rained.

• *Might would* – epistemic *might* + epistemic *would* (prediction)

I asked him if he *might would* have it ready by one o'clock.

Let's try that. It *might would* work.

Yeah, I think she *might would* like those.

She probably might would get it.

• *Might would* – epistemic *might* + *would* (habitual actions in the past)

John is recalling his childhood. 'On Sundays we might would visit our grandparents.'

Outdoor supplies have just come a long way from the times since we *might would* visit the nearby boulevard shop to have the articles of furniture and pay the shop the prices of the fixtures, taxes, transfer price and then piecing together cost.

In the following examples the modal combinations serve to express volition indirectly:

That radio *might could* be playing softer.

She said she *might wouldn't* mind going with us if we had time to wait.

J. Hasty [9] gives a list of possible double modal combinations found in literature:

According to Hasty, double modals with *might* as the first component (the first column on the above list) are more common than those containing *must* and *may* in the first position (the second column). The double modal *might could* is considered to be the most common (more than half of all examples); the non-epistemic *could*, *should* and *would* can also be found in the first position, although very rarely; *oughta* can be part of the construction following the first modal in the pair [8]. The last column with *oughta* in the second position represents the foundations for what have been called 'triple modal' [9, p. 4] combinations, since *might* can be added to the front of all the members of this column, for example:

I *might could should* tell her about it. (COCA)
I *might could should* write home. (COCA)

There exist different views on double / multiple modal combinations. Labov [11, p. 59] states that first place modals are 'functioning formally as adverbs' for they appear to be untensed. According to Bigham [2] phrases known as 'double modals' are actually only one modal preceded by an adverb that looks like a modal. *Might* means 'possibly', *usedta* means 'back in the day' or the remote past (giving the past-tense *could* the extra remoteness) and *should oughta* is used when 'you should, but you don't just want to be so pushy' [2, p. 5]. Di Paolo [5] argues that the double modal construction should be regarded as an idiomatic lexical unit, since both components appear to be tense matched (*may can* and *might could*), not tense-mixed (*may could* or *might can*). However, Hasty contradicts this view saying that first position modals can combine with a number of different modals (i.e., *might could*, *might should*, *might would*), which points toward the 'compositionality' of double modals [9, p. 10]. The analysis of COCA examples provides a lot of tense-mixed cases, for example:

If they can come on the TV and talk to me at 1 and 2 AM, then I *might can* fit them in for a few minutes.

Hopefully, before we're gone, we — we *might can* make up for some of those wrongs we made along the way.

Research from the University of Rochester suggests the blue dye such as the stuff that's used in M&Ms *may could* help, perhaps, prevent paralysis.

I think because it's an election year we may actually address education, energy and crime and this *may could* very well wind up being a better year than last year Primary tabs.

If double modals were single lexical units, they would resist separation, however such sentences as *He might probably could help you* or *I might not can write but I want a piece of a great man to remember* and *I think of telling him that, but don't because he might not can take it*, where the double modal construction is split by either an adverb or a negation, suggest that the two modals function independently.

Boertien [1], Di Paolo [5] and Hasty [9] explore the behavior of double / multiple modals in *questions*. There appear to be two possible ways to form double modal questions (based on the examples with *might could*) by inverting only the second modal or by inverting both modals together, for example:

- a) You *might could* go to the store for me.
- b) Could you might go to the store for me?
- c) Might could you go to the store for me? [9, p. 5]

However, the acceptability of constructions such as (c) with both modals inverted may vary by region.

Would you might not be seen as good as you once were? (COCA)

While naturally occurring *yes / no* questions have been attested in literature [14; 1; 5; 9] there seem to have been no reported instances of *wh*-questions in spontaneous speech. Taking into account Mishoe and Montgomery's [12] view of the pragmatics of the double modal for hedging and politeness, it is unclear if this pragmatic situation will occur very often with any questions and even less often with wh-questions.

Tag-Questions: when the declarative part containing a double modal is tagged, the component carrying the finiteness feature (i.e. the component which is closer to finite verbs) is repeated in the tag.

- a) I might could get back on time, couldn't I?
- b) He *might would* go with me, *wouldn't* he?
- c) He shouldn't oughta be playin' with those lights, should he?

Invariant tags are also possible, for example:

I might could get back on time, right?

There is variation in the literature regarding which form of **negation** is used. Pampell [14] finds negation only between the two modal components, as in (c); Coleman [4] and Boertien [1] find negation both between the two (c) and after the second modal (a), (b); and Di Paolo et al. [6] find negation only after the second modal (a), (b), both full and contracted. However, no contraction is accepted onto the first modal component.

- a) I might could not go to the store (full, final).
- b) I *might couldn't* go to the store (contracted, final).
- c) I might not could go to the store (full, after the first modal component).

Bigham [2] identifies three reasons for the existence of double / multiple modal combinations in English. Their first purpose is to express **uncertainty**, if the speaker is unsure of the certainty of a statement or the probability / possibility of an action, but does not wish to seem simplistic and curt by simply stating that the speaker 'doesn't know' [2, p. 2]. Bigham provides two examples illustrating the meaning:

- a) I might could make it up, but I don't know.
- b) Jenny Lee might could sign up, couldn't she?

In the first example, the speaker had failed a college course and was being asked by her parents whether or not she would be allowed to repeat the class for a better grade. Later, when questioned on this usage, the speaker explained that she did not want to lie to her parents, and still wanted to ease their minds so that she could continue to receive money from them. Here the combination *might could* is used instead of *might be able to* with reference to the future where *could* replaces *be able to* [2, p. 6].

The second reason is **reducing force**, where the speaker wishes to express reluctance to a request, or wishes to make a critique without sounding harsh, overstepping personal boundaries or to seem unyielding. This semantic type is clearly seen in the following examples:

- a) I might could stitch, but my hand's been actin' up.
- b) He might should study a little harder.
- c) Hayden shouldn't oughta be playin' with those lights, should he?

The first example is typical of the reluctance type since it is an indirect response to an indirect question. The other two examples are typical of the desire to critique while not overstepping personal boundaries. Both are comments from the speaker to a mother on the mother's parenting skills. Mishoe and Montgomery [12] attribute the use of double modals to their pragmatics, which is explained in terms of 'face work' when there is a threat to 'face' [7] of one or more speakers in a conversation. As defined by Brown and Levinson, face is 'something that is emotionally invested, and that can be lost, maintained, or enhanced, and must be constantly attended to in interaction' [3, p. 61]. Di Paolo [5] offers the example of a conversation that she experienced between herself and a middle-aged female clerk in a small fabric store. Di Paolo brings in a blouse that she wishes to alter and engages the clerk in a conversation. As a customer, Di Paolo is in a higher status position than the clerk. Therefore, when the clerk wishes to assert her opinion and change the mind of the customer, the clerk employs the multiple modal might could:

'You *might* still *could* keep the cuff [the way it is] and have French cuffs [on the blouse].'

The clerk wants to influence the customer to leave the original style of cuffs on the blouse and softens the command with the deontic modal *could* as a politeness marker [5, p. 198]. However, as the interlocutor is of a lower status, the clerk further softens the command with the epistemic modal *might* as if to say, 'It is possible that it is suggested that you keep the French cuffs,' rather than 'I suggest you keep the French cuffs.'

Di Paolo found that, in addition to the spontaneously produced multiple modals, she could elicit more multiple modals from the clerk by acting doubtful or hesitant but not hostile about the suggestions offered, which supports the claim that multiple modals occur most often in face saving contexts very often in face-to-face verbal conversations. The clerk maintains the public self-image of herself as a clerk and Di Paolo's as a customer through the use of the double modal *might could* [5, p. 198]. Thus, Di Paolo observes that sales clerks tend to use *might could* especially when they want to offer a suggestion that might run counter to the customer's wishes. This proves that *might could* is a marker of politeness in conversation, used so that the listener will not feel threatened by possible lack of agreement on the part of the speaker [5].

Multiple modals frequently co-occur with a variety of other mitigations, hedges and politeness markers, such as tag questions, epistemic and discourse markers, as well as rising intonation, which, on the whole,

are politeness strategies used by the speaker to modify the propositional content to express sensitivity to the hearer, avoid creating offense and to moderate their commitment to a stance. For example, the following multiple modals co-occur with mitigating adverbs (a), (b) and hedging discourse markers (c), (d), (e):

- a) Could you might possibly use a teller machine? [12, p. 11]
- b) If we had known ..., we may still could have done it [5, p. 216].
- c) I reckon I might should better try to get me a little bit more sleep [12, p. 9].
- d) I don't think I have any grants you might could apply for [5, p. 195].
- e) *You know*, if you drank half a drink, you might oughta go home and sleep it off [5, p. 195].

In addition to distancing the speaker from the proposition, discourse markers such as *I reckon*, *I (don't) know*, and *you know* move multiple modals from the main verb clause to the embedded noun clause. This, according to Mishoe and Montgomery [12], creates the effect of indirectness. Here also belong other syntactic constructions that contain embedded clauses such as stative verbs with noun clause direct objects (a), noun clauses functioning as complements (b), conditional adverbial clauses (c), and clauses in indirect questions (d):

- a) I'm nervous; I'm afraid I may can't do it all.
- b) I'll tell you what we might should do.
- c) If we *could might* get a piece of car, things would be better.
- d) I wonder if we might could get a copy of last year's test?
- e) Sometimes I feel like I might will do all right.

Identifying the relationship between indirectness and multiple modals is also essential for understanding their politeness and *face* saving functions. In addition to the general definition of public self-image, Brown and Levinson posit two related aspects of face: *negative face* and *positive face*. Negative face is defined as 'the basic claim to territories, personal preserves, rights to non-distraction, i.e. to freedom of action and freedom from imposition' [3, p. 61]. As Mishoe and Montgomery [12] summarize, negative face stems from the need of people not to look bad or lose self-esteem or self-respect. Positive face is defined as 'the positive consistent self-image or 'personality' (crucially including the desire that this self-image be appreciated and approved of by interactants' [3, p. 61], i.e. positive face stems from the desire of people to want approval and confirmation.

According to Mishoe and Montgomery [12], multiple modals allow speakers to attend to both negative face and positive face. For example, the clerk in the conversation with Di Paolo uses the multiple modal *might could* in the suggestion *You might still could keep the cuff [the way it is] and have French cuffs [on the blouse]* [5, p. 198] to get Di Paolo to agree (negative face protection), as well as not to look bad (argumentative, aggressive) in front of the customer (positive face protection). Multiple modals in embedded clauses in particular allow speakers to attend to both negative and positive face of both the speaker and the listener simultaneously [12], for example, compare the pragmatic meanings of the following five sentences with similar semantic meanings:

- a) Dye your hair red.
- b) You should dye your hair red.
- c) You might should dye your hair red.
- d) I think that you should dye your hair red.
- e) I think that you might should dye your hair red.

The semantics of all the five sentences is roughly that the speaker wants the hearer to change her hair color to red. In (a) the imperative mood expresses strong deontic modality; the speaker directly commands the hearer, which potentially threatens the hearer's negative face. Moving across the pragmatic continuum, the combination of the discourse marker *I think* and the double modal *might should* in (e) results in the following pragmatic meaning:

My personal judgment is that it is possible that it is desirable for you to dye your hair red.

Compared with the strong deontic *I command you* in (a), the epistemic *my personal judgment is that it is possible* further weakens the already weak deontic *it is desirable* in (e), resulting in a proposition that preserves both the positive face and the negative face of both the speaker and the hearer.

The third semantic type of double modals is that of **remote past**. To illustrate this meaning Bigham [2, p. 7] gives an example with *usedta*, which is regarded as a semi-modal. In the sentence *You usedta couldn't go shopping after nine* the first modal component is used to express remoteness of past events. According to Bigham [2], this example was produced by a clerk at the local 24-hour Wal-Mart about how people's

shopping had changed in the past ten years since the store became a 24-hour location. This example would have been meaningless if the store had opened only last year. Other examples of remote past:

They *used to wouldn't* let you pay a guitar around partly because they called it sinful music – the devil's music, you know? (COCA)

I *used to wouldn't* talk to nobody, but now I talk to people I haven't seen, you know, I ain't backwards or nothing. (COCA)

'You used to couldn't talk to him about history,' Napier says. (COCA)

That's right. You used to could – that's right. You used to could. (COCA)

We have had some success in broadening our economic perspective ... and selling more of our products that we *used to couldn't* sell. (COCA)

Negation in this case is added to the second component.

REFERENCES

- 1. *Boertien H.* Constituent structure of double modals // Montgomery M., Bailey G. (Eds.). Language variety in the South: Perspectives in Black and White. Tuscaloosa, AL: University of Alabama Press, 1986. P. 294–318.
- 2. *Bigham D*. What 'might' might could be in 'might could' // The case of double modals in Appalachian English. Talk, Linguistics Luncheon Series. Southern Illinois University at Carbondale Friday, April 7. P. 1–5.
- 3. *Brown P., Levinson S.* Universals in language usage: Politeness phenomena // Goody, Esther, (Ed.). Questions and politeness. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. 402 p.
- 4. *Coleman W*. Multiple modals in Southern States English: Ph.D. diss. Indiana University, 1975. 203 p.
- 5. *Di Paolo M.* Double modals as a single lexical item // American Speech 64.3. 1989. P. 195–224.
- 6. *Di Paolo M., McClenon C., Ranson K.* A survey of double modals in Texas // Texas Linguistic Forum 13. 1979. P. 40–49.
- 7. *Goffman E.* The presentation of Self in everyday life. Anchor books, 1959. 251 p.
- 8. *Hasty J. D.* I Might Not Would Say That: A Sociolinguistic Study of Double Modal Acceptance // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics: Selected Papers from NWAV 39. Vol. 17, Issue 2, Article 11. 2011. P. 91–98.
- 9. *Hasty J. D.* We might should oughta take a second look at this: A syntactic re-analysis of double modals in Southern United States English, 2012. P. 11–48.

- 10. *Labov W*. The social motivation of a sound change // Word 19. 1963. P. 273–309.
- 11. *Labov W.* Language in the Inner City // Studies in the Black English Vernacular. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. 440 p.
- 12. *Mishoe M., Montgomery M.* The pragmatics of multiple modal variation in North and South Carolina // American Speech 69.1. 1994. P. 3–29.
- Nagle S. J. English double modal conspiracy // Diachronica 11. 1994. P. 199–212.
- 14. *Pampell J.* More on double modals // Texas Linguistic Forum 2. 1975. P. 110–121.

УДК 82.14:81'367.7

Е. В. Крекова

кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики и истории английского языка ФГПН МГЛУ e-mail: four2three@mail.ru

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Автор анализирует особенности поэтического языка в сравнении с обыденной речью. Традиционная организация предложения соотносится с делением стихотворения на строки и строфы; выявляются синтаксические роли слов, находящихся в ключевых позициях в поэтическом произведении, их смыслообразующие функции.

Ключевые слова: поэзия; стихотворение; грамматические средства; когнитивизм; синтаксис; предложение; строфа.

Y. V. Krekova

Ph.D., Ass. Prof., Chair of Grammar and History of English Department of Humanities and Applied Sciences, MSLU e-mail: four2three@mail.ru

THE ROLE OF SYNTAX IN ORGANISING INFORMATION OF POETIC DISCOURSE IN THE ENGLISH LANGUAGE

The author analyses peculiarities of poetic language as compared to everyday speech. The traditional organization of the sentence is viewed in relation to the division into lines and stanzas accepted in a work of poetry. The article looks at the syntactic roles of the words in key-positions in the poem, as well as their functions in conveying the message.

Key words: poetry; verse; grammatical means; cognitivism; syntax; sentence; line; stanza.

В настоящей статье интерпретация поэтического произведения рассматривается как динамический процесс «сотворчества», как разновидность коммуникации между адресатом и адресантом, в которой и состоит жизнь произведения (см., например, [2, с. 18]). В ходе такой дешифровки замысла автора формируется особый мир произведения благодаря уникальной поэтической функции языка, реализующейся в тексте при восприятии реципиентом. Поэтический дискурс ориентирован на «идеального», максимально подготовленного реципиента, что обусловлено особенностями динамики поэтического дискурса.

Динамика отношений элементов проявляется на всех уровнях данного вида дискурса. Р. Якобсон подчеркивает необходимость осознания противоречия отношений объекта и знака и невозможности их тождества в поэзии. Без осознания этого противоречия не существует подвижности отношений, и связь между знаком и представлением автоматизируется. Когда прекращается активность, «реальность умирает», т. е. произведение лишается поэтической функции. Не отражая объект непосредственно, язык в поэтическом дискурсе дает «смену ракурсов» при взгляде на него, тем самым задавая динамику создаваемого мира на семантическом уровне [6, с. 118]. Напряжение в поэтическом дискурсе связано также с преодолением законов языковой нормы для выражения новых смыслов [5, с. 128].

Ю. М. Лотман связывает динамику поэтического дискурса со следующими факторами [3]. Если обыденная речь однонаправлена во времени, то поэтическая речь — конструкция, протяженная в пространстве и требующая постоянного возврата к прочитанному тексту, казалось бы, уже выполнившему свою информативную роль, для сопоставления его с дальнейшим текстом. При этом языковые единицы из предыдущего контекста обогащаются все новым содержанием. Далее, если в бытовой речи сфера выражения тяготеет к автоматизации, а содержание не автоматично, то в поэзии обе тенденции проявляются как в плане выражения, так и в плане содержания. Сама «плоть» поэтического текста — структурное напряжение, процесс взаимодействия тенденций, их отношение в работе.

Таким образом, в поэзии реализуются сложные отношения мира, человека и языка особого характера. В ходе интерпретации и формирования мира поэтического дискурса вскрывается внутренняя противоречивость явлений жизни и языка, для выражения которой естественный язык не имеет специальных средств [3, с. 44–46]. Поэт при помощи языка осмысливает мир, который, в свою очередь, осмысливает язык через видение поэта. В результате в рамках стиха рождается концепция «еще не бывшего состояния мира» [4, с. 227].

Представляется, что своеобразие мира поэтического дискурса задает и своеобразие функционирования языковых элементов при формировании такого специфического аспекта содержания поэзии, как игра, или разгадываемая загадка, такого формального аспекта, как ритм и гармония произведения, а также, в более общем смысле,

участие в донесении эстетической информации как доминанты поэтического произведения [1, с. 42].

В настоящем исследовании мы обратили внимание на соотношение синтаксических ролей языковых единиц с ключевыми позициями в строках и строфах поэтического произведения. Рассмотрим это явление на примере стихотворения американской поэтессы модернизма Марианны Мур (Marianne Moore):

I May, I Might, I Must

If you will tell me why the fen appears impassable, I then will tell you why I think that I can get across it if I try [7].

Сразу обращает на себя внимание синтаксис заглавия: три однородных простых предложения с незавершенным предикатом в параллельной конструкции создают нарастание модальности от возможности к долженствованию. Заданное напряжение по разрешению неопределенности ситуации руководит читателем при дальнейшей интерпретации произведения.

Стихотворение содержит обращение лирического героя к воображаемому собеседнику. Представляется, что речь идет о некоторой преграде, вставшей на пути развития отношений двух людей. Собеседник лирического героя не видит возможности преодолеть ее, в то время как сам герой готов постараться это сделать, но просит своего партнера также сделать шаг к разрешению проблемы: разобраться, в чем состоит ее неразрешимость. Для передачи этой идеи используется образ пространственного предмета — непроходимого болота. Символ болота помещен в первой строке стихотворения, тем самым задавая читателю проблему для разрешения при чтении дальнейшего текста.

Характеристика застойного явления выдвигается на первый план за счет положения в строках: конечная позиция в первой строке существительного *fen* при разорванной предикативной связи и центральное положение в строке прилагательного *impassable*, которое отделено запятой от дальнейшего текста, и приобретает символическое значение.

Примечательно, что существительное *fen* и прилагательное *impassable* употребляются в речи о собеседнике, закрепляя субстанционально неподвижный характер позиции последнего. В речи о лирическом герое используется глагол *get across*, предполагающий активное действие

для преодоления препятствия. В речи о втором герое при этом употребляется статальный глагол-связка *арреагs*. Тем самым подчеркивается контраст позиций двух персонажей. Обращают на себя внимание параллельные конструкции *will tell me – will tell you*, а также параллелизм в разорванности предикативных связей *appears impassable – сап get across it*. Параллелизм на графическом уровне указывает на близость двух героев, одновременно поддерживая эффект противопоставления за счет семантики лексического наполнения конструкций. Метафорически изображен конфликт двух героев и его разрешение.

Деление стихотворения на строки, не совпадающее с синтаксическим, употребление параллельных конструкций с модальными глаголами с меняющейся семантикой долженствования также подчеркивают отчаянность стремления лирического героя справиться с безвыходной ситуацией. Это словно отражает попытки пройти через болото человека, который то и дело увязает в нем. Эффект поддерживается за счет семантики условия придаточного предложения, которое составляет основу стихотворения. Отметим, что стихотворение начинается и заканчивается подчеркиванием решимости лирического «я» преодолеть препятствие (концентрированный повтор местоимения *I*).

Здесь прослеживаются две сферы: контрастные позиции местоимений первого и второго лица, которые находят отражение в рисунке повторяемости («маятник»), и область общей проблемы, которую герои не могут разрешить (точка положения в пространстве — «болото»). Положение в пространстве здесь отражает как отношения людей между собой, так и их общие взаимоотношения с внешним миром, сообщая информацию, воспринимаемую реципиентом на подсознательном уровне.

Анализ данного примера отражает типичную черту поэтических произведений, заключающуюся в разрыве предикативной связи в предложении. Таким образом, синтаксические средства служат созданию смыслового напряжения, поддерживают контрастный ритм стихотворения и создают завершающую гармонию в сознании реципиента при интерпретации авторского замысла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева С. А. Роль синтаксических явлений в понимании смысла поэтического текста (на примере стихотворения Бэзила Бантинга «Ничто») // Анализ дискурса и стилистика: проблемы и решения. – М.: ФГБОУ

- ВПО МГЛУ, 2014. С. 42—49. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 17(703). Сер. Языкознание).
- 2. *Гончаренко С.* Φ . Стилистический анализ испанского стихотворного текста. М. : Высшая школа, 1988. 191 с.
- 3. *Лотман Ю. М.* Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л. : Просвещение, 1972. 270 с.
- 4. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация. М.: Наука, 1995. 263 с.
- 5. *Ягелло М*. Алиса в стране языка. Тем, кто хочет понять лингвистику : пер. с фр. М. : Едиториал УРСС, 2003. 192 с.
- 6. *Якобсон Р. О.* Что такое поэзия? // Якобсон Р. О. Язык и бессознательное. М. : Гнозис, 1996. С. 105–118.
- 7. *Moore M.* I May, I Might, I Must. URL : http://www.poetrynook.com/poem/i-may-i-might-i-must

УДК 81.111

Н. А. Давыдова

кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права ИПЭУ МГЛУ e-mail:davydovanatalia@inbox.ru

ЛИНГВОСИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЙ УСЛОВИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЖ. КЛАВЕЛЛЯ «БЛАГОРОДНЫЙ ДОМ»

В статье рассматривается лингвосинергетический анализ и использование отношений условия в художественном дискурсе. Отношения условия играют важную роль в организации текста на разных уровнях, используются автором для поливариативности и развития дискурса.

Ключевые слова: лингвосинергетический анализ; отношения условия; художественный дискурс; лингвосинергетика.

N. A. Davydova

Ph.D., Ass. Prof., Chair of Linguistics and Professional Communication in Law, ILEM, MSLU e-mail:davydovanatalia@inbox.ru

LINGUOSYNERGETIC ANALYSIS OF MEANS OF EXPRESSING CONDITION IN ENGLISH FICTION ON THE EXAMPLE OF "NOBLE HOUSE" BY JAMES CLAVELL

The article examines linguosynergetic analysis and the use of means of expressing condition in fiction discourse. Means of expressing condition may be found at all stages of text formation and play a significant role in organization of the text at different levels, they may be used by authors of fiction for multiple choices and discourse development.

Key words: linguosynergetic analysis; condition; belles-lettres discourse; lingusynergy.

Художественный дискурс представляет большой интерес для лингвистов, поскольку в нем проявляются когнитивные стратегии порождения и понимания текстов, он имеет согласующуюся с этими стратегиями внутреннюю организацию и служит для декодирования и генерирования новых смыслов.

Как разновидность бытийного общения, художественный дискурс представляет собой развернутый, предельно насыщенный смыслами

диалог автора, читателя и текста, выявляющий взаимодействие авторских интенций, сложного комплекса реакций читателя и структуры текста, выводящей произведение в безграничное пространство семиосферы (под семиосферой понимается совокупность всех знаковых систем, используемых человеком, включая текст, язык и культуру в целом) [1, с. 84].

С точки зрения лингвосинергетики важным условием иерархичности систем является *многоуровневость*. Так, семиосфера состоит из микро- (интертекст), макро- (дискурс) и мега- (интердискурс) уровней. Состояние относительного равновесия каждого из них обеспечивается параметрами порядка.

Порядок в системах с взаимными связями между элементами возникает вокруг аттракторов, которые призваны создавать и поддерживать устойчивое состояние системы. На макроуровне параметры порядка связаны с авторским замыслом как креативным аттрактором, который обеспечивает устойчивое состояние дискурса. На более низком микроуровне различные интертекстуальные включения выполняют роль хаотического материала для макроуровня дискурса. А на мегауровне интердискурса находятся системообразующие концепты, которые выступают для макроуровня управляющими параметрами.

Находясь под влиянием системообразующих концептов, автор организует художественный дискурс, используя свой собственный интертекстуальный материал, активно смешивая художественный язык, игру, поливариативность, создавая разные образы и характеры.

С точки зрения лингвосинергетики нелинейность является важной характеристикой художественного дискурса. Она достигается в «...точках бифуркации, которые появляются в любой ситуации рождения нового качества и характеризуют рубеж между старым и новым» [2, с. 89].

Отношения условия играют значительную роль в создании нелинейности текста, формировании динамических процессов при развитии сюжета и могут приводить к возникновению случайных хаотических колебаний, или флуктуаций, которые ведут к точке бифуркации — переломному моменту в выборе дальнейшего развития событий и оказывают сильное влияние на восприятие текста. При этом возможно представление большого количества смысловых элементов, связанных с доминантным смыслом. В результате ответных реакции системы на внутреннюю и внешнюю информацию происходит самоорганизация художественного дискурса. Например:

Dunross and Bartlett were facing each other in the Long Gallery at the head of the staircase. Alone.

'Have you made a deal with Gornt?' Dunross asked.

'No,' Bartlett said. 'Not yet.' He was a crisp and tough as Dunross and his dinner jacket fitted as elegantly.

'Neither you nor Casey?' Dunross asked.

'No.'

'But you examined possibilities?'

'We are in business to make money, Ian – as are you.'

'Yes. But there's ethics involved.'

'Hong Kong ethics?'

'May I ask how long have you been dealing with Gornt?'

'About six months. Are you agreeing to our proposal today?'

Dunross tried to put away his tiredness. He had not wanted to seek out Bartlett tonight but it had been necessary. He felt his eyes from all portraits on the walls watching him. 'You said Tuesday. I'll tell you Tuesday.'

'Then until then, if you want to deal with Gornt or anyone else, that's my right. If you accept our offer now, it's a deal. I'm told you're the best, the Noble House, so I'd rather deal with you than him – providing I get top dollar with all the necessary safeguards. I'm cash heavy, you're not. You're Asian heavy, I'm not. So we should deal.'

Yes, Bartlett told himself, covering his foreboding, though delighted that his diversion this morning with Gornt had produced the confrontation so quickly and brought his opponent at bay - at the moment, Ian, you're just that, an opponent, until we finalize, if we finalize [4, c. 293-294].

В данном случае автор использует разные виды придаточных отношений реального условия с союзом if в препозиции и постпозиции, а также смешанный тип условных предложений с союзом providing в целях создания множественности вариантов развития событий. Также отношения условия использованы в качестве элементов постулирования твердой позиции при противопоставлении информации.

В изображенной прямой и внутренней речи персонажей, в которой моделируется естественная коммуникация между речевыми партнерами и интраперсональное общение, предложения условия объединены контекстом; при этом отношения условия также приобретают дополнительные оттенки значения временных ограничений действия условия, благодаря использованию придаточного предложения с союзом *until*.

В художественном дискурсе таких точек бифуркации и соответственно флуктуаций может быть несколько, что приводит к перестройке

структуры дискурса; при этом взаимодействие мега- и микроуровней приводит к новым параметрам обновленного макроуровня.

Другой важной характеристикой лингвосинергетического анализа является *открытость систем*. Принцип открытости подразумевает возможность самоорганизации стабильных неравновесных структур макроуровня — уровня дискурса и возможность смены типа неравновесной структуры, типа аттрактора. Например:

'Don't forget,' he added, 'your 21 percent of the Victoria Bank stock is already in hock, signed over as collateral against your indebtedness to them. If you fail on the Toda payment or the Orlin, your old pal Havergill'll jerk the floor out. I would.'

Dunross knew he was beaten. If Bartlett knew the exact amount of their secret bank holdings, Chen's secret holdings, together with their open holdings, there was no telling what other power the American had over him. 'All right,' he said, 'I'll give you title to my ships for three months, providing first, you guarantee to keep it secret between the two of us; second, that our contracts are signed within seven days from today; third, that you agree to the cash flow I've suggested. Last, you guarantee not to leak one word of this until I make the announcement' [4, c. 298].

Автор меняет условия сделки между персонажами, используя предложения с отношениями условия для создания новой картины мира. При этом он обращается к реальному условию и следствию, показывая выполнимость новых условий, а также задействует информацию о деятельности оппонентов, полученную в прошлом. Придаточные предложения с союзом *if* используются в препозиции в целях особого выделения последствий обусловленных действий, а придаточное условное, вводимое союзом *providing*, представляет набор условий, которые не могут быть изменены. Для высвечивания необходимой и самой важной информации используются (1) отдельное предложение со значениями условия и времени, (2) инфинитив для передачи обязательности последнего, самого важного условия.

Еще одной характерной чертой художественного дискурса является его *асимметричность*. Структурная организация текста происходит на фоне симметрии, которая служит стабилизатором системы и речемыслительной деятельности. Считается, что «...чтобы сохранить феноменальную целостность, текст должен стремиться к симметрии, но никогда ее не достигать, поскольку симметрия его структуры ведет

к резкому снижению информативности, свойственной открытым нелинейным диссипативным, то есть синергетическим системам» [3, с. 52].

При этом креативным аттрактором выступает доминантный смысл, который приводит к синхронизации симметричных и ассиметричных структур дискурса. Этот аттрактор и позволяет достичь организации художественного дискурса.

Примером такого стремления к симметрии и диссипации может служить окончание произведения Дж. Клавелля, где отношения реального условия-следствия снова используются для создания симметрии в дискурсе:

What was it Linc said that time, that first day at the stock market? Wasn't it: 'If Gornt wins, we win. If Dunross wins, we win. Either way we become the Noble House – which's why we're here.'

...The jetliner barreled into the high clouds, continuing its faultless departure... [4, p. 1370].

В заключение необходимо отметить, что художественный дискурс характеризуется следующими особенностями: происходит постоянный приток информации из семиосферы для создания новых структур, что приводит к нелинейности системы, в результате развития системы появляется стремление к симметрии, а на последнем этапе — к диссипации. Замысел автора выступает в качестве креативного аттрактора и определяет восприятие текста.

Лингвосинергетика рассматривает дискурс как саморегулирующуюся систему, для которой характерна поэтапная эволюция в процессе развития дискурсивной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Герман И. А.* Введение в лингвосинергетику: монография / И. А. Герман, В. А. Пищальникова. Барнаул: Алтайск. гос. ун-т, 1999. 130 с.
- 2. *Князева Е. Н.* Основания синергетики. Синергетическое мировидение / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. М. : Либроком, 2010. 256 с.
- 3. *Олизько Н. С.* Синергетические принципы организации художественного дискурса постмодернизма // Вестник Челябинского государственного университета, 2009. С. 84–87. (Филология. Искусствоведение. Вып. 30. № 10 (148)).
- 4. *Clavell J.* The Epic Novel of Modern Hong Kong NOBLE HOUSE. New York, USA: Bantam Dell A Division of Random House, Inc., 2009. –1371 p.

УДК 81'42

Е. А. Попова

преподаватель кафедры грамматики и истории английского языка ФГПН МГЛУ e-mail: katandr25@rambler.ru

УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СБОЕВ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В данной статье обсуждаются предпосылки возникновения коммуникативных сбоев в диалогической речи. Особое внимание уделяется прагматическим характеристикам дискурса и их воздействию на процесс коммуникации. При этом как наиболее важные факторы рассматриваются коммуникативные установки участников общения, тип речевой ситуации, характер взаимодействия и особенности личностей коммуникантов.

Ключевые слова: коммуникативный сбой; косвенный речевой акт; прагматическое транспонирование; пресуппозиция; принципы кооперации; смысловая неполнота.

E. A. Popova

Teacher, Chair of Grammar and History of English, Department of Humanities and Applied Sciences, MSLU e-mail: katandr25@rambler.ru

PRECONDITIONS FOR COMMUNICATIVE FAILURE IN DIALOGICAL DISCOURSE

The article discusses the prerequisites for communicative failures in dialogical speech. Special attention is paid to the pragmatic parameters of discourse and their influence on the process of communication. The communicative aims of speakers, the type of communicative situations, the relations between the pseakers and their personal qualities are regarded as the most important factor.

Key words: communicative failure; indirect speech; pragmatic transposition; presupposistio; cooperative principles; semantic incompleteness.

Изучение механизмов коммуникативных сбоев представляется нам напрямую связанным с вопросами организации когнитивной деятельности в целом. Этим и обусловлен наш интерес к данной проблематике.

В предыдущих работах нами уже поднималась тема коммуникативных неудач [7]. Однако многие прагматические характеристики дискурса, такие как тип речевого взаимодействия, возраст, социальный статус участников коммуникации, коммуникативные установки

участников диалога, внешние условия, в которых происходит общение (например, наличие или отсутствие свидетелей разговора), не получили должного освещения. Между тем результаты проведенного исследования указывают на решающую роль в успешности коммуникации именно прагматических параметров дискурса.

Материалом для нашего исследования послужили образцы диалогической речи, представленные в литературных произведениях и художественных фильмах на английском языке. В ходе работы было проанализировано 470 случаев коммуникативных неудач различного характера.

Под коммуникативными сбоями (коммуникативными неудачами) мы понимаем такие случаи, когда цель высказывания (передать или получить некую информацию, заставить собеседника совершить то или иное действие) не может быть достигнута. В результате вербальная или невербальная реакция слушающего не совпадает с ожиданиями говорящего. Коммуникативный сбой часто связан с отсутствием понимания сообщения со стороны адресата, либо с его неправильной интерпретацией. Однако возможны такие ситуации, когда адресат намеренно симулирует непонимание.

Как правило, коммуникативная неудача возникает в результате недостаточно полной вербальной репрезентации смыслового содержания высказывания. Как основные формальные маркеры смысловой неполноты в нашем исследовании рассматриваются эллипсис и наличие дейктических и анафорических выражений. Однако непонимание также может быть вызвано наличием многозначной лексики, аббревиатур, а также использованием косвенных речевых актов.

Отметим, что для диалогической речи весьма характерно употребление семантически неполных высказываний. Однако в подавляющем большинстве случаев адресат успешно извлекает заложенные адресантом имплицитные смыслы, опираясь на вербальный контекст и знания о ситуации общения. Непонимание возникает в таких ситуациях, когда знание контекста оказывается недостаточным.

С когнитивной точки зрения непонимание связано с несовпадением фоновых знаний, или пресуппозиций, адресанта и адресата [5; 10]. В нашей предыдущей работе [7] было показано, что в 57,1% случаев отсутствие понимания обусловлено утратой экзистенциальных и прагматических пресуппозиций, заложенных адресантом. При этом

под экзистенциальными пресуппозициями понимаются энциклопедические знания коммуниканта, т. е. представления о мире в целом. В качестве прагматических пресуппозиций рассматриваются знания о вербальном контексте данного сообщения и о самой ситуации общения. На втором месте по частотности стоят случаи утраты только прагматических пресуппозиций (26 %).

Таким образом, прагматические пресуппозиции занимают важнейшее место в «багаже знаний» коммуникантов. Информация о контексте и ситуации общения играет ведущую роль как в процессе извлечения имплицитных смыслов адресатом, так и при выборе языковых средств адресантом.

Традиционно выделяются следующие прагматические параметры дискурса:

- говорящий (субъект речи, адресант);
- слушающий (адресат речи, реципиент);
- особенности взаимодействия участников коммуникации;
- сама ситуация общения [1, с. 389].

В связи с адресантом обычно изучаются:

- цели (явные и скрытые), с которыми он произносит те или иные высказывания;
- особенности речевого поведения;
- социальные характеристики, такие как возраст, пол, статус, социальная роль (в рамках данного акта коммуникации);
- правила коммуникативного сотрудничества, фоновые знания, психологическое состояние самого говорящего, с одной стороны, и учет им фоновых знаний, психологического состояния и когнитивных особенностей адресата, с другой.

В отношении адресата рассматриваются:

- механизмы интерпретации речи, включающие правила вывода имплицитной информации;
- воздействие высказывания на адресата, или перлокутивный эффект (термин Дж. Остина [6]);
- типы речевого реагирования на реплику-стимул (например, способы ухода от прямого ответа на вопрос).

В отношении взаимодействия между коммуникантами изучаются:

- формы общения (ссора, светская беседа);
- особенности речевого этикета, стиля общения;

соотношение между участниками общения в различных речевых актах.

В связи с ситуацией общения особое внимание обычно уделяется тому, как тип речевой ситуации влияет на тематику и формы коммуникации [1, с. 389–390].

Рассмотрим основные экстралингвистические факторы, влияющие на порождение и восприятие речи: коммуникативные цели собеседников; особенности взаимодействия между коммуникантами, их личностные особенности и социальные характеристики; условия, в которых протекает общение.

В теории речевых актов все высказывания подразделяются на различные прагматические типы (классы иллокутивных актов) в зависимости от характера «иллокутивной силы» (термин Дж. Остина [6, с. 87]), т. е. в зависимости от целей, с которыми они произносятся.

Дж. Остин подразделяет все высказывания на перформативы и констативы [6, с. 26–27]. *Перформативами* ученый называет предложения, произнесение которых само по себе является действием. В большинстве случаев перформативы содержат глагол в форме первого лица единственного числа настоящего времени действительного залога изъявительного наклонения (например, *I name this ship the 'Queen Elizabeth'*), но также встречаются перформативы с глаголами во втором и третьем лице, а также с глаголами в страдательном залоге (например, *Notice is hereby given*...). Под констативами понимаются высказывания, при произнесении которых делается некое утверждение [6, с. 26–28; 58–60].

В дальнейшем классификация речевых актов была значительно доработана и расширена Дж. Р. Серлем, который выделял следующие их базисные виды:

- *репрезентативы* (цель констатация факта);
- комиссивы (цель взятие говорящим на себя определенных обязательств);
- **директивы** (цель побуждение слушающего к действию);
- *экспрессивы* (цель выразить психологическое состояние говорящего);
- декларации (цель изменение статуса указываемого объекта в результате декларирования; частично совпадают с перформативами Дж. Остина) [8, с. 180–185].

По мнению Дж. Р. Серля, каждый тип иллокутивных актов характеризуется определенной глубинной структурой и имеет свои синтаксические особенности. Экспрессивы, например, обычно требуют использования герундиальных конструкций (*I congratulate you on winning the race*) [8, с. 188–192].

Отметим, что вышеуказанные типы речевых актов, в свою очередь, подразделяются на более узкие подклассы. Так, внутри класса директивов выделяются *инъюнктивы* (приказания) и *реквестивы* (просьбы). Особое место в классификации речевых актов занимают *квеситивы*, цель которых – получение от адресата информации. Как и директив, квеситив предназначен для того, чтобы вызвать действие адресата. Но если директив может вызывать любые действия, включая речевые, квеситив направлен на побуждение только к речевым [2, с. 276–277].

В случае использования высказывания в несвойственной ему прагматической функции мы имеем дело с косвенным речевым актом. Некоторые способы порождения косвенных речевых актов носят конвенциональный характер. В английском языке, например, побуждение к действию довольно часто выражается посредством вопросительных предложений (например, Would you lend me a hand? или Would you be willing to write a letter of recommendation for me?) [9, с. 201–202].

По нашим наблюдениям, конвенциональные косвенные речевые акты реже вызывают проблемы при интерпретации (по крайней мере, у носителей языка). Менее частотные варианты прагматического транспонирования вызывают у адресата больше затруднений.

Анализ языкового материала показал, что на первом месте по частотности коммуникативных сбоев находятся случаи использования *репрезентативов в функции директивов* (23,9 %), как в следующем примере (интересующие нас высказывания выделены жирным шрифтом):

'She is a good girl, isn't she? Not a peep!'

I feel a prickle of alarm.

'She's, um...sleeping,' I say quickly. 'I'd leave her alone, actually...'

'Let me just have a little look! I don't know *how* she can sleep with all those packages on her pram. Can you, Tallulah-Phoebe?' [18, c. 127]

В данном диалоге адресант пытается остановить чрезмерно любопытную женщину и не дать ей заглянуть в коляску. Поскольку прямой

запрет звучал бы невежливо по отношению к пожилому незнакомому человеку, хозяйке коляски приходится прибегать к косвенным способам выражения запрета.

На втором месте по частотности (22,4%) оказались случаи использования *репрезентативов в функции квеситивов*, как в следующем фрагменте диалога:

You must have somebody, she said. /.../¹ Charlie said nothing. Somebody you write to even, phone now and again? He shook his hand [14, c. 29].

В данном примере адресант пытается выяснить, есть ли у адресата друзья или близкие родственники. Поскольку коммуниканты познакомились совсем недавно и плохо знают друг друга, девушка боится показаться бестактной и не задает интересующий ее вопрос напрямую.

На третьем месте по частотности (19,4 %) находятся случаи употребления *квеситивов в функции директивов*, как в следующем примере:

'Ma'am, do you have any other clothing?'

'I beg your pardon?'

He motioned to her legs. 'Short pants are not permitted inside Vatican City' [11, c. 140].

В данном фрагменте диалога вопросительное предложение '*Ma'am,* do you have any other clothing?' используется для побуждения адресата к действию (женщину просят переодеться перед посещением Ватикана).

Интересно, что прагматический тип высказывания может подвергаться *модификации* в процессе общения, если полученный от него перлокутивный эффект не соответствует ожиданиям. Так, в следующем примере высказывание девушки по форме является приказом, однако затем, немного подумав и оценив возможную реакцию адресата, она решает переквалифицировать его в просьбу, добавив слово *please*:

'Tell me the facts of the case.' I paused. 'Please,' I added, feeling a lack of courtesy in my command [19, c. 25].

Еще один случай модификации прагматического типа высказывания имеет место в следующем примере:

'There is still time. Let Captain Rocher find the antimatter.'
The camerlengo turned. 'Are you attempting to give me an order?'

 $^{^{1}}$ В данном примере сохранена авторская пунктуация.

'No, I am giving you advice. If you are concerned about the people outside, we can announce a gas leak and clear the area, but admitting we are hostage is dangerous' [11, c. 358–359].

Отметим, что коммуниканты конфликтуют по поводу субординации и распределения между ними властных полномочий. Поэтому на директив адресанта, звучащий как приказ, следует крайне негативная реакция собеседника. Столкнувшись с нежелательным перлокутивным эффектом, адресант пытается смягчить категоричность своего директива и переквалифицировать его в рекомендацию, совет, т. е. симулирует использование одного речевого акта вместо другого.

Следовательно, собеседники могут менять свое речевое поведение в ходе разговора и подстраиваться под других участников коммуникации, чтобы достичь поставленных целей.

Анализ языкового материала подтверждает, что весьма важную роль в процессе общения играет характер взаимодействия между собеседниками, в частности, их *настрой* на коммуникативное сотрудничество.

Вопрос о принципах успешного общения неоднократно поднимался в лингвистической литературе [12; 15; 17]. Пожалуй, наибольшую известность получили так называемые максимы Грайса. По мнению Г. П. Грайса, собеседники должны следовать определенным принципам кооперации. Так, говорящему следует предоставлять слушающему всю необходимую информацию, однако не перегружать свое сообщение ненужными сведениями, не относящимися к теме разговора; не следует сообщать неверные или непроверенные сведения; надо излагать свои мысли четко, недвусмысленно и кратко [15, с. 26–27]. При этом отмечается, что нарушение данных максим может быть обусловлено замыслом говорящего и нести в себе определенный скрытый смысл (так называемые импликатуры Грайса) [15, с. 30].

По нашим наблюдениям, довольно часто коммуникативный сбой обусловлен именно отказом собеседников от кооперации.

Рассмотрим следующий фрагмент диалога из романа X. Ли «Убить пересмешника». В разговоре участвуют две женщины и девочка, оказавшиеся вместе за столом во время званого ужина. При этом инициатором разговора выступила именно девочка.

"There's one thing I truly believe, Gertrude," she continued, "but some people just don't see it my way. If we just let them know we forgive 'em, that we've forgotten it, then this whole thing'll blow over."

"Ah – Mrs. Merriweather," I interrupted once more, "what'll blow over?" <...> "Nothing, Jean Louise," she said, in stately largo, "the cooks and field hands are just dissatisfied, but they're settling down now – they grumbled all next day after that trial" [16, c. 262].

Данный фрагмент диалога интересен коммуникативным поведением его взрослой участницы, миссис Мерриуэзер. Формально она поддерживает беседу с обоими коммуникантами, по очереди обращаясь то к Гертруде, то к Джин Луизе. Однако при этом миссис Мерриуэзер конструирует свои высказывания так, что взрослая собеседница понимает, о чем идет речь, а ребенок — нет. Тем самым малолетний участник разговора исключается из полноценной коммуникации.

Анализ языкового материала показал, что часто возникновение непонимания связано с социальными различиями участников коммуникации. В первую очередь, это — возрастные различия.

Довольно часто непонимание возникает в беседе взрослого и ребенка. Это может быть связано с особенностями построения детской речи, в частности, избыточной прономинализацией. Рассмотрим следующий фрагмент разговора между учительницей начальных классов и ее учеником:

A hand went up in the back of the room. 'How can he do that?'

'Who do what?' asked Miss Gates patiently.

'I mean how can Hitler just put a lot of folks in a pen like that, looks like the govamint'd stop him,' said the owner of the hand [16, c. 277].

В данном фрагменте диалога непонимание адресата вызывает употребление сразу двух анафорических выражений (*he* и *do that*) без явного антецедента. Известно, что для детей характерно такое использование анафорических местоимений в функции дейктических [3].

Отметим, что такая же особенность построения речи характерна и для взрослых, но малообразованных людей, что показывает следующий пример:

Mollified, Mayella gave Atticus a final terrified glance and said to Mr. Gilmer, 'Well sir, I was on the porch and — **and he came along** and, you see, there was this old chiffarobe in the yard Papa'd brought in to chop up for kindlin'—Papa told me to do it while he was off in the woods but I wadn't feelin' strong enough then, **so he came by**—'

'Who is 'he'?'

Mayella pointed to Tom Robinson [16, c. 203].

Интересную роль в построении диалога может играть и сама ситуация, в которой протекает общение между людьми, в частности, наличие или отсутствие свидетелей разговора. При наличии нежелательных слушателей собеседники могут строить свои реплики так, чтобы они были понятны только непосредственным участникам коммуникации [4, с. 282–288]. При этом будут использоваться различные иносказания, намеки, дейктические или анафорические выражения, условные сокращения, недомолвки. Например, в продолжении диалога из романа X. Ли две женщины, пришедшие в гости, начинают с неодобрением отзываться о хозяине дома в присутствии его маленькой дочери:

'Gertrude,' she said, 'I tell you there are some good but misguided people in this town. Good, but misguided. Folks in this town who think they're doing right, I mean. Now far be it from me to say who, but some of 'em in this town thought they were doing the right thing a while back, but all they did was stir 'em up. That's all they did. Might've looked like the right thing to do at the time, I'm sure I don't know, I'm not read in that field, but sulky... dissatisfied... I tell you if my Sophy'd kept it up another day I'd have let her go. It's never entered that wool of hers that the only reason I keep her is because this depression's on and she needs her dollar and a quarter every week she can get it.'

'His food doesn't stick going down, does it?'

Miss Maudie said it. Two tight lines had appeared at the corners of her mouth. <...>

'Maudie, I'm sure I don't know what you mean,' said Mrs. Merriweather.

'I'm sure you do,' Miss Maudie said shortly. She said no more. When Miss Maudie was angry her brevity was icy. Something had made her deeply angry, and her gray eyes were as cold as her voice. Mrs. Merriweather reddened, glanced at me, and looked away. I could not see Mrs. Farrow.

Aunt Alexandra <...> gave Miss Maudie a look of pure gratitude, and I wondered at the world of women. Miss Maudie and Aunt Alexandra had never been especially close, and here was Aunty silently thanking her for something. For what, I knew not [16, c. 263–264].

В данном фрагменте диалога девочка уже не участвует, став пассивным слушателем. Тем не менее, миссис Мериуэзер и миссис Фэрроу (Гертруда) учитывают присутствие нежелательных свидетелей и поэтому не могут эксплицитно выразить свое негативное отношение к отцу девочки. Соответственно, они прибегают к использованию неопределенных дескрипций (some ...people) и анафорических местоимений (*some of 'em, they*). Все это делает их реплики недостаточно информативными для «случайного слушающего», в роли которого оказалась Джин Луиза.

Любопытно, что другие женщины, находящиеся в комнате, также выражают свое отношение к теме разговора с помощью имплицитных средств. Так, мисс Моди использует высказывание с анафорическим местоимением без антецедента, которое к тому же представляет собой косвенный речевой акт (His food doesn't stick going down, does it?). Отметим, что адресаты высказывания не желают признавать свою неправоту и симулируют непонимание. Тетя девочки, также услышавшая этот разговор, прибегает только к невербальным средствам общения и благодарит мисс Моди за ее вмешательство лишь взглядом и соответствующей мимикой.

Таким образом, присутствующие в комнате взрослые обмениваются мнениями о поведении хозяина дома, прекрасно понимая друг друга, однако случайный свидетель их разговора — девочка — остается в неведении относительно того, о ком идет речь.

Еще один фактор, влияющий на успешность коммуникации — это *отношения между участниками общения*. Поскольку при порождении и интерпретации сообщений коммуниканты должны учитывать фоновые знания друг друга, определенную роль может сыграть степень знакомства собеседников. Логично предположить, что малознакомым людям для успешной коммуникации необходимо использовать развернутые и более эксплицитные высказывания, в то время как люди, давно знающие друг друга, часто понимают друг друга буквально с полуслова.

Например, в следующем диалоге пожилой мужчина обращается к случайному попутчику в поезде, желая поделиться с ним своим горем:

'She phoned the Glasgow branch last night. They said they'd keep her back a size ten.' He spoke softly, as if emphasising some tenderness in the act, and then added more quietly. 'I said I'd come. Not working myself, at the moment.'

Julian nodded.

^{&#}x27;She – your wife?'

^{&#}x27;Daughter.' The man stroked a flat hand over the tissue paper and then slid it back into the carrier bag.

^{&#}x27;She needs a bit of love and support right now.' The damp-eyed look had returned.

^{&#}x27;It's for his funeral.'

Any sense Julian's numb mind had gained from this conversation so far was now rattling away from him.

'Whose?' he asked.

'Her husband's. On Friday.'

Julian spoke quietly. 'I'm sorry.'

'You heard?' The man pinned a swift glance on him and then eased it away.

'I shouldn't be surprised, I suppose. It's been in all the papers.'

Julian wondered what 'it' was, and blustered towards comprehension. 'I've been out of the country. I haven't been reading papers really.'

'He was in the Black Watch.'

'I heard there was a stooshie, whether their gear was up to it, up to what they were doing.' < ... >

The man huffed softly, raised his eyebrows. 'Some are accusing.'

'Not you? Your daughter?'

'It's not about blame. It's what happened. We're concentrating on those that are left, sticking together' [13, c. 12–14].

Высказывания пожилого мужчины, содержащие анафорические местоимения без антецедента (She phoned the Glasgow branch last night; They said they'd keep her back a size ten; It's been in all the papers) и высказывания с эллипсисом глагольной группы (You heard? Some are accusing) непонятны для их адресата.

Таким образом, в данном диалоге имеет место целая цепочка коммуникативных сбоев, обусловленных действием нескольких прагматических факторов.

Во-первых, адресант сообщения не учитывает отсутствие у собеседника соответствующих прагматических пресуппозиций. В частности, молодой человек ничего не знает о прошлом своего попутчика, о его семейном положении, о трагедии, которая у него случилась. Поэтому не понимает, кто из родственников его собеседника умер и для кого тот купил черное платье. Важно и то, что молодой человек лишь недавно вернулся в Великобританию и ничего не знает о последних событиях в стране. Соответственно, ссылка на новости в газетах (You heard? It's been in all the papers) ему ни о чем не говорит.

Данная аномалия в речевом поведении пожилого мужчины может быть связана с его психологическим состоянием: чувством подавленности, переживаниями за дочь, которая потеряла мужа. Возможно, концентрация внимания адресанта на данных трагических событиях приводит к изменениям в восприятии им окружающего мира и других людей.

По вышеупомянутым причинам он строит свои высказывания таким образом, что для случайного собеседника они оказываются недостаточно информативными.

В заключение отметим, что большинство коммуникативных неудач, проанализированных в ходе исследования, оказались обусловлены комплексным взаимодействием целого ряда факторов, как языковых, так и экстралингвистических. Среди прагматических параметров дискурса наиболее важными предпосылками для возникновения коммуникативного сбоя нам представляются: выражение коммуникативной цели косвенными способами (прагматическое транспонирование высказывания); нарушение принципов кооперации между собеседниками, в частности, отказ адресанта учитывать фоновые знания адресата при построении высказывания; социальные различия между коммуникантами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Арутнонова Н. Д.* Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 389–390.
- 2. *Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г.* Теоретическая грамматика современного английского языка : учебник. М. : Высш. школа, 1981. 285 с.
- 3. *Кибрик А. А.* Местоимения как дейктическое средство / Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М. : Наука, 1992. С. 207–236.
- 4. *Кларк Г. Г., Карлсон Т. Б.* Слушающие и речевой акт // Теория речевых актов: пер. с англ. / сост. и вступ. ст. И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова; общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 270–321. (Новое в зарубежной лингвистике; вып. 17).
- 5. $\overline{\it Лисоченко}\, \overline{\it Л}.\, B$. Высказывания с имплицитной семантикой (логический, языковой и прагматический аспекты) : монография. Ростов-н/Д : Издво Ростовск. ун-та, 1992. 160 с.
- 6. Остин Дж. Л. Слово как действие // Теория речевых актов: пер. с англ. / сост. и вступ. ст. И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова; общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 22–130. (Новое в зарубежной лингвистике; вып. 17).
- 7. Попова Е. А. Причины коммуникативных неудач в англоязычной диалогической речи // Лингвистика и лингводидактика в когнитивно-коммуникативном аспекте: грамматические исследования. М.: ФГБОУ

- ВПО МГЛУ, 2014. С. 75–88. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 25 (711). Сер. Языкознание).
- 8. *Серль Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов // Теория речевых актов : пер. с англ. / сост. и вступ. ст. И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова ; общ. ред. Б.Ю. Городецкого. М. : Прогресс, 1986. С. 170–194. (Новое в зарубежной лингвистике ; вып. 17).
- 9. *Серль Дж. Р.* Косвенные речевые акты // Теория речевых актов : пер. с англ. / сост. и вступ. ст. И.М. Кобозевой и В. З. Демьянкова ; общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М. : Прогресс, 1986. С. 195–222. (Новое в зарубежной лингвистике ; вып. 17).
- 10. *Федосюк М. Ю.* Неявные способы передачи информации в тексте: учебное пособие по спецкурсу. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1988. 83 с.
- 11. Brown D. Angels and Demons. Transworld Publishers ; Corgi edition reissued, 2009. 620 p.
- 12. *Brown P. and Levinson S.* Politeness: Some Universals in Language. Cambridge: Cambridge University Press. 1987. 358 p.
- 13. Cracknell L. The Lost Son. URL: http://www.booktrust.org.uk/books/adults/short-stories/stories/
- 14. *Galloway J.* The Bridge // A New Book of Contemporary British Stories. Perspective Publications, 2005. P. 24–35.
- 15. *Grice H. P.* Logic and Conversation // Grice H. P. Studies in the Way of Words. First Harvard University Press, 1991. P. 22–40.
- 16. *Lee H*. To Kill a Mocking Bird / Ли X. Убить пересмешника: Книга для чтения на английском языке. СПб.: Антология, 2006. 320 с.
- 17. Leech G. Principles of pragmatics. London, New York: Longman Group Ltd, 1983. 250 p.
- 18. Kinsella S. Shopaholic and Baby. Dell Mass Market Edition, 2007. 435 p.
- 19. *Meyer S*. The Host. Sphere, 2010. 652 p.

УДК 81'367.4

О. Н. Павлюк

преподаватель кафедры грамматики и истории английского языка ФГПН МГЛУ e-mail: olnpavlyuk@gmail.com

ХАРАКТЕРИСТИКА ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕЛЕВАНТНОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ РАЗНООБРАЗИЯ СОЧЕТАЕМОСТНЫХ СВОЙСТВ ОПРЕДЕЛЕНИЙ В АТРИБУТИВНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЯХ

Статья посвящена вопросу варьирования поверхностных способов организации атрибутивной цепочки в словосочетаниях с двумя и более определениями в англоязычном поэтическом дискурсе для детей. Прослеживается зависимость поверхностного строения словосочетания от коммуникативной интенции автора и обсуждается, могут ли требования релевантности служить основанием для изменения порядка следования атрибутов. Представляется, что принцип коммуникации, заявленный Г. Грайсом в наиболее общем виде как принцип релевантности, в реальности раскрывается как совокупность собственно-лингвистических и когнитивно-прагматических требований, обеспечивающих появление в тексте внешне одинаковых явлений, которые, тем не менее, обладают свойствами, позволяющими оценивать их как отвечающие тем или иным задачам автора.

Ключевые слова: атрибутивное словосочетание; принцип релевантности (релевантность); поверхностная организация; порядок слов.

O. N. Pavlyuk

Teacher, Department of Grammar and History of the English Language, Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU e-mail: olnpavlyuk@gmail.com

INFORMATION RELEVANCE AS FOUNDATION FOR DIVERSITY IN THE SURFACE ARRANGEMENT OF ATTRIBUTIVE NOUN PHRASES

The present article touches upon the surface arrangement of the attributive constructions with two or more dependent elements in English poetry for children. The word order in attributive noun phrases reflects the author's language competence, his cognitive competence and the immediate contextual needs. The principle of relevance is not uniform: it must be further specified as a combination of linguistic (grammatical), cognitive and pragmatic (contextual) requirements. This explains the possible difference in the surface arrangement of the attributes when interpreted by the reader.

Key words: attributive construction; noun phrase; principle of relevance (relevance); surface structure; word order.

Релевантность в самом общем смысле суть *коммуникативная* эффективность. В терминах Г. Грайса [1], любое высказывание побуждает ожидание релевантности (уместности как отношения к коммуникативной ситуации). Релевантность — важная характеристика информации: она обусловливает точность выражения и обеспечивает его предсказательной силой, достаточной для того, чтобы подвести слушателя или читателя к пониманию значения высказывания.

Нам представляется интересным проследить, насколько строение атрибутивного словосочетания может быть детерминировано стремлением к достижению информационной релевантности через определенную поверхностную организацию структуры, особенно в тех случаях, когда последовательность определений не является фиксированной и не поддается объяснению с позиций традиционных грамматик.

Лингвисты не раз указывали на отсутствие исчерпывающего описания и теоретического обоснования порядка следования определений в атрибутивной цепи. Опровергая известное предположение о том, что порядок следования атрибутов вовсе не зависит от логических и семантических факторов, а является результатом привычки носителей языка располагать их определенным образом [3], ученые провели ряд исследований в этой области; однако попытки описания поверхностного строения словосочетаний пока не привели к осознанию единых принципов, детерминирующих жесткую структурированность дистрибуции компонентов-атрибутов упомянутых грамматических единиц [2, с. 163].

Мы полагаем, что в процессе выстраивания высказывания автор руководствуется **принципом релевантности** (ПР), основанным на стремлении человеческого познания максимизировать коммуникативную эффективность высказывания [6]. Информация становится релевантной для реципиента, если ее обработка в контексте имеющихся предположений производит положительный когнитивный эффект, т. е. достигается понимание заложенного автором значения языковой единицы. В этом случае коммуникативная интенция автора

¹ Источником материалов для исследования послужил сборник поэтических произведений из серии The Nation's Favourite: «Children's Poems» [5], в который вошли 100 самых популярных стихотворений для детей, отобранных в ходе общенационального голосования, проведенного корпорацией ВВС в Великобритании.

высказывания считается полностью реализованной. Применительно к материалу нашего исследования это означает, что у ребенка не должно возникать проблем с пониманием поэтического текста даже в том случае, когда текст не подкреплен экстралингвистическими факторами, например, иллюстрациями, звуковыми эффектами, игрой.

Для начала обратимся к словосочетаниям, организация компонентов атрибутивной цепи которых основана: (а) на распространении атрибута (как, например, в most quiet need или cats' protection league) или (б) на сложной структурной организации главного слова (smelly mine fields или intelligent Mr. Todd). Принципы развертывания цепочки определений в таких конструкциях не вызывают вопросов, поскольку последовательность атрибутов призвана гарантировать наиболее полное и четкое понимание ребенком смысла высказывания.

В первом случае (а) релевантность достигается путем такого синтаксического оформления словосочетания, которое позволяет реципиенту воспринять атрибуты как части комплексного признака, приписываемого объекту. Для указанных выше примеров это most quiet, где наречие выступает в роли усилителя при прилагательном, и cats' protection, составные части которого связаны предикатно-объектными отношениями. Отметим, что атрибуты в подобных конструкциях всегда находятся в отношениях подчинения:

Таким образом, под распространением атрибута понимается формирование отдельных словосочетаний в рамках атрибутивных словосочетаний, поэтому релевантность порядка слов детерминируется требованиями грамматической системы английского языка.

Во втором случае (б) релевантность обусловлена сложным устройством главного слова, формирующим неделимое смысловое единство. Для атрибутивных конструкций главными словами являются не существительные *fields* и *Todd*, а целые словосочетания *mine fields* и *Mr. Todd*. Определения *smelly* и *intelligent* приписывают качественные

характеристики этим неделимым смысловым единствам, поэтому размещение атрибутов в цепочке не предполагает варьирования. Иначе говоря, главное слово понятийно сближается со сложным словом.

В случаях (а) и (б) полностью реализуется передача существенной информации в заданном контексте таким образом, чтобы слушатель затратил минимальные усилия на ее обработку и понимание, поэтому они могут считаться информационно релевантными. Согласно требованиям грамматической системы английского языка:

- наречие опережает прилагательное;
- существительное в родительном падеже предшествует существительному в общем падеже при передаче одной из разновидностей падежных отношений;
- существительное в общем падеже классифицирует определяемое существительное, обозначая цель использования последнего, вместилище последнего или материал, из которого его произвели;
- при упоминании гендерных показателей, социального статуса, чина, рода занятий и пр. какого-либо лица соответствующее существительное предшествует имени собственному (или тому, что его заменяет).

Таким образом, принцип релевантности здесь лежит в основе обязательного действия требований языковой системы. В данном случае речь идет о репрезентированности в атрибутивных структурах характеристики аналитичности современного английского языка: значение слова в синтагме детерминировано его синтаксической позицией.

Далее проследим, как реализуется ПР при оформлении много-компонентных атрибутивных единиц, состоящих из главного слова и определений, связанных между собой кумулятивными отношениями¹. В словосочетании his seven tufty tails порядок слов фиксированный, при этом каждый из атрибутов указывает на обособленную характеристику главного слова: неотчуждаемую принадлежность (his), количество (seven) и качество (tufty) объекта (tails).

¹ Кумулятивная связь до сих пор не имеет четкого определения и обычно интерпретируется «от противного». Большинство авторов полагают, что кумулятивные отношения между элементами атрибутивной цепи возникают, когда существующие между ними связи невозможно охарактеризовать как взаимозависимость, сочинение или подчинение; при этом сами атрибуты относительно равноправны и могут функционировать как самостоятельные определения при главном слове.

Очевидно, что поверхностная организация структуры в итоге должна быть информационно релевантной операциям восприятия, производимым мозгом при обработке полученной информации – множественных разнородных признаков объекта. В процессе восприятия и вычленения смысла данного словосочетания каждый из признаков как бы нанизывается на невидимую нить, создавая многоаспектный образ описываемого предмета в целях получения общего представления о нем. По-видимому, атрибутивная цепочка организуется в соответствии с порядком восприятия органами чувств тех или иных характеристик предмета объективной реальности. В обсуждаемых словосочетаниях за пределами обрамляющего устройства [детерминатив + существительное] внутренняя последовательность определений передает иконический порядок присвоения чувственного опыта: информация, поступающая от зрения, предшествует тактильной.

Отдельного внимания заслуживают случаи изменения «традиционного» порядка употребления атрибутов. Авторы зарубежных пособий по практической грамматике английского языка единогласно утверждают, что оценочные прилагательные, выражающие мнение об объекте или отношение к нему говорящего, всегда располагаются в начале атрибутивной цепи, предшествуя определениям, обозначающим размер, возраст, форму, цвет, происхождение и материал описываемого объекта [4, с. 198].

Однако даже в произведениях, рассчитанных на юного читателя, появляются словосочетания, организованные как исключения из этого правила, а именно конструкции типа little sweet maidens, где оценочное определение стоит после атрибута, обозначающего размер и / или возраст. Данная перестановка, вероятнее всего, есть результат действий автора в рамках ПР, поскольку именно такая последовательность атрибутов представляется ему наиболее информационно релевантным способом развертывания смысла при преобразовании нерасчлененного представления об объекте в поверхностную синтаксическую структуру. Поскольку одним из наиболее значимых типов когнитивного эффекта является контекстивальная импликация, предполагающая выведение конечного смысла высказывания дедуктивно из совокупности смыслов самого высказывания и окружающего его контекста. Приведем контекст, в котором автор использует словосочетание little sweet maidens:

Why the boys should drive away *Little sweet maidens* from the play, Or love to banter or fight so well, That's the thing I never could tell.

Этот отрывок дает веские основания полагать, что перестановка определений не связана с требованиями рифмы и ритма стихотворного произведения. Получается, что в указанном контексте размер и возраст объекта представляются автору более важной характеристикой, именно поэтому происходит изменение «традиционного» порядка следования определений. В то время как словосочетание sweet little maidens также приемлемо с точки зрения грамматики и информационной целостности, на первый план в нем выходит уже не размер или возраст объекта, а его оценочная характеристика, которая становится более значимой. Из этого следует, что в случаях, когда атрибуты связаны кумулятивной связью, автор высказывания, руководствуясь ПР, намеренно варьирует их порядок так, чтобы поверхностная организация атрибутивного словосочетания была в наибольшей степени релевантна для обеспечения запланированного автором понимания смысла этого словосочетания в заданном контексте. В нашем случае важно, что мальчики не хотят играть именно с теми милыми девочками, которые младше их, а не с маленькими девочками, которые необычайно милы, - именно поэтому автор сознательно меняет порядок следования определений.

Проведенное исследование дает основания полагать, что требования информационной релевантности, бесспорно, лежат в основе преобразования представления об объекте в поверхностную синтаксическую структуру. С определенной долей уверенности можно утверждать, что распределение атрибутов внутри цепочки детерминируется целым рядом факторов, среди которых необходимо учитывать:

- структурные и семантические характеристики составных элементов атрибутивного словосочетания – главного слова и определяющего слова;
- порядок приращения экстралингвистического опыта и последовательность мыслительных операций, производимых при восприятии человеком определенного явления;
- возможность организации атрибутивной цепи, отражающую уникальные контекстуальные потребности автора.

В последнем случае релевантной окажется последовательность определений-атрибутов, позволяющая максимально точно расставить смысловые акценты и передать авторский смысл высказывания слушателю:

Таким образом, представляется возможным уточнить понимание ПР как многопланового явления, обеспечивающего коммуникативную эффективность поэтического дискурса. Понимание, как положительный коммуникативный эффект, достигает максимума, если атрибутивные словосочетания в тексте организованы с применением принципов системно детерминированной релевантности, когнитивно детерминированной релевантности, а также контекстуально детерминированной релевантности. Их репрезентация в языковых вариантах текста — наличие / отсутствие, концентрация различных видов словосочетаний, доминирование одного из них — представляет собой авторскую стратегию, продиктованную общим коммуникативным замыслом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Грайс Г. П.* Значение говорящего, значение предложения и значение слова // Философия языка. М., 2004. С. 75–98.
- 2. Павлюк О. Н. Когнитивные основания организации атрибутивных структур в дискурсе для детей старшего дошкольного возраста // Грамматические исследования: когнитивно-коммуникативная лингвистика и современная лингводидактика. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. С. 163–168.
- 3. *Уорф Б. Л.* Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 41–46.
- 4. *Murphy R*. English Grammar in Use. Cambridge University Press, 2004. 379 p.
- 5. The Nation's Favorite Children's Poems. BBC Worldwide Limited, 2006. 192 p.
- 6. *Wilson D. & Sperber D.* Relevance Theory // Handbook of Pragmatics / Ed. by L. R. Horn and G. L. Ward. Oxford, 2004. P. 249–290.

УДК 81-367.622

Т. И. Грибанова, Е. Н. Коршунова

Грибанова Т. И., доцент МГЛУ, магистр лингвистики, доцент кафедры грамматики и истории английского языка ФГПН МГЛУ e-mail: bestgrammar@yandex.ru

Коршунова Е. Н., доцент МГЛУ, доцент кафедры грамматики и истории английского языка ФГПН МГЛУ

e-mail: bestgrammar@yandex.ru

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФОРМ ДЛИТЕЛЬНОГО ВИДА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена особенностям употребления форм длительного вида английского глагола. При сохранении базовых значений данных форм сфера их применения расширяется за счет таких значений как повторяемость, незапланированность, случайность. Превалирующим фактором при выборе длительной формы глагола как действия, так и состояния является временный характер ситуации. Данные формы отличает большая эмфатичность и эмоциональная окраска, что объясняет рост их употребления в устной неформальной коммуникации.

Ключевые слова: длительные формы; временные, повторяющиеся, долгосрочные ситуации; эмоциональная окраска; неформальная коммуникация.

Gribanova T. I., Korshunova E. N.

Gribanova T. I., Master of Linguistics, Ass. Prof., Chair of Grammar and History of English, Department of Humanities and Applied Sciences, MSLU e-mail: bestgrammar@yandex.ru

Korshunova E. N., Ass. Prof., Chair of Grammar and History of English, Department of Humanities and Applied Sciences, MSLU e-mail: bestgrammar@yandex.ru

LINGUAPRAGMATIC ASPECT OF PROGRESSIVE FORMS IN MODERN ENGLISH

The article deals with the progressive forms usage in Modern English. Their basic meanings preserved, progressive forms expand their sphere of application: progressive forms are used more and more often to express repeated, unplanned and unexpected actions. It is the temporary character of the situation that makes the speaker choose a progressive form of both dynamic and stative verbs. The forms under analysis sound more emphatic and emotionally coloured, which accounts for their frequent occurrence in oral informal communication.

Key words: progressive forms; temporary; repeated; long-lasting situations; emotional colouring; informal communication.

Формы длительного вида традиционно рассматриваются как основное грамматическое средство выражения категории аспектуальности в английском языке. Большинство авторов сходится во мнении, что данные формы употребляются для описания единичного временного незавершенного действия в развитии в определенный момент речи (а) или период времени (б) в настоящем (1) [7, с. 6], прошедшем (2) [7, с. 16] и будущем (3) [6, с. 195]:

- 1a) Sorry, I'm busy at the moment. I'm doing my homework.
- 16) I'm reading a really interesting book.
- 2a) I looked out of the window and saw that it was raining.
- 26) They started producing the car in 1946 and *were still producing* it thirty years later.
- 3a) This time tomorrow I'll be lying on the beach.
- 36) Good luck with the exam. We'll be thinking of you.

Функция **временно́го** указателя может быть закреплена за наречиями now, $just^1$, still, at the moment:

I'll be with you in a minute. I'm *just* finishing something in the kitchen [2, c. 47].

В ряде случаев для выражения продолженного действия используются формы недлительного вида. К подобным клишированным моделям можно отнести *Here | There + глагол движения* с инверсивным порядком слов:

Here *comes* the postman [2, c. 47].

There *goes* the last bus [7, c. 10].

В русском языке формы длительного вида соотносятся с формами глагола несовершенного вида. Однако полного соответствия между ними не существует, что и обусловливает возникновение сложностей при их изучении студентами, носителями русского языка. Значение русской формы «он делает» может быть передано английскими формами he does, he is doing, he has been doing. Кроме того, существующее базовое определение не покрывает всего спектра смыслов, влияющих на выбор говорящим формы длительного вида.

¹ Выражение *just now* употребляется в контексте прошедшего, сочетаясь с формами недлительного вида прошедшего времени [6, с. 288].

В абсолютном большинстве случаев формы длительного вида выражают действие в развитии (progressive / continuous), что объясняет факт употребления в них преимущественно динамических глаголов. Исходя из этого, определяющими для языкового выбора являются некоторые особенности действия. Рассмотрим их в сопоставлении с характеристиками, свойственными формам неопределенного вида.

Вид	Длительный (progressive / continuous)	Неопределенный вид (simple / indefinite)
Тип действия	только единичное	единичное или цепочка действий
	временное	постоянное или регулярное
	акцент на развитие действия	акцент на факт совершения действия
	указание на точное время / промежуток времени обязательно	указание на точное время / промежуток времени необязательно

Данные параметры являются основополагающими при выборе между формами неопределенного (*indefinite / simple*) и длительного (*continuous / progressive*) вида и четко укладываются в нейтральный регистр речевого общения.

Формы длительного вида появились в процессе развития аналитизма английского языка в среднеанглийский период и достаточно поздно приобрели значение, закрепленное за ними сейчас. С точки зрения функционирования, они до сих пор значительно менее частотны, чем формы неопределенного вида, особенно в страдательном залоге, где практически не употребляются будущие формы длительного вида, а также перфектно-длительные формы. Современные английские грамматики описывают их как крайне редкие, поскольку не рекомендуется употреблять несколько форм глагола to be подряд: The Botley Road has been being widened for the past six weeks [5, c. 22]. Таким образом, сложность структурной организации глагольной формы накладывает определенные ограничения на ее использование.

При выборе длительной формы необходимо учитывать следующие функционально-семантические параметры:

- природу глагола (глаголы динамические / статальные; динамические предельные / динамические непредельные);
- стилистическую окраску высказывания (нейтральный / эмоционально окрашенный регистр, формальный / неформальный регистр);

прагматический аспект, обусловленный коммуникативной залачей высказывания.

Рассмотрим подробнее перечисленные выше характеристики действия, выраженного формами длительного вида. Так, при описании единичного временного действия, если внимание акцентируется на процессе, превалируют формы длительного вида:

He was reading a book all night [1, c. 95].

Если же акцент сделан на факте совершения действия и обстоятельствах (времени, места, образа действия), то предпочтение отдается формам неопределенного вида: *He read the book all night long*. При этом говорящий сам выбирает форму, в большей степени соответствующую его коммуникативному намерению.

В силу того, что сфера употребления форм длительного вида постоянно расширяется, приобретая все новые оттенки значения, они, наряду с формами неопределенного вида, приобретают способность описывать повторяющиеся действия. Обычно это свойственно предельным динамическим глаголам:

Why *are* you *jumping* up and down? [6, c. 456] Why *is* he *hitting* the dog? [6, c. 452].

Без контекста форма может быть истолкована как описание повторяющегося действия в момент речи или в ограниченный отрезок времени. Также зачастую сложно определить, является ли высказывание стилистически нейтральным или нет. В случае четкого указания на ограниченность отрезка времени протекания действия существует тенденция выражать повторяющееся действия с помощью форм длительного вида:

I'm feeding the neighbour's cat this week while she's in hospital [2, c. 48].

Предпочтительное употребление продолженных форм чаще всего бывает продиктовано необходимостью подчеркнуть то, что регулярное действие уже началось и продолжается в указанный момент:

Whenever I visited him, he was working in his garden [7, c. 16].

То же можно сказать о высказываниях с наречием usually:

At 8 o'clock I'm usually driving to work, so phone me on my mobile [3, c. 4].

В придаточных предложениях времени для выражения повторяющихся действий традиционно употребляются формы недлительного

вида. Однако в разговорной речи нередко встречаются формы длительного вида, особенно при описании событий, фоновых по отношению к действию или состоянию в главном предложении:

You look lovely when you're smiling [6, c. 454].

Заметим, что в прошедших контекстах данные формы не являются типичными для выражения регулярных действий [7, с. 16]:

That summer we *went* swimming nearly every day (*стандартный вариант*). That summer we *were going swimming* nearly every day (*редко*).

Все чаще формы длительного вида встречаются при описании длительных процессов, а также ситуаций, меняющихся на протяжении длительного времени (long lasting situations):

The universe *is expanding* [6, c. 454].

Упомянутое значение усиливается за счет употребления однородных прилагательных в сравнительной степени с союзом *and*:

It was becoming more and more difficult to find work [7, c. 16].

Идея изменения, заложенная в формах длительного вида, может усиливаться за счет употребления глагола-сказуемого соответствующей семантики, например глагола *change* (4) [7, с. 11], а также глаголов-связок *become*, *get*, *grow*, *increase* в сочетании с прилагательным в положительной степени (5) [7, с. 11] и особенно с прилагательным в сравнительной степени (6) [7, с. 16]:

- 4) Computers are changing all the time.
- 5) It's getting dark.
- 6) Her performances were getting better and better.

Говоря о современном употреблении форм длительного вида, нельзя не упомянуть явление **временно́го сдвига** (tense shift). В связи со сравнительно поздним развитием форм будущего времени в английском языке, идея будущности может выражаться формами длительного вида настоящего времени. Однако не следует забывать об их коммуникативной роли: в контексте они выражают действия, которые реализуются в как в реальном (7) [6, с. 449], так и относительном (8) [5, с. 22] будущем в соответствии с планами говорящего:

- 7) Come and see us next week if you are passing through London.
- 8) We were meeting at 8 o'clock and I was already late.

Формы прошедшего времени длительного вида встречаются в неформальном регистре для описания неопределенных планов в реальном будущем:

I was thinking of going to London this weekend [5, c. 22].

Носителями языка данная модель воспринимается как разговорное клише и одна из форм выражения вежливости.

Формы длительного вида употребляются как в устной, так и письменной речи, нейтрального, формального и разговорного регистров. В устной разговорной речи присутствует весь спектр значений, выражаемых формами длительного вида.

В свою очередь в устной и письменной формальной коммуникации предпочтение отдается формам неопределенного вида, особенно в клишированных формах, свойственных официальной корреспонденции *We write to advise you* ... [6, с. 455]. Употребление форм длительного вида снижает степень формальности регистра:

We are writing to let you know...

Формы длительного вида **более эмоционально окрашены**, чем немаркированные формы неопределенного вида. Зачастую для выражения **негативного отношения** к ситуации, вплоть до выражения крайней обеспокоенности, говорящий выбирает длительный вид в сочетании с наречиями *always*, *constantly*, *continually*, *forever*:

He's *forever* getting into trouble [7, c. 11].

Однако сочетание форм длительного вида с наречиями типа *al-ways* далеко не всегда подразумевает негативную оценку со стороны говорящего [3, с. 4], при этом речь может идти о действии *незапланированном*, *случайном* (9), или *происходящем неожиданно для говоря-шего* (10):

- 9) I'm always meeting Mrs Bailiff in the supermarket.
- 10) Her mother was always arranging little surprise picnics and outings.

Кроме вышеупомянутых случаев (выражение критики, озабоченности), употребление форм длительного вида может быть обусловлено желанием говорящего выделить произошедшее событие, привлечь к нему внимание преувеличением его значимости:

At school, he was always getting into trouble [7, c. 11].

Заметим, что оттенок значения зависит как от ситуации общения, так и коммуникативной задачи. При этом спектр выражаемых говорящим эмоций достаточно широк.

Помимо вышеперечисленных параметров, определяющих выбор формы длительного вида, следует принимать во внимание характер текста и тип дискурса [2, с. 48; 3, с. 4; 6, с. 453; 7, с. 10]. Недлительные формы, как правило, используются в рассказах, шутках, авторских ремарках в пьесах, киносценариях, спортивных комментариях для перечисления последовательных кратких событий, сопоставимых с цепочкой последовательных действий, происходящих одновременно с самим комментарием (11). В свою очередь, длительные формы служат для описания фоновых, относительно более длительных действий или событий (12) [7, с. 10]:

- 11) And now Rooney *crosses* the half-way line and *passes* to Giggs.
- 12) And the two Italians *are moving up* in the outside lane.

Логично ожидать, что непродолженные формы более типичны для комментирования спортивных игр (футбол, хоккей), отличающихся большей динамичностью, в отличие от индивидуальных соревнований (плаванье, гребля, лыжный спорт):

Oxford *are pulling* slightly ahead of Cambridge now; they are rowing with a beautiful rhythm; Cambridge *are looking* a little disorganized [6, c. 453].

Подобное распределение при употреблении форм характерно также для инструкций и демонстраций, например, при приготовлении пищи в ходе кулинарных шоу:

First I put a lump of butter into a frying pan and light the gas; then while the butter *is melting* I *break* three eggs into a bowl, like this... [6, c. 453].

В нарративе письменного стиля традиционно используют формы прошедшего времени (13), тогда как формы настоящего времени (неопределенные и длительные) для описания прошедших событий (14) [2, с. 48; 3, с. 4; 6, с. 453; 7, с. 10] больше свойственны неформальной речи, что делает ее более эмоциональной и привлекательной для собеседника:

- 13) Helen *looked down* into the busy street. Crowds of people *were pushing* along the pavements, and cars *were hooting*.
- 14) There's an old woman with thick glasses who's serving the hot drinks, so I go up to her and ask...

Английский язык богат формами выражения вежливости и избегает прямолинейности [2, с. 55; 6, с. 456; 7, с. 17] при выражении просьбы (15) и вопроса (16). Одним из способов достижения этих целей является употребление форм длительного вида:

- 15) I was wondering if you had two single rooms.
- 16) I was wondering what you wanted.

Так, формы длительного вида будущего времени позволяют вежливо справиться о планах людей:

Will you *be going away* at the weekend? [2, c. 55; 6, c. 412].

Подобная модель может также предполагать имплицитно выраженную просьбу, причем как нейтрального (17) [4, с. 49], так и формального характера (18) [СG, с. 25]:

- 17) A: Will you be seeing Laura tomorrow?
 - B: Yes, probably. Why?
 - A: I borrowed this CD from her. Can you give it back to her?
- 18) Will you be wanting anything else, sir?

В силу вышеперечисленных характеристик, данные формы выражают меньшую степень личной заинтересованности и определенности, что делает высказывание с ними менее эмфатичным:

I *am hoping* you can lend me £10 [6, c. 412].

Подобные вежливые просьбы, предложения и запросы звучат скорее как приглашение к обсуждению проблемы, чем требование дать положительный или отрицательный ответ:

I was wondering whether you'd like to come round to place for coffee? [5, c. 22].

Употребление таких форм типично для ситуаций, когда говорящий не уверен в позиции собеседника [3, с. 4].

Как упоминалось выше, одним из параметров выбора видового варианта является тип глагола. **Глаголы состояния** не используются в формах длительного вида в своих основных значениях. Их употребление возможно в следующих случаях.

1. При изменении значения глагола на динамическое, например [2, c. 49; 3, c. 2; 7, c. 6]:

I taste cream in this (непроизвольное действие).

I'm tasting the cream (произвольное действие).

Глагол	Значение	
I JIdi OJI	статальное	динамическое
fit	подходить по размеру	примерять
have	иметь	в составе устойчивых словосочетаний
imagine	представлять	выдумывать
measure	иметь размер	измерять
weigh	весить	взвешивать
consider	считать, полагать	обдумывать
smell	пахнуть	нюхать
taste	быть на вкус	пробовать

2. Для описания меняющейся ситуации. Обычно это сопровождается использованием обстоятельства, указывающего на данную перемену:

We're understanding *more and more* about the universe. People are *slowly* realizing the cost of global warning [7, c. 6].

3. Для усиления эмоциональной окраски на фоне постепенного изменения состояния (с глаголами *love*, *hate*, *enjoy*):

I'm liking it here more and more as time goes by [6, c. 458; 7, c. 7].

4. Для усиления лексического значения (эмфазы) с глаголами умственной леятельности:

I'm regretting my decision to give her the job. (= I'm increasingly aware that it was the wrong decision.)

Сравните:

I *regret* that the company will have to be sold. (= I have made the decision and I'm sorry about it.) [3, c. 2].

5. При описании ситуации, ограниченной по времени. При этом глагол, сохраняя свое основное значение, звучит более эмфатично:

We're having a house built, and it's costing a fortune [7, c. 6].

6. Для описания временного состояния в момент речи, не предполагающего изменения значения глагола-сказуемого или эмфазы по аналогии с динамическими глаголами [3, с. 2]. В продолженных формах могут употребляться такие статальные глаголы, как, например, attract, like, love, cost:

The new science museum *is* currently *attracting* / currently *attracts* 10,000 visitors a month.

Сравните:

Flowers attract bees with their brightly coloured petals [3, c. 3].

Другими примерами могут служить глаголы, выражающие физические ощущения (*feel*, *ache*, *hurt*):

How do you feel / are you feeling? [6, c. 455]

и такие глаголы-связки, как look, sound, taste:

You *look* / You're *looking* unhappy [6, c. 311].

При этом глагол *look* в значении *seem* употребляется только в формах недлительного вида:

This book *looks* interesting [7, c. 7].

Несмотря на расширение сферы применения продолженных форм со статальными глаголами, употребление некоторых из них для выражения вышеперечисленных значений по-прежнему не типично. К ним относятся: belong, believe, conclude, consist of, contain, depend on, doubt, know, own, possess, resemble и др. [3, с. 2; 7, с. 6]. Тем не менее следует отметить, что авторы английских учебников, избегая прямолинейных формулировок, полностью не отрицают возможности употребления этих глаголов в формах длительного вида. Так, М. Суон допускает длительные формы для усиления идеи изменения или развития:

These days more and more people *prefer / are preferring* to take early retirement [6, c. 458].

Глаголы *need*, *want* и *mean* могут употребляться в перфектнодлительных, а также длительных формах будущего времени:

Will you *be needing* the car this afternoon? I've been meaning to tell you about it since the weekend [5, c. 22; 6, c. 458].

В целом, традиционное употребление данных глаголов в непродолженных формах наблюдается в нейтральном регистре при отсутствии

дополнительных оттенков значения или эмфазы (1). В свою очередь формы длительного вида отличает повышенная эмфатичность (2):

As I get older, I remember (1) / I'm remembering (2) less and less [6, c. 458].

Таким образом, в современном английском языке продолженные формы допустимы с глаголами состояния не только при полном изменении значения, но и при необходимости указать на развитие / изменение ситуации, эмоциональное состояние говорящего и его отношение к содержанию высказывания. Вышеупомянутые оттенки значения зачастую усиливаются за счет повторения формы сравнительной степени прилагательного / наречия *more and more*.

Теперь рассмотрим функционирование длительных форм с так называемыми **перформативными глаголами** (performative verbs), произнося которые, говорящий совершает определенное действие (accept, agree, acknowledge, advise, apologise, beg, confess, congratulate, declare, deny, forbid, guarantee, insist, invite, name, order, permit, predict, promise, recommend, refuse, remind, request, suggest, swear, thank, warn) [2, с. 49; 3, с. 2; 6, с. 454; 7, с. 10]. Исходя из своей семантики, данные глаголы тяготеют к употреблению в форме неопределенного вида: *I agree*. При этом использование их в продолженных формах становится возможным в следующих случаях:

- для указания на развитие действия, а не на факт его совершения:
 The Railtrack chief executive was apologizing profusely for the inconvenience [2, c. 49];
- при употреблении в отрицательной форме (с глаголами apologise, deny, guarantee, promise, suggest):

I *don't deny* / *I'm not denying* taking the books, but Andy said it would be okay [3, c. 2].

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что длительные формы, сохраняя в большинстве случаев свои базовые значения, уступают формам неопределенного вида в частотности употребления. Однако сфера применения длительных форм постоянно расширяется за счет роста их семантико-прагматических характеристик. Так, можно выделить ряд новых значений форм длительного вида: длительные ситуации и повторяемость, регулярность, незапланированность, случайность.

Подчеркнем, что все перечисленные случаи отличает временный характер действия и ситуации, что является превалирующим фактором при выборе продолженной формы глагола-сказуемого даже при сохранении его базового значения. Это касается как глаголов действия, так и глаголов состояния. В целом ряде случаев формы длительного вида отличает большая эмфатичность и эмоциональная окраска, что объясняет рост их употребления в устной неформальной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Резник Р. В., Сорокина Т. С., Казарицкая Т. А. и др.* Практическая грамматика английского языка. М.: Флинта; Наука, 1996–2002. 688 с.
- 2. Foley M. and Hall D. Longman Advanced Learner's Grammar. Harlow: Pearson Education Limited, 2003. 384 p.
- 3. *Hewings M.* Advanced Grammar in Use. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. 294 p.
- 4. *Murphy R*. English Grammar in Use. A self-study reference and practice book for intermediate students of English. 3rd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 380 p.
- 5. *Side R. and Welman G.* Grammar and Vocabulary for Cambridge Advanced and Proficiency. Harlow: Pearson Education Limited, 2001. 286 p.
- 6. *Swan M.* Practical English Usage. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2009. 658 p.
- 7. *Vince M.* Macmillan English Grammar in Context. Advanced. Oxford : Macmillan Publishers Limited, 2008. 240 p.

УДК 81.13

3. Р. Мамсурова

соискатель кафедры грамматики и истории английского языка ФГПН МГЛУ e-mail: zhukaeva z@mail.ru

КОНФЛИКТ КАК КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

В статье обсуждается возможность применения общенаучного представления о конфликте к материалу драматургического творчества. Вырабатывается комплексное представление о конфликте в драматургии в связи с его реализацией средствами соответствующего дискурса.

Ключевые слова: речевой / языковой / коммуникативный конфликт; конфликтная ситуация; лингвосинергетика; аттрактор; речевые жанры; интенциональность; дискретность.

Z. R. Mamsurova

Researcher, Chair of Grammar and History of English, Department of Humanities and Applied Sciences, MSLU e-mail: zhukaeva z@mail.ru

CONFLICT AS COGNITIVE AND COMMUNICATIVE SPACE

The article discusses the possibility to apply a general scientific understanding of the conflict to the material of dramatic art. The author develops a comprehensive approach to the conflict in drama in connection with its implementation by means of appropriate discourse.

Key words: linguistic / communicative conflict; conflict situation; linguistic synergetics; attractor; speech genres, intentionality; discretization.

Несмотря на то, что на данный момент понятийная система и инструментарий анализа лингвистической конфликтологии, или лингвоконфликтологии, находятся в стадии формирования, очевидным является то, что в центре внимания дисциплины находится понятие речевого [языкового, коммуникативного — в различной терминологии] конфликта. Для нас наибольший интерес представляют лингвистически существенные признаки конфликта и конфликтной ситуации, причем мы различаем эти два понятия.

Конфликт можно интерпретировать:

как коммуникативную стратегию, в которой участвуют минимум две заинтересованные стороны; и в данном конкретном случае под языковым (речевым, коммуникативным)

конфликтом чаще всего понимается противонаправленная интеракция, когда одна из сторон в ущерб другой сознательно и активно совершает речевые действия, которые могут выражаться соответствующими — негативными — средствами языка и речи. Подобные действия адресанта определяют речевое поведение другой стороны — адресата, предпринимающего ответные речевые действия против своего собеседника, выражая отношение к предмету речи или собеседнику;

- сложный речевой акт, представляющий собой динамический обмен отдельными речевыми актами предложениямивысказываниями определенного типа;
- систему коммуникативного обмена, состоящую из нескольких обязательных и нескольких необязательных шагов;
- явление, маркирующее *отрицательное поле* коммуникативного *взаимодействия*;
- сбой коммуникации в результате недостаточного знания денотаций и коннотаций определенных слов;
- сбой в общении в связи с неосуществленным намерением говорящего, неправильным представлением коммуникантов о наличии у них одинаковых пресуппозиций, несовпадением референциальных рамок [6].

Изучая различные стороны конфликта, лингвисты предлагают разнообразные способы описания этого явления. Основная задача рассмотрения языкового конфликта в рамках лингвоконфликтологии определяется как исследование механизмов возникновения коммуникативных конфликтов, их причин и способов предотвращения / разрешения в текстовых потоках [Н. В. Муравьева]. Перспективной целью рассмотрения конфликтного взаимодействия является понимание языковой технологии кооперативного, гармоничного, толерантного общения, которое противопоставляется общению конфликтному [7].

В основе лингвоконфликтологии лежит тезис: область языковых (речевых) конфликтов является, с одной стороны, реализацией конфликтного потенциала самого языка и, сферой социальной жизни — с другой¹. Потенциальная конфликтность языка в настоящее время является доказанным положением (К. И. Бринев, Н. Д. Голев, Е. С. Кара-Мурза,

¹ Так, в качестве одной из версий коммуникативного конфликта предлагается представление о проявлении агрессии, что тесно переплетается с психолингвистической типологией конфликтных личностей (В. С. Третьякова).

Н. В. Муравьева, В. С. Третьякова, Б. Я. Шарифуллин и др.). Конфликтность лежит в самой природе языка, сотканного из противоречий. В итоге, они являются главным основанием его жизнеспособности. Множественность трактовок одних и тех же высказываний и даже их конфликт не являются недостатком, а естественным механизмом понимания, образующего суть интерпретации [7, с. 297–298].

Какова же «сфера бытия» конфликта? Вспомним одно из наиболее часто цитируемых положений М.М. Бахтина: «Даже в самой непринужденной беседе мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам, иногда штампованным и шаблонным, иногда более гибким, пластичным и творческим. Эти речевые жанры (далее РЖ) даны нам почти так же, как нам дан родной язык» [2]. Возможно следующее толкование данного высказывания: жанры менее императивны и независимы от человека, чем язык. РЖ и язык не тождественны, но имеют общую коммуникативную природу и сопоставимы как разные типы организации коммуникации. Пользуясь терминами лингвистической синергетики1, можно сказать, что РЖ и язык – два разных коммуникативных аттрактора, т. е. типа упорядочения дискурса. В лингвосинергетике аттрактор понимается как область упорядоченности для открытой, сильно неравновесной системы, каковой считается система языка. В синергетических системах аттракторы являются единственным средством преодоления неопределенности, излишней энтропии смысла и создания неконвенциональной аналогической структуры.

Главным аттрактором, организующим прямую коммуникацию, выступает язык. Он возникает как своеобразная борьба с непрямой коммуникацией, ее преодоление. Делает передаваемые и принимаемые смыслы более прямыми, т. е. более точными и «узкими». В языке также существует разная степень точности выражения содержания. «Прямота растет прямо пропорционально повышению формализации. Под формализацией знаковой системы понимают повышение ригидности (жесткости) системы, проявляющееся в следующих признаках: ужесточение требований к правилам грамматики и метаязыка; повышение строгости исполнения внутрисистемной логики. Формализация в таком понимании всегда направлена от смыслов к значениям.

¹ Вслед за Е. В. Пономаренко под лингвосинергетикой мы подразумеваем представления о языке (и в целом речевой деятельности) как о сложной динамической саморегулируемой системе [5].

Так, в формализованном языке математики есть только значения и нет смыслов. Там у адресата не может возникнуть вопроса, типа "Что вы этим хотели сказать?". В мире безупречных искусственных языков нет ни экспрессии, ни связности и цельности речевого потока, ни неопределенности и размытости описаний и ситуаций и лиц. В этом мире нет также ни юмора, ни поэзии» [4, с. 88].

В духе идей М. М. Бахтина, однако, с существенными уточнениями, касающимися важных параметров речепорождения, высказывает следующую мысль исследователь В. В. Дементьев: «Важно понимать, что жанры общения не являются внешним условием коммуникации, которые говорящий / пишущий должен соблюдать в своей речевой деятельности. Они присутствуют в сознании языковой личности в виде фреймов, влияющих на процесс разворачивания мысли в слово. При этом в ходе формирования дискурса уже на стадии возникновения коммуникативного намерения (следующей после появления мотива речи) происходит настрой на ту или иную социально-коммуникативную ситуацию (болтовни или разговора по душам, комплимента или ссоры, светского общения или публичного выступления и т. д.), ту или иную модальность общения (конфликтную, центрированную, кооперативную). Именно на этом этапе у говорящего появляется – пока еще смутная – общая цель (интенция, иллокуция) высказывания» [4, с. 98]. Принимая во внимание тот факт, что интенциональность заложена в определении конфликта (см. п. 1), можно утверждать, что конфликт никогда не случаен, по крайней мере, со стороны инициатора. При этом его генезис происходит в поле отрицательного эмоционального взаимодействия.

Наличие так называемой «конфликтной» интенции, порождающей последующее негативное взаимодействие партнеров, проявляется в отборе вербальных (и, возможно, невербальных) способов кодирования смысла высказывания. Два типа коммуникативных смыслов, организуемых речевыми жанрами, выделяет Ф. С. Бацевич: узуальный (умение строить типичный РЖ с присущей ему интенцией в конкретной конситуации общения и привычное восприятие именно этого смысла адресатом) и очень важный окказиональный, само наличие которого свидетельствует о том, что РЖ – не просто тип, жесткая, застывшая форма организации речевого действия, а «мягкая», гибкая категория живой коммуникации, формирования дискурсов [4, с. 93].

Думается, что РЖ конфликтной коммуникации как сбой в общении своим отличительным признаком будет иметь именно злоупотребление окказиональными смысловыми возможностями построения и интерепретации речи в духе п.п. 5 и 6 определения конфликта выше.

Итак, заявленная в начале вариативность интерпретации центрального понятия нашего исследования предполагает, по крайней мере, две возможные версии понимания конфликта: статическую и динамическую. В первом случае актуальность приобретает описание «таксономических» признаков конфликта, т.е. состава его участников (а также их характеристик) и используемого ими речеактного набора. Во втором случае в фокус внимания попадает «временная развертка» конфликтной ситуации (от момента ее начала до завершения), наличие внутренних фаз (этапов), их длительность, интенсивность, существование особых эксплицитных / имплицитных маркеров (в том числе языкового свойства) того, что конфликт движется во времени: разгорается, затухает, сходит на нет. Можно предполагать, что подобная статико-динамическая интерпретация конфликта формирует его многомерное пространство (скорее, чем поле), которое коррелирует с речевым жанром конфликтного дискурса. Существенно при этом, что пространство конфликта всегда окрашено негативной модальностью (в противовес кооперативному дискурсу).

Категория конфликта является центральной в поэтике драмы, ее структурообразующей основой. Именно через конфликт проступает философская основа этого рода литературы, его моделирующая установка на рассмотрение бытия как проблемы, нуждающейся в осознании и разрешении. Весь механизм драматической структуры держится на конфликте и разворачивается как пространство его проявления. Конфликт ведет к углублению процесса¹, он – один из «моторов» театральной динамики. Можно также предположить, что конфликтный континуум пьесы состоит из конфликтных ситуаций, возникновение которых усугубляет конфликт. Аристотель указывал, что целостность художественного произведения (драмы) определяется наличием начала действия, его развития и завершения: «Целое есть то, что имеет

¹В ситуации общения, когда один из партнеров не предпринимает ответных речевых действий, т. е. не поддерживает и не оправдывает негативных ожиданий собеседника, можно говорить еще не о конфликте, а о наличии конфликтной ситуации.

начало, середину и конец». Он, таким образом, установил логическую причинно-следственную связь событий и уточнил далее предельность в их развитии: «Тот объем достаточен, внутри которого при непрерывном следовании [событий] по вероятности или необходимости происходит перелом от несчастья к счастью или от счастья к несчастью» [1, с. 653, 654]. Далее, дискурс есть ряд следующих один за другим речевых актов. Каждый из них сопряжен с определенным событием и определяет некоторый момент «теперь». Совершение речевого акта предполагает наличие речевых действий, совершенных ранее, т.е. некоторых моментов прошлого. Статус прошлого создается наличием следа, с которым так или иначе сопряжено совершение нынешнего речевого акта [3]. Таким образом, явление коммуникативного конфликта может вычленяться из общего текста драматургического произведения. Более того, театральный дискурс, как РЖ, построенный на конфликте, подчиненном законам сцены, предполагает существование «триггера», некой провокации в действиях / речи персонажей, что на определенном этапе позволяет предвидеть нарастание конфликтности. Прогнозируемость эта обусловлена интенцией, определяющей коммуникативную стратегию или выбор речевых инструментов конкретным участником речевого взаимодействия. Таким образом, театральный дискурс – пространство материализации конфликта в целом и его отдельных составляющих.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Аристоть. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. 830 с.
- 2. *Бахтин М. М.* Собр. соч. М. : Русские словари, 1996. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. С. 159–206.
- 3. *Гутнер Г*. Существование в геометрии. Анализ категорий модальности. URL : http://modernlib.ru/books/gutner_g/
- 4. $\ \ \, \mathcal{A}$ ементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
- 5. Пономаренко Е. В. Функциональная системность дискурса (на материале английского языка) : монография. М., 2004. 328 с.
- 6. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И. Н. Жукова, М. Г. Лебедько, З. Г. Прошина, Н. Г. Юзефович. 2-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА; Наука, 2015. 640 с.
- 7. Эффективное речевое общение. Базовые компетенции : словарь-справочник / Минобрнауки РФ. Красноярск : ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет», 2012. 862 с.

УДК 81'367.522

Н. И. Шлепова

преподаватель кафедры грамматики и истории английского языка ФГПН МГЛУ e-mail: illume8@mail.ru

ИНВЕРСИЯ В БРИТАНСКОМ СКАЗОЧНОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Цель статьи — проанализировать функцию грамматической инверсии, являющейся одной из доминантных черт дискурса британской волшебной сказки. Обратный порядок слов рассматривается с точки зрения реализации эмоционально-экспрессивной функции языка, в целом, и как лингвистическая репрезентация диалектичности волшебной сказки, в частности. Кроме того, показано влияние инверсии на развитие когнитивной функции у детей старшего дошкольного возраста — целевой группы волшебной сказки.

Ключевые слова: сказка; инверсия; диалектичность; бинарные оппозиции; эмоционально-экспрессивная функция языка; когнитивные способности.

N. I. Shlepova

Teacher, Chair of Grammar and History of English, Department of Humanities and Applied Sciences e-mail: illume8@mail.ru.

INVERSION IN BRITISH FAIRY TALES

The article explores the role of grammatical inversion in British fairy tales. Inverted word order is regarded as the realization of the expressive function of language as well as a linguistic device rendering the dialectical nature of the fairy tale. Besides, the article draws attention to the fact that inverted sentences have a considerable influence on the development of cognitive abilities in five- to six-year-old children – the target group of the fairy tale.

Key words: fairy tale; inversion; dialectics; binary oppositions; expressive function of language; cognitive abilities.

Антропологическая ориентация лингвистики последних лет направляет внимание исследователей на изучение тесной связи языка и бытия человека — человеческого сознания, мышления и культуры. В связи с этим растет интерес к сказке, нарратив которой является идеальным полем для одновременного приложения лингвистических, литературоведческих и психоаналитических усилий. Дело в том, что сказка, являясь наследницей мифа, сохранила в себе не только его основную повествовательную канву (т. е. путешествие героя), но и диалектическое восприятие реальности, характерное для европейской философской

мысли, также зародившейся в синкретической колыбели мифа [8]. Последнее находит свою репрезентацию в жанровых особенностях построения сказочного сюжета, с одной стороны, и в его лингвистическом кодировании, — с другой. Рассмотрим, каким образом грамматическая и, в некоторых случаях, лексическая инверсия¹, являющаяся одной из доминантных черт европейской волшебной сказки, интенсифицирует сюжетную диалектичность сказочного фольклора (строящегося на принципах единства и борьбы противоположностей). Кроме того, поговорим о том, как инверсия способствует развитию диалектического мышления у детей, и проследим реализацию эмоциональностилистической функции обратного порядка слов в тексте сказки.

Любая европейская (в частности, британская) волшебная сказка представляет собой рассказ о человеке, которому необходимо пройти испытание, после чего он получает вознаграждение. Этот человек изначально ничем не выделяется на фоне других персонажей сказки, а порой и уступает им, но именно с ним происходят метаморфозы, благодаря которым он становится героем. В психоаналитическом смысле, он проходит обряд посвящения, или инициации, цель которого — выход на новый уровень осознанности, качественное изменение психики, становление взрослой самостоятельной личности. Данное событие, являющееся ядром сказочного нарратива, диалектично, т. е. строится на принципах синтеза противоположных тезисов («обыватель» — «герой») и, в то же время, волшебно, как алхимический процесс превращения свинца в золото. Таким образом, диалектичность, пронизывающая сказку на всех уровнях, и есть источник ее основной дифференциальной категории — волшебности.

Категория волшебности находит свою непосредственную реализацию в бинарных оппозициях, на которых строится сказочный дискурс. Так, мир сказки противопоставлен миру слушателя, дом — лесу, герой — вредителю, доброта — коварству и т. д. Данный принцип лежит в основе распределения элементов всех уровней (в области статики — мир персонажей, реалий и их атрибутов, в области сюжетной динамики — мир ситуаций и действий) [4].

Такая особенность сюжетного построения отражается на линг-вистическом коде волшебной сказки. Прием инверсии не является

¹ Здесь и далее под *инверсией* понимается такое отклонение от порядка членов предложения, которое не связано с изменением синтаксических связей и актуального членения предложения [9].

единственной отличительной чертой сказочного нарратива, но, пожалуй, может быть назван одной из наиболее значимых, с точки зрения своей частотности.

Известно, что организация высказывания влияет на качество его понимания реципиентом. Если рассказчик хочет быть понятым слушателем, донести до него смысл истории, то для передачи своей мысли посредством слова, ему необходимо оформить это слово так, чтобы оно активизировало воображение и чувства адресата, а не только реферировало к определенным денотатам. Следовательно, рассказчик осуществляет общение со своей аудиторией в области эстетической, аппелируя к изобразительной силе речи (используя, в частности, прием инверсии), так как только особенная синтаксическая организация предложения, наполненная определенными лексическими единицами, способна выполнять эмоционально-эксперссивную функцию и будить воображение слушателя. Как пишет А. Циммерлинг, «порядок слов можно изучать не только как проекцию древесной структуры, но и как интерфейс, на котором отражаются предикативно-аргументные отношения, морфологические, семантические, прагматические категории и даже денотативные реалии» [7].

Так, в следующем примере инверсия меняет местами тему и рему предложения:

The men did what the bird wanted and *away to the tree it flew* with the millstone round its neck, the red shoes in one foot, and the gold watch and chain in the other [10].

Вынося обстоятельство на первое место, инверсия интенсифицирует стилистическую информативность предложения, в фокус внимания слушателя помещается на дерево, к которому направляется птица, и с которым, по всей видимости, будет связано последующее развитие сюжета. В данном предложении инверсия поддержана параллельными конструкциями (the millstone round its neck, the red shoes in one foot, and the gold watch and chain in the other), что формирует у слушателя предчувствие грядущих драматических событий.

Другие примеры:

Well, every day the flax and the food were brought, and every day *that there little black impet used to come* mornings and evenings [10].

Well, when that heard her, that gave an awful shriek and *away that flew* into the dark, and she never saw it any more [10].

В первом предложении на передний план выносится наречие места *there*, и это не случайно, ведь именно там, в комнате, где главная героиня прядет пряжу, должна свершиться ее судьба: если она не сможет угадать имени существа, которое ей помогает, оно заберет ее к себе. Во втором — заключительной фразе сказки, — выделение приглагольного наречия *away* ставит акцент на полной и бесповоротной победе главной героини, правильно назвавшей имя этого существа: оно никогда больше ее не посетит.

Кроме того, инверсия нередко придает предложению особое ритмическое звучание, как, например, в следующей фразе:

Well, *came supper-time* the woman said: "I dare say they've come again now" [10].

Благодаря инверсии, ударные слоги повторяются через равные промежутки, что создает эффект напева, как в колыбельной или заговоре — жанрах, исторически родственных сказке. Если мы уберем инверсию, такого ритмического рисунка не будет:

Well, supper-time came the woman said: "I dare say they've come again now".

Итак, казалось бы, что единственная смысловая нагрузка инверсии в дискурсе волшебной сказки - это реализация эмоциональноэкспрессивной функции языка. И действительно, сюжетная канва сказочного текста довольно однообразна и строится по строгим правилам, описанным в «Морфологии волшебной сказки» В. Я. Проппа [4], поэтому творческая энергия рассказчика воплощается главным образом в синтаксисе (поскольку лексический слой сказки также относительно примитивен). Однако сказка, несмотря на всю свою простоту, является воплощением диалектического восприятия реальности, унаследованного от мифа, давшего нам первый синкретичный сюжет, в котором представлена попытка осмысления общего потока жизни. «Отмель» этого сюжета порождает философию, а сама повествовательная канва продолжает жить в новых формах и, в частности, в сказке, становясь ее структурным костяком [6]. Как уже упоминалось, в сказке диалектический принцип является основным на всех уровнях текста, начиная с системы персонажей и сказочных атрибутов и заканчивая сюжетным ядром инициации героя как во внутреннем, так и внешнем планах.

Таким образом, инверсия, наряду с другими характерными для данного жанра дискурса стилистическими приемами, является своеобразной лингвистической реализацией законов диалектической логики (закон единства и борьбы противоположностей, закон перехода количественных изменений в качественные и обратно, закон отрицания отрицания). Обратный порядок слов, противопоставленный прямому, — это такая же бинарная оппозиция, только выраженная синтаксически. Левое становится правым, обыватель превращается в героя, добро становится злом, а мир сказки — та же реальность, только отраженная в зеркале. Так инверсия работает на реализацию категории волшебности, сталкивая в пространстве одного и того же текста противоположные и при этом взаимно предполагающие друг друга явления.

Как отмечают психологи, у детей старшего дошкольного возраста — целевой группы сказочного фольклора — в большей степени развито именно диалектическое мышление, которое активно вытесняется аристотелевской логикой в рамках начального и затем среднего образования. Одновременно с этим дети проходят и стадию мифологического мышления, которое также диалектично по своей природе. Можно предположить, что данная особенность познавательных процессов связана не только с особенностями развития человеческой психики, но и с возможностями сказочного фольклора, который обеспечивает трансляцию в сенситивный для детей период мира волшебной сказки, построенного по законам диалектической философии.

Однако неверно будет утверждать, что только лишь сюжет и структура сказочного текста выполняют развивающую роль по отношению к детям. Синтаксис волшебной сказки (и инверсия в том числе) также стимулируют развитие определенных гностических отделов мозга ребенка. Понимание инвертированных предложений по непосредственному впечатлению невозможно, что требует от детей определенных когнитивных усилий и предварительной перешифровки [2]. Задача маленького слушателя осложняется еще и тем, что сказка ориентирована на аудиальное, а не зрительное восприятие, что лишает ребенка возможности несколько раз перечитать предложение, вызвавшее трудности в понимании. Таким образом, на фоне плавной, синтагматически развернутой речи, которую он уже способен воспринимать достаточно непосредственно, в сказке ребенок встречается с частотной

инверсией разных типов и благодаря ей учится воспринимать специфические логико-грамматические структуры, дешифровка которых требует сложных психологических операций.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что инверсия, являясь одной из доминантных черт лингвистического пласта сказки, выполняет в данном жанре дискурса три функции:

- придает экспрессию тексту и эмоционально воздействует на слушателя;
- интенсифицирует диалектичность сказочного сюжета;
- стимулирует развитие когнитивных способностей у детей старшего дошкольного возраста – целевой группы сказочного фольклора.

При этом первая функция, в отличие от двух других, специфична не только для дискурса волшебной сказки, но и для иных дискурсивных жанров, а вторая и третья образуют иерархию, в которой стимулирование когнитивных способностей детей является следствием особого лингвистического кодирования диалектического фундамента текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Ковтунова И. И.* Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 205 с.
- 2. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
- 3. *Матезиус В*. Основная функция порядка слов в английском языке. Пражский лингвистический кружок: сб. статей. М.: Прогресс, 1967. 312 с.
- 4. *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2011. 144 с.
- 5. *Смирницкий А. И.* Синтаксис английского языка М. : Изд-во лит-ры на ин. яз., 1957. 286 с.
- 6. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 201 с.
- 7. *Циммерлинг А. В.* Типологический синтаксис скандинавских языков. М.: Языки славянской культуры, 2002. 895 с.
- 8. Шлепова Н. И. Историко-философские корни диалектичности сказочного фольклора // Лингвистика и лингводидактика в когнитивнокоммуникативном аспекте: грамматические исследования. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 101–112.
- 9. *Ярцева В. Н.* Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
- 10. *Jacobs J.* English Fairy Tales. The Pennsylvania State University, 2005. 169 p.

УДК 81'42

А. В. Керова

преподаватель кафедры грамматики и истории английского языка ФГПН МГЛУ e-mail: aliker@mail.ru

МЕЖДОМЕТИЯ В СРЕДНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ НА МАТЕРИАЛЕ «КЕНТЕРБЕРИЙСКИХ РАССКАЗОВ» ДЖ. ЧОСЕРА

В статье обсуждается проблема употребления междометий в среднеанглийском языке на материале «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера. Особый интерес вызывает исследование междометий, служащих для создания образов героев в зависимости от их профессии и образования, настроения и цели высказывания, а также анализ междометий, встречающихся у всех героев без исключения и являющихся типичными для XIV в., но, в основном, архаичными в новоанглийском. В статье также приведены исторические факты, повлиявшие на выбор междометий как выразительных средств в речи персонажей.

Ключевые слова: диахронный аспект; междометия; Дж. Чосер; «Кентерберийские рассказы».

A. V. Kerova

Teacher, Chair of Grammar and History of the English, Department of Humanities and Applied Sciences, MSLU e-mail: aliker@mail.ru

INTERJECTIONS IN MIDDLE ENGLISH BASED ON «CANTERBURY TALES» BY GEOFFREY CHAUCER

The article presents some observations of the use of interjections in Middle English based on «Canterbury tales» by Geoffrey Chaucer. The research shows that interjections vary from character to character depending on their profession, status, education, mood and aim of their speech. The analysis showed which interjections are used by all the characters of the Tales without exceptions and are typical for the XIV century, but are archaic in Modern English. The article includes detailed information about the historical context, which undoubtedly influenced the choice of interjections as expressive means in the speech of the characters.

Key words: diachronic aspect; interjections; Geoffrey Chaucer; «Canterbury tales».

Целью данной статьи является подведение кратких итогов исследования междометий в среднеанглийском языке на материале «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера. В качестве *объекта* исследования выступают междометия, для анализа которых была использована

их классификация на первичные / непроизводные и вторичные / производные, которые в свою очередь могут быть моносемантическими / однозначными и полисемантическими / многозначными¹. Первичные восходят генетически к непроизвольным выкрикам и рефлекторным звукам, выражающим различные эмоции, вторичные образуются за счет знаменательных частей речи с потерей номинативной функции [6]. В данном исследовании мы считаем необходимым классифицировать междометия по их семантике, что дает возможность осуществить анализ и изучение их природы и сущности. *Материалом* для анализа и обобщения послужили более 1000 примеров использования междометий в «Кентерберийских рассказах», однако в таблице ниже (с. 117) даны цифры, относящиеся только к пяти героям, характеристики которых представлены в работе.

«Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера – сборник, состоящий из 22 стихотворных и двух прозаических новелл, написанных в конце XIV в. на среднеанглийском языке и объединенных общей «рамкой»: эти истории рассказывают паломники, направляющиеся на поклонение мощам святого Томаса Беккета в Кентербери. Рассказчики представляют все слои средневекового английского общества: рыцарь, монах, священник, врач, мореход, купец, ткачиха, повар, йомен и др. При создании образов Чосер использует много интересных выразительных средств и стилистических приемов. Литературное мастерство писателя проявляется в особенностях речи паломников. Например, рассказ исповедника больше похож на проповедь и заканчивается приглашением купить индульгенции, сделать пожертвование церкви; мещанка из Бата – необыкновенно ярко нарисованный комический тип – толстая жизнерадостная болтушка, уморившая нескольких мужей, прежде чем приступить к повествованию, рассказывает некоторые подробности своей жизни [2].

Исследуя междометия, мы сделали вывод о том, что именно этим языковым единицам отводится *особая роль в создании образов*. Междометия у героев разных классов разные, соответственно по-разному

 $^{^{1}}$ Примеры различных междометий:

Типы междометий	Моносемантические	Полисемантические
Непроизводные / первичные	Alas	Ah, o
Производные / вторичные	For Jesus Christ's sake	Heavens

передают их эмоциональные состояния, возраст, пол, темперамент, статус [3]. Некоторые междометия (например, *allas*, *lo*) характерны практически для всех героев, в то время как другие принадлежат только некоторым из них, а у остальных вообще не встречаются (междометные высказывания со словом *faith* только у мещанки из Бата; *pees*, *by corpus bones*, *by nayles* и *by blood* только у хозяина гостиницы).

Чосер, будучи хорошо образованным представителем своей эпохи, в своих работах не мог избежать влияния церкви, авторитет которой был очень силен в XIV в. Поэтому в речи большинства героев «Рассказов» преобладают междометия *теологической семантики* (например, God, Christ), которые, с одной стороны, могут характеризовать героев как набожных людей, а с другой – дают яркий комический / сатирический эффект, особенно при создании образа священника, который не должен упоминать «Имя Господа всуе», однако употребляет его много и часто. Однако возможно и то, что Чосер поддерживал теорию Джона Уиклифа (1320/1324–1384), который отвергал учение о чистилище и индульгенциях; устную исповедь считал насилием совести и потому предлагал довольствоваться внутренним раскаянием человека перед Богом. Уиклиф учил, что каждый человек прямо связан с Богом без каких-либо посредников. Следовательно, церковь как промежуточное звено между человеком и Богом не нужна. Тогда становится понятно, почему Чосер, высмеивает, по большей части, представителей духовенства и так часто прибегает к междометиям теологической семантики. Тем не менее в обоих случаях проблема церкви остается актуальной в «Рассказах» и XIV в. в целом.

Бо́льшая часть междометий в «Рассказах» вышли из употребления в новоанглийском языке или зафиксированы в словарях как *архаичные* [5]. Самым частотным и типичным для всех героев оказалось *alas* (130 примеров использования в «Кентерберийских рассказах»), что естественным образом связано с переживаниями Чосера и его героев по поводу трагических событий того времени. Чосер оказался свидетелем глубокого социального сдвига, а любые изменения в картине мира человека проявляются прежде всего в языке. Столетняя война (с перерывами с 1337–1453), чума 1348 г. и крупные восстания крестьян — все эти катаклизмы не могли не повлиять на все слои населения и не отразиться на литературе. Вот почему *alas* многократно повторяется, иногда даже в одном предложении:

Allas¹, the deeth! Allas, myn Emelye! Allas, departynge of our compaignye! This carpenter answerde, «Allas, my wif! And shal she drenche? Allas, myn Alisoun!» Allas, the wo! Allas, the peynes stronge, That I for yow have suffred, and so longe! Allas, myn hertes queene! allas, my wyf!

Схожее значение имели междометия akkas, avoy (первичные моносемантические). Интерес вызывает тот факт, что для выражения отчаяния и сожаления существовало столько эквивалентов. Известно, что междометие не является средством выражения эмоций только одного человека, оно не индивидуально, а представляет собой обобщенное проявление эмоции социальной [1]. Отсюда вывод о достаточно негативном настрое общества в описываемый период:

'Avoy!' quod she, 'fy on yow hertelees! Allas," quod she, "for by that God above Now han ye lost myn herte and al my love! Allas! akkas! bedekes us he recreant and nedelees despeired.
Allas! kan a man nat bithynke hym'.

Интересно еще одно междометие fie, или fy — первичное моносемантическое междометие, выражающее сильное недовольство в отношении чего-то очень неприятного, особенно часто употребляемое как реакция на пьяных людей (15 примеров):

The devel of helle sette his foot therin. Thy cursed breeth infecte wole us alle, Fy, stynkyng swyn! Fy, foule moothe thou falle! A, taketh heede, sires, of this lusty man! Fy, mannysh, fy? – O nay, by God, I lye – Fy, feendlych spirit! for I dar wel telle, Thogh thou heere walke, thy spirit is in helle.

Pardee — еще одно первичное моносемантическое междометие французского происхождения, не использующееся в новоанглийском (французский в XIV в. был официальным языком в Англии). Его значение близко к *By God* (30 случаев употребления).

 $^{^1}$ Allas в XIV в. отличалось в написании от современного (alas).

Lo — третье первичное моносемантическое междометие (производное от глагола $to\ look$) служило для привлечения внимания слушателя (60 случаев использования).

Проанализировав междометия персонажей «Рассказов», можно сделать вывод о том, что их большая часть не характерна для современного языка, и что их выбор зависел от социального статуса героя. Например, производные междометия с именами святых чаще встречались в речи представителей высших слоев общества: чем более витиевато и высокопарно междометное высказывание, тем выше класс. Чосер мастерски подбирает языковые средства (и междометия, в частности) для характеристики каждого персонажа [5]. Особенное внимание в данном исследовании было уделено наиболее ярким героям, работа над образами которых, в основном, была завершена Чосером [7; 10].

Одним из них является Продавец индульгенций, представитель церкви, влиятельного института власти того времени. (Люди, которые были связаны с церковью, считались хорошо образованными и начитанными, так как до изобретения печатного станка книги хранились в монастырях и переписывались монахами.) В связи с этим в его речи присутствует большое число междометий теологической семантики. Кроме того, из Пролога становится ясно, что Продавец является хорошим оратором и хочет произвести впечатление на пилигримов [8]. В «Рассказах» всего четыре представителя церкви (the Parson, the Summoner, the Friar и the Pardoner), но речь именно продавца индульгенций изобилует междометиями, большая часть которых - полисемантические производные междометия с именами святых (23 примера), что можно объяснить характером его профессии. Однако при ближайшем рассмотрении становится понятно, что Продавец индульгенций «красуется» перед пилигримами, каждый раз выдумывая все новые обороты с именами святых, пытаясь поразить слушателей; поэтому его образ становится комическим:

'Now, dame,' quod he, 'by God and by Seint John!' 'It shal be doon,' quod he, 'by Seint Ronyon'.

Однако самым частотным у Продавца индульгенций является междометие O (многозначное первичное), которое периодически он повторяет в каждом предложении, чтобы выразить свое сожаление,

что придает его речи некую высокопарность и поэтичность, привлекая внимание слушателей [4]:

O glotonye, ful of cursednesse!

O cause first of oure confusioun!

O original of oure dampnacioun

Til Crist hadde boght us with his blood agayn!...

O cursed synne ful of cursednesse!

O traytours homycide, *O* wikkednesse!

O glotonye, luxurie, and hasardrye!

Кроме того, речь Продавца насчитывает много вариаций полисемантических производных междометий с *God* и *Christ* (16 примеров):

'By Goddes precious herte,' and 'by his nayles,' And 'By the blood of Crist that is in Hayles...'
By Goddes armes, if thou falsly pleye...
'Ye, Goddes armes!' quod this riotour...
Ey, Goddes precious dignitee!

Также в его речи присутствую междометия, характерные абсолютно для всех персонажей: allas (однозначное первичное -8 примеров) и lo (многозначное первичное -7):

Ne Deeth, *allas*, ne wol nat han my lyf...

Lo, how I vanysshe, flessh and blood and skyn!...
And lo, sires, thus I preche.
And Jesu Crist, that is oure soules leche...

Allas, mankynde, how may it bitide
That to thy Creatour which that the wroghte,
And with His precious herte-blood thee boghte,
Thou art so fals and so unkynde, *allas*!

Употребление многочисленных междометий делает речь Продавца индульгенций крайне эмоциональной и выразительной.

Еще одним персонажем, речь которого заслуживает особого внимания с точки зрения исследования междометий, является **Мещанка из Бата**. Чосер характеризует ее как много путешествующую особу, что, по мнению ученых, абсолютно нетипично для женщин XIV в. Однако этот факт помогает нам глубже заглянуть в суть персонажа:

And thries hadde she been at Jerusalem; She hadde passed many a straunge strem; At Rome she hadde been, and at Boloigne, In Galice at Seint-Jame, and at Coloigne.

В основном, для речи Мещанки характерны междометия теологической семантики, в частности со словом *God*, что свидетельствует о влиянии церкви на представителей данного сословия, как, впрочем, и на любых других людей той эпохи (24 примера):

As help me verray God omnipotent,
Though I right now sholde make my testament...
But he was quit, by God and by Seint Joce!
I made hym of the same wode a croce;
By God, in erthe I was his purgatorie...
For, God it woot, he sat ful ofte and song...!

Неожиданными для речи Мещанки являются *междометные высказывания с негативной коннотацией*, а именно ругательства. Исследования позволяют сделать вывод о том, что сквернословие было характерно не только для мужчин, но и для женщин того времени [9]:

Lat go, farewel, the devel go therwith!

Нехарактерные для современной речи моносемантические производные междометия с *upon* встречаются у Мещанки довольно часто (8 примеров: *Upon my life*, *Upon my faith* и т. д.):

'If I seye fals, sey nay, *upon thy fey*!' ... *Upon my lyf*, the queene wol seye as I....

Thise wormes ne thise motthes, ne thise mytes, *Upon my peril*, frete hem never a deel...!

Свое сожаление по поводу трудностей Мещанка так же, как и другие персонажи разных сословий, выражает при помощи *allas* (моносемантическое первичное – 6 примеров):

Allas, allas, that evere love was synne!

Достаточно часто в истории Мещанки появляются междометные высказывания со словом *fey* (*faith*) (5 примеров), из чего можно сделать вывод о том что, что надежду она не теряла, несмотря на тяжелые времена:

And, *by my fey*, I tolde of it no stoor, They had me yeven hir gold and hir tresoor... 'Sire knyght, heer forth ne lith no wey. Tel me what that ye seken, *by your fey*!..' Однако свое сожаление по поводу трудностей Мещанка так же, как и другие персонажи разных сословий, выражает при помощи *Allas* (6 примеров):

Allas, allas, that evere love was synne!

Мещанка — представитель низшего класса, и можно предположить, что междометия, встречающиеся в ее речи, в среднеанглийском языке могли быть типичны и для всего сословия. Одним из них является *Benedicite* (4 случая употребления):

What rowne ye with oure mayde? *Benedicite*, Sir olde lecchour, lat thy japes be!...
Out of hir owene hous, a! *Benedicitee*!
What eyleth swich an old man for to chide?

Для исследователей творчества Дж. Чосера история Мещанки из Бата представляет особый интерес: ведь она является одной из двух представительниц женского пола, встречающихся нам в «Рассказах», и междометия в ее речи позволяют сделать вышеизложенные выводы об их функционировании.

Количественное соотношение междометий, встречающихся в речи некоторых героев «Рассказов», можно представить в виде следующей таблины.

Междометия	The Host	The Knight	The Pardoner	The Wife of Bath	The Yeoman
Pees (peace)	5	_	_	_	_
Межд. с именем святого	7		23	24	_
Межд. с father	3	_	_	_	_
Межд. с <i>God</i> (ess)	20	16	16		22
Allas	5	9	8	6	2
Lo (look)	3	3	7	6	7
Межд. с именами римских богов	_	6	_	_	_
weyaway	1	1	_	_	_

Междометия	The Host	The Knight	The Pardoner	The Wife of Bath	The Yeoman
A	_	2	_	_	_
0	_	4	16	_	_
Fy	_	2	_	_	_
Benedicite	_	2	_	4	_
Pardee	_	7	_	_	6
Межд. с отрицательной коннотацией	_	_	3	3	7
Межд. c faith	-	_	_	5	_

Из таблицы ясно, что наибольшее количество употреблений междометий приходится на «универсально» пригодные:

- теологические, обращенные к Богу / Богоматери;
- теологические «персональной адресации»;
- связанные с сожалением;
- контактоустанавливающие междометия.

В целом, исследование функционирования междометий на материале «Кентерберийских рассказов» подтверждает тот факт, что междометие в среднеанглийском языке, в частности в XIV в., было сильным выразительным языковым средством, отражающим не только эмоциональное состояние героя и его отношение к действительности, но и его социальный статус, и – в более широком плане – языковую картину, исторические события и картину мира той эпохи в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Баженова И. С.* Эмоции. Прагматика. Текст. М. : Менеджер, 2003. 392 с.
- 2. Библиотека всемирной литературы : в 200 т. Т. 30 : Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. – М. : Художественная литература, 1979. – 768 с.
- 3. *Болтнева Н. А.* Коммуникативно-прагматические функции междометий в диалогическом дискурсе (на материале современного немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004. 165 с.
- 4. *Мамушкина С. Ю.* Семантика и прагматика междометий в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2003. 175 с.

- 5. *Меделева И. Н.* Своеобразие нарративной поэтики Джеффри Чосера : дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 182 с.
- 6. *Туебекова 3. Д.* Место междометия в системе частей речи современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1984. 189 с.
- 7. *Anfield K*. Chaucer's Knight and his Tale: The Shortest Straw. 2000. URL: http://www.chalacyn.com/%7Etalyce/text/knight.html
- 8. *Ginsberg W.* Preaching and Avarice in the Pardoner's Tale. 2006. URL: http://www.freewebs.com/middleagesmike/chauceravarice.htm
- 9. *Kittredge G. L.* Chaucer's Discussion of Marriage. 2002. URL: http://www.courses.fas.harvard.edu/%7Echaucer/canttales/franklin/marriage.html
- 10. *Martin F.* Chaucer, Via Cessionis, and the Canon's Yeoman's Tale. 1997. URL: http://www.geocities.com/Athens/Delphi/9976/chaucer10.html

УДК 070.447

Т. Р. Ванько

кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики и истории английского языка ФГПН МГЛУ e-mail: bestgrammar@yandex.ru

УЧЕТ СПЕЦИФИКИ АВТОРСКОЙ РЕЧИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Статья посвящена выработке подхода к анализу функционирования синтаксических структур в авторской речи и уточнению трактовки авторской речи и несобственно-прямой речи. Рассматриваются имеющиеся интерпретации понятий авторская речь, несобственно-прямая речь, а также их роль в выражении авторской позиции в произведении. Указывается на необходимость учитывать различия между этими видами речи при анализе функционирования синтаксических структур в тексте.

Ключевые слова: авторская речь; несобственно-прямая речь; косвенная речь; позиция автора; позиция персонажа.

T. R. Vanko

Ph.D., Ass. Prof., Chair of Grammar and History of English, Department of Humanities and Applied Sciences, MSLU e-mail: bestgrammar@yandex.ru

FOCUS ON PECULIARITIES OF AUTHOR'S SPEECH IN STUDYING SYNTACTIC STRUCTURES

The article discusses existing interpretations of the notion of author's speech, reported speech and represented speech (double indirect discourse) and their role in expressing the author's subjective evaluative attitude to related facts and points out the necessity to differentiate between author's speech and represented speech when studying syntactic structures.

Key words: represented speech; author's speech; indirect speech; the author's subjective evaluation.

В настоящее время изучению синтаксического своеобразия авторской речи уделяется много внимания. Однако, неясными остаются критерии отбора языкового материала для анализа ее синтаксиса, так как понятие авторской речи и ее отграничение от других остаются неуточненными. Предметом настоящей статьи является рассмотрение этой текстовой категории и ее компонентов.

Существует ряд трактовок данного явления. Наиболее общее определение авторской речи как части авторского повествования в литературно-художественном произведении, не содержащей речи персонажей [13], в последнее время было уточнено. Так, «Словарь лингвистических терминов» определяет авторскую речь как речь автора, повествователя, содержащую субъективную информацию писателя, его ассоциации, оценки происходящих в произведении событий, психологические экскурсы и т. п. [8]. Как видим, в этом определении акцентируется функциональный аспект авторской речи как средства выражения авторской оценочной позиции в произведении.

В. А. Кухаренко в своей монографии, посвященной интерпретации текста, выделяет авторский и персонажный поток текста, которые реализуются четырьмя типами изложения – авторской, диалогической, внутренней и несобственно-прямой речью [12, с. 134]. Авторская выражает точку зрения автора. Диалогическая и внутренняя речь излагают позицию персонажа. Несобственно-прямая является контаминированной формой изложения, в которой присутствуют и автор, и персонаж [12, с. 135]. Ведущую роль при формировании концепта произведения играет авторская оценка тех объектов, явлений и событий, которые составляют его художественную действительность. Художественное произведение как продукт познавательной деятельности автора обязательно передает авторское отношение, т. е. оценочность и модальность.

Авторская речь эксплицитно выражает авторскую точку зрения с помощью таких композиционно-речевых форм как описание, повествование и рассуждение. Рассуждение, по мнению В. А. Кухаренко, является «рупором» авторских идей, непосредственно выражающих его мировосприятие [12, с.135].

Многие относят несобственно-прямую речь в состав авторской речи, подчеркивая при этом ее неоднородность. Авторская речь подразделяется ими на несобственно-прямую и косвенную [9].

Косвенная речь является синтаксическим способом введения в повествование чужой речи, представленной в виде изъяснительной части сложноподчиненного предложения [4]. Присоединение к основной части предложения происходит с помощью союзов и соединительных слов. Главной частью сложноподчиненного предложения с косвенной речью являются вводные слова автора, создающие синтаксический центр речевой конструкции. Сама косвенная речь воспроизводится не от лица, ведущего повествование, и преобразуется по определенным правилам [4; 15]. Косвенная речь не может полноценно передать окраску или даже смысл прямой речи, из которой она образована, так как в ней не употребляются, например, повелительные формы глагола, междометия или обращения [15; 2].

М. М. Бахтин пишет о косвенной речи как о способе «аналитической передачи чужой речи». Он подразделяет ее на два вида: *предметно-аналитическую* (передача точного предметного состава сказанного) и *словесно-аналитическую* (большее внимание уделяется личностным особенностям произносящего эту речь) [2]. По мнению М. М. Бахтина, словесно-аналитический тип косвенной речи, хотя и является менее очным, но получил большее распространение.

Несобственно-прямая речь, которая наряду с косвенной составляет авторскую речь, является отрывком повествовательного текста, передающим слова, мысли, чувства, восприятия одного из персонажей, однако, на синтаксическом уровне не выделенная из авторской речи ни графически, ни лексически, что позволяет сохранить своеобразие речи персонажа [18]. Таким образом, несобственно-прямая речь – это речь персонажа, интегрированная в авторскую.

Н. С. Валгина дает формальное определение несобственно-прямой речи. Исследователь считает, что это особый способ передачи чужой речи, соединяющий особенности как прямой речи, так и отчасти косвенной. Как прямая речь, она сохраняет специфику речи говорящего — лексико-фразеологические, эмоционально-оценочные единицы; в то же время, как и в косвенной речи, в ней обязательны правила замены личных местоимений и личных форм глаголов. Н. С. Валгина указывает синтаксическую особенность несобственно-прямой речи, а именно, ее невыделенность в составе авторской [6].

Несобствено-прямая речь не имеет типизированной синтаксической формы, поскольку не оформляется как придаточная часть сложноподчиненного предложения (в отличие от косвенной) и не вводится специальными вводящими словами (в отличие от прямой речи). Это чужая речь, включенная в авторское повествование, сливающаяся с ним и не отграниченная от него. Она ведется от лица автора, рассказчика, а не от лица персонажа, хотя передает речь персонажа от имени автора с присущими ей особенностями, но не выделяется на фоне авторской речи [6].

О полифонии несобственно-прямой речи упоминали ряд исследователей [18; 1; 17; 11]. В. Н. Волошинов, говоря об ее двуакцентности и многоголосии, указывает на связь автора и первоисточника прямой речи [1]. Б. А. Успенский употребляет термин «несобственно-прямая речь» для обозначения перехода прямой речи в косвенную. Он оппонирует исследователям, которые соединяют несобственно-прямую речь с внутренним монологом и другими вариантами использования чужого слова [17].

Наиболее распространенным является членение текста произведения на речь прямую и авторскую, которая, в свою очередь, подразделяется на косвенную и несобственно-прямую речь [3; 16; 5; 10]. В прямой речи голос автора не звучит; в косвенной он преобладает, но иногда могут появляться интонации, свойственные персонажу; в несобственно-прямой речи происходит интерференция голоса автора и голоса персонажа [10]. Л. Т. Иванова, занимавшаяся изучением специфики несобственно-прямой речи на материале современной испаноязычной литературы, подчеркивает оценочный компонент в несобственно-прямой речи, который, по ее мнению, является индикатором голоса персонажа. Сосредотачиваясь на изучении способов выражения оценочной позиции персонажа в рамках несобственнопрямой речи, Л. Т. Иванова не уделяет внимания средствам выражения позиции автора произведения. Исследователь пишет о современной тенденции в испанском романе XX в. к постепенному исчезновению автора со страниц произведений, что ведет к его самоустранению. Авторское присутствие ограничивается. Описание событий происходит через восприятие персонажей. Такой подход к описанию несобственно-прямой речи представляется, на наш взгляд, ограниченным, так как не учитывает в полной мере позицию автора, выражаемую в несобственно-прямой речи [10].

Ряд исследователей указывают, что именно в несобственно-прямой речи происходит контаминация позиций автора и персонажа [3; 16; 5]. Удельный вес их точек зрения может варьироваться в зависимости от художественной задачи автора произведения. Таким образом, несобственно-прямая речь является не только одним из средств характеристики героев произведения, но и формой выражения авторской позиции.

Некоторые исследователи объединяют несобственно-прямую речь с внутренним монологом в один художественный прием, исходя из их

функционального сходства. Другие считают, что внутренний монолог и несобственно-прямая речь – это разные приемы [14]. Так, Ю. Сладкомедова рассматривает несобственно-прямую речь как стилистическую фигуру экспрессивного синтаксиса [14]. По ее мнению, внутренний монолог – это форма внутренней речи персонажа, его ассоциативноэмотивного мира, при сохранении автономности линии персонажа и линии автора [14]. Сторонники этой точки зрения разделяют внутреннюю речь персонажа на прямую (в виде монолога, диалога или полилога) и изображенную, в которой происходит частичная трансформация внутренних реплик и мыслей персонажа через призму авторского повествования. Изображенная внутренняя речь персонажа считается ими несобственно-прямой речью; другими словами, речь персонажа, оформленная в виде прямой речи, называется внутренним монологом, а переданная словами автора – несобственно-прямой речью [14]. Доля авторского участия в несобственно-прямой речи варьируется. Изображение внутренней, психологической деятельности персонажей осуществляется двояко: через внутренний монолог при полном отсутствии голоса автора и через несобственно-прямую речь, объединяющую голос автора и голос персонажа [14]. Далее, несобственно-прямая речь подразделяется на «персональную» и «авторскую». Внутренняя прямая речь и «персональная» несобственно-прямая речь считаются средствами самораскрытия персонажа. Авторская оценка и характеристика персонажа осуществляются через «авторскую» несобственно-прямую речь. Ю. Сладкомедова подчеркивает специфику несобственно-прямой речи, объединяющей формальные признаки прямой речи говорящего (лексико-фразеологические, эмоционально-оценочные, синтаксические) и косвенной речи (замена личных местоимений и личных форм глагола). По мнению исследователя, несобственно-прямая речь использует различные интонационные типы речи, такие как вопросительные и восклицательные предложения, междометия, обращения, частицы, характерные для живой разговорной речи [14]. Автор указывает на нестабильный принцип построения несобственно-прямой речи, препятствующий ее описанию, так как ее формируют единицы разных уровней, и многовариантность синтаксической организации.

А. В. Бровина выделяет несобственно-прямую речь среди других способов передачи чужой речи, считая ее незаменимым средством характеристики персонажа, так как ей свойственна текстовая

интерференция, т. е. наложение голоса автора на голос персонажа [5]. По мнению А. В. Бровиной, сверхинформативность несобственнопрямой речи заключается в ее способности обладать скрытым (имплицитным) смыслом, что позволяет незаметно ввести в воссоздаваемый ментальный акт героя голос автора и его скрытую оценку. Исследователь считает, что в произведениях Ф. Кафки этот вид речи вытеснил прямые формы выражения авторского отношения к изображаемой действительности и персонажу.

Мы солидарны с выводами исследователей о значительной роли несобственно-прямой речи в обозначении оценочной позиции не только персонажей, но и автора художественного произведения [3; 16; 5; 10]. Несобственно-прямая речь, наряду с авторской в виде описания, повествования и рассуждения, является способом выражения авторской позиции. При передаче речи героя в форме несобственно-прямой речи автор может использовать широкий диапазон средств: вводить элементы прямого высказывания (на основе которых строится прямая речь), передавать речь персонажа в самом обобщенном виде (как это происходит в косвенной речи) или вводить в несобственно-прямую речь такие лексические или синтаксические элементы, которые отсутствовали в исходном высказывании персонажа, внося тем самым авторскую интонацию [10]. Приведем пример «вкрапления» несобственно-прямой речи в авторскую.

Graham sat for a few minutes looking up at the rows of windows. There appeared to be about a hundred units. It was possible that someone might remember a white stranger in the parking lot late at night. Even though a month had passed, it was well worth trying. To ask every resident, and get it done quickly, he would need the help of the Birmingham police [19, c. 112].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что необходимо учитывать отличие авторской речи от несобственно-прямой, которое проявляется в использовании синтаксических структур как способов реализации авторской позиции в произведении. В то время как авторская речь считается основой в формулировании авторской точки зрения, несобственно-прямая речь является скрытой формой выражения авторского голоса, так как совмещает две точки зрения: автора и персонажа. Таким образом, анализ роли конкретных синтаксических структур в выражении авторской оценочной позиции необходимо проводить как на материале авторской речи, так и на материале несобственно-прямой речи с учетом ее неоднородности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Алпатов В. М., Волошинов В. Н., Бахтин М. М. Лингвистика. М. : Языки славянской культуры, 2005. 432 с.
- 2. *Бахтин М. М.* Косвенная речь, прямая речь и их модификации // Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. М., 2000. 250 с.
- 3. *Беличенко Е. Е.* Несобственно-прямая речь в языке художественной литературы: на материале анималистической прозы: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 194 с.
- 4. Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978.
- 5. *Бровина А. В.* Сопоставительный анализ языковых средств выражения несобственно-прямой речи в немецком и русском языках : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. 214 с.
- 6. *Валгина Н. С.* Синтаксис современного русского языка. М. : Моск. гос. ун-т печати [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://www.hi-edu. ru/e-books/xbook089/01/eabout.htm
- 7. *Емельянова О. Н.* Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. М.: Флинта; Наука, 2003 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://stylistics.academic.ru/3/%D0%90% D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8 F %D1%80%D0%B5%D1%87%D1%8C.
- 8. *Жеребило Т. В.* Термины и понятия лингвистики. Синтаксис : словарьсправочник. Назрань : ООО Пилигрим, 2011. 280 с.
- 9. Зорина Е. С. Авторская модальность как организующая категория художественного повествования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cheloveknauka.com/avtorskaya-modalnost-kak-organizuyuschaya-kategoriya-hudozhestvennogo-povestvovaniya#ixzz3TVuEiRIT.
- 10. *Иванова Л. Т.* Несобственно-прямая речь в испанском языке : дис. . . . канд. филол. наук. М., 1984. 202 с.
- 11. *Ковтунова И. И.* Несобственно-прямая речь в языке русской литературы. М. : Азбуковник, 2010. 285 с.
- 12. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. 189 с.
- 13. *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. 2-е изд. М. : Просвещение, 1976. 543 с.
- 14. Сладкомедова Ю. Несобственно-прямая речь как стилистический прием в произведениях Виктории Токаревой // Медиаскоп : электронный научный журнал Факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. 2004. Вып. 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://mediascope.ru/node/169
- 15. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. М.: Флинта; Наука, 2003. 696 с.

- 16. *Сысоева В. В.* Нарративный потенциал несобственно-прямой речи в художественном тексте: дис. . . . канд. филол. наук. Белгород, 2004. 204 с.
- 17. *Успенский Б. А.* Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы // Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб. : Азбука, 2000. С. 9–280.
- 18. Шмид В. Нарратология. М. : Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
- 19. *Harris Th*. The Red Dragon. N.Y.: A Dell Book, 1990. 454 p.

УДК 81-112

В. А. Алексеева

кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики и истории английского языка ФГПН МГЛУ e-mail: bestgrammar@yandex.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕКОТОРЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ АНГПИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье описываются прагматические особенности некоторых грамматических структур в английском языке. При этом мы исходим из того, что в основе прагмалингвистического анализа лежит конкретная речевая ситуация, «а speech act», считающаяся большинством современных лингвистов минимальным базовым элементом прагматического анализа, а высказывание — его производным.

Ключевые слова: прагматический анализ; прагматико-грамматическое средство; экстралингвистические условия; речевой акт; базовый элемент; локутивный акт; иллокутивный акт; перлокутивный акт.

V. A. Alekseeva

Ph.D., Ass. Prof., Chair of Grammar and History of English, Department of Humanities and Applied Sciences, MSLU e-mail: bestgrammar@yandex.ru

PRAGMATIC ANALYSIS OF SOME GRAMMATICAL STRUCTURES IN ENGLISH

The article discusses pragmatic approach to some English grammatical structures. Following the majority of scientific research works, we proceed here with the assumption that the basic element of pragmalinguistic analyses is «a speech act», an utterance being but its derivative.

Key words: pragmatic analysis; pragmo-grammatical means; extralinguistic conditions; speech act; basic element; locutive act; illocutive act; perlocutive act.

В начале приведем взгляды некоторых ученых на обсуждаемую проблему и выскажем свое отношение к ним, проиллюстрировав это собственными примерами.

Как известно, теория речевых актов разработана английским ученым Дж. Остином. Он выделяет три вида речевого акта: локутивный, иллокутивный и перлокутивный [2, с. 15].

Иллокутивный акт— это акт, реализующийся в процессе говорения. Он выражает намерения говорящего, такие как задать вопрос или ответить на вопрос, предоставить дополнительную информацию и т. п.

Перлокутивный акт — это результат. Здесь мы имеем дело с воздействием сообщения на адресата. Перлокутивный акт может быть намеренным, как например в случае обращения к адресату с просьбой сделать что-то, или ненамеренным, когда, например, кто-то раздражает аудиторию, не имея намерения это делать.

Продуктом речевого акта является высказывание. В нем говорящим осуществляются все три акта одновременно.

Дж. Остин вводит понятие фелиситивного (удачного) и инфелиситивного речевого акта. Если говорящему удается осуществить то, что он намеревался, и иллокутивный эффект речевого акта достигнут, тогда речевой акт называется фелиситивным. В противном случае – инфелиситивным.

Основными участниками речевого акта являются адресант и адресуемый (адресат). Адресант — это говорящий, адресуемый (адресат) — слушающий. Вслед за Дж. Остином мы будем для краткости употреблять следующие сокращения: s — speaker (говорящий / пишущий), h — hearer (слушающий / читающий).

Цель говорящего – сообщить слушающему о своих намерениях при помощи речевого акта.

Термин «намерение» (intention) предполагает сознательное или планируемое адресатом высказывание. Оно регулирует коммуникативное поведение адресуемого, чтобы облегчить достижение желаемого результата.

Иллюстрацией речевого поведения, выражающего намерения говорящего, может служить следующая ситуация, приведенная Дж. Личем:

Considering that I am a hostage, I should say that I have been treated fairly [5, c. 23].

Эти слова принадлежат американскому заложнику в Иране в 1980 г., которого должны были вскоре освободить. Его цель (намерение) — передать определенную информацию, которую журналисты могли бы использовать в новостях, и в то же время убедить американскую публику (включая, без сомнения, своих родственников), что с ним обходились вполне сносно, при этом не только сообщая сам факт, но и намеренно или ненамеренно вызывая раздражение своих похитителей

и тем самым откладывая свое освобождение. Эту модель можно назвать *лингвистическим жонглированием*, по аналогии с цирковым номером, когда жонглер подбрасывает в воздух несколько шаров одновременно, выполняя ряд трюков и достигая одновременно несколько целей. Возможно, это весьма экстравагантный пример, однако он демонстрирует многоплановость намерений и показывает, что может делать говорящий [5].

Иллокутивное воздействие речевого акта всегда интерпретируется как преднамеренное. Здесь важно делать различие между реципиентом (тем, кто получает и интерпретирует послание) и адресуемым (тем, кому это послание предназначается). Реципиентом может оказаться человек, случайно оказавшийся рядом, а не тот, кому послание действительно адресовано (символ h будет обозначать одного (или более) адресуемых, или того, к кому обращается s).

Задача, с которой сталкивается адресуемый при интерпретации высказывания, может быть сформулирована как хьюристическая (heuristic). Хьюристическая стратегия состоит в том, чтобы определить прагматическую силу высказывания. В данном случае это проблема интерпретации. В комбинации с тем, что говорится, и контекстом такая стратегия формирует гипотетическую цель высказывания.

Прагматика ищет разрешения проблемы как с точки зрения s, так и с точки зрения h. С точки зрения s — это проблема планирования:

Given that I want the mental state of the hearer to change or to remain unchanged in such and such ways, how do I produce an utterance which will make that result most likely? [5, c. 39]

С точки зрения h здесь проблема в интерпретации: «Исходя из того, что s сказал u (utterance), возникает вопрос: почему s сказал это u? Процедура решения задачи в данном случае будет другой. Интерпретацию здесь можно считать метапроблеморазрешающей процедурой, поскольку проблема, которую должен разрешить h, состоит в том, какую коммуникативную задачу пытался разрешить s, произнеся u [5, c. 39].

Английский ученый Дж. Холдейн [3, с. 59] описывает лингвистический акт коммуникации как состоящий из трех уровней:

- 1) межперсональная трансакция, или речевой акт;
- 2) идеатичная трансакция, или передача сообщения (message transmission);
- 3) текстуальная трансакция, или текст.

Однако они располагаются так, что речевой акт включает в себя сообщение, а оно — текст. Таким образом, все высказывание может быть представлено следующей схемой:

1. дискурс-----посредством 2. сообщения-----посредством 3. текста

Дискурс — это целостная трансакция, рассматривающаяся как попытка передать определенную иллокутивную силу слушателю. Цель, которую s преследует на уровне 1, достигается, когда h воспринял силу дискурса («дискурс» здесь употребляется в значении «иллокутивный акт»). Чтобы достичь конечной цели 3, s должен выбирать речевые средства для придачи сообщению необходимой силы. Покажем, как описанная модель работает на практике. Возьмем ситуацию с заказом еды в ресторане [5, c. 63]:

- 1. Клиент хочет заказать стэйк «Диана».
- 2. Чтобы достичь цели на уровне 1, s выбирает послание, воплощение этой иллокуции: т. е. формулирует пропозицию: «Я бы хотел стэйк "Диана"».
- 3. Текст услышал *h*.
- 4. Затем h декодирует это послание.
- 5. Наконец, h интерпретирует силу послания, которое, если трансмиссия дискурса успешна, понимается как необходимость отдать распоряжение s принести для h стэйк «Диана».

Чтобы проиллюстрировать текстовой выбор иллокутивной силы речевого акта, вводится понятие контекста. Представим, что официант вернулся с двумя блюдами: для s и для его товарища. S в таком случае может сказать: (а) «Мой стэйк — "Диана"», или (б) «"Диана" — мой стэйк». Хотя смысл обоих высказываний одинаков, они сочетаются с двумя разными контекстами: (а) будет уместен, если официант пытается вспомнить, какое блюдо заказал s, (б) официант несет стэйк «Диана», пытаясь вспомнить, кому это блюдо предназначается.

Контекст, или экстралингвистические факторы речевой ситуации рассматриваются как ключевой элемент, определяющий иллокутивную силу высказывания. Иллокутивная сила речевого акта обычно определяется как преднамеренная. Это – коммуникативное намерение адресата, реализуемое специальными «иллокутивными» средствами, передающими иллокутивную силу высказывания [7, с. 35]. Дж. Лич называет их «прагматико-грамматическими средствами» [5, с. 20].

Согласно Дж. Р. Серлу, иллокутивная сила речевого акта может быть выражена различными средствами: порядком слов, наклонением глагола, артиклями, пунктуацией и т. д. [7, с. 35]. Такие прагматикограмматические средства могут быть определены только при анализе конкретной речевой ситуации, а также намерений говорящего. С этим согласны и другие авторы. Интересные доводы в пользу данной теории приводит Х. Вайнрих [1]. Он исследовал употребление определенных артиклей в названиях французских и английских книг, например, «Les muets», «Le rénégat», «The Gallery of the Palace» и др. [1, с. 380].

X. Вайнрих задается вопросом: почему эти книги привлекают внимание читателя? Потому что определенный артикль отсылает к предыдущей информации. Но само по себе название книги не может отослать к предшествующей информации. Говорящий (пишущий) вводит читателя в заблуждение, подавая заведомо ложный сигнал — определенный артикль. Так как любопытство читателя возбуждено, он поддается соблазну выяснить, что на самом деле означает название книги или спектакля. То есть мы имеем дело с употреблением определенного артикля как прагматико-грамматического средства.

Однако мы позволим себе не согласиться с известным ученым. Возможно, в некоторых случаях определенный артикль и используется как прагматико-грамматическое средство. Но в большинстве своем его употребление обусловлено конкретными лексико-грамматическими факторами. Так, в примере «The Gallery of the Palace» у существительного *Gallery* наличествует лимитирующее определение *of the Palace*, чем и обусловлено употребление *The*.

Сравним примеры таких названий, как «The Adventures of Tom Sawyer and the Adventures of Huckleberry Finn» [8], «The Picture of Dorian Gray» [9], «The Story of Canada» [6].

В первом случае у существительного adventures наличествуют вполне конкретные лимитирующие определения: of Tom Sawyer и of Huckleberry Finn. Что касается двух последних примеров, то в них употребление определенного артикля является спорными, так как в зависимости от намерений говорящего (пишущего) здесь возможно употребление неопределенного артикля, и в этом случае речь об иллокутивной силе речевого акта кажется не вполне уместной.

Другие исследователи, например Дж. Лич [5], обращаются к пассиву как к прагматико-грамматическому средству: *Martha killed a fly* – *A fly was killed by Martha* [5, c. 22]. Чтобы придать данному высказыванию иллокутивную силу, адресат должен выбрать между этими двумя структурами, практически одинакового содержания: если говорящий хочет привлечь внимание к тому, *кто* убил муху, он выберет пассивную конструкцию; если к тому, что Марта убила *муху* (а не жука), предпочтение будет отдано варианту с активной залоговой формой. В данном случае можно согласиться с автором: та или иная грамматическая форма выбирается в зависимости от коммуникативного намерения говорящего.

Проиллюстрируем это собственным примером из художественной литературы, где вышеупомянутый иллокутивный эффект в пассивных конструкциях достигается противопоставлением одного деятеля другому (другим) возможному деятелю:

...it may vary as the local associations will, and ordination *is conferred not by any bishop*, but *by the general approval* of the churches in an association [6, c. 72].

...посвящение в сан производится не одним каким-нибудь епископом, а происходит с всеобщего одобрения ассоциации церквей.

Противопоставляя одного епископа всему епископату при помощи пассивной формы, автор придает высказыванию наибольшую выразительность, поскольку пассивная конструкция по силе иллокутивного эффекта превосходит активную. Часто пассив используется для усиления не только какого-нибудь члена предложения, а всего действия в целом, например:

...silk curtains that were stretched in front of the huge window, producing a kind of momentary Japanese effect [9, c. 12].

Пассив здесь употребляется автором для подчеркивания самого действия: временный эффект японского интерьера был достигнут именно потому, что задернули шторы на огромном окне. Если следовать логике Дж. Лича, предложившего эту теорию, активная конструкция по силе воздействия была бы намного слабее, просто констатируя факт: кто-то задернул шторы и при этом создался эффект японского интерьера. Сравните:

*...someone *stretched* silk curtains in front of the huge window, producing a kind of momentary Japanese effect.

Как видим, последний пример не производит того иллокутивного эффекта, на который рассчитывал автор.

Суммируя вышесказанное, отметим следующее.

- 1. В основе прагмалингвистического анализа лежит конкретная речевая ситуация, «а speech act», считающаяся большинством лингвистов минимальным базовым элементом прагматического анализа, а высказывание является его производным.
- 2. Экстралингвистические условия речевой ситуации рассматриваются как ключевой элемент в определении намерений говорящего.
- 3. Под намерениями подразумеваются специальные условия, заранее планируемые адресатом.
- 4. Намерения реализуются в иллокутивном речевом акте и характеризуются иллокутивной силой высказывания.
- 5. Иллокутивная сила речевого акта достигается при помощи специальных средств иллокутивного воздействия (или прагматико-грамматических средств).
- 6. Задача адресата является хьюристичной: он определяет прагматическое воздействие послания, пытаясь понять намерения говорящего.
- Грамматические структуры могут служить индикаторами иллокутивной силы высказывания, однако они должны идентифицироваться лишь в определенном контексте согласно намерениям говорящего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Bайнрих X. Текстовая функция французского артикля // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М. : Прогресс, 1978. С. 370—387.
- 2. *Austin J.* How to do Things with Words. Oxford, 1962. 258 p.
- 3. *Haldane J. B. S.* How to Write a Popular Scientific Essay. Reader of Popular Scientific Essays. М.: Наука, 1972. 438 с.
- 4. Harder B. Stories. N.Y.: Washington Square Press, 1964. 210 p.
- 5. Leech G. Principles of Pragmatics. N.Y.: Longman, 1983. 290 p.
- 6. *Lunn J., Moore Ch.* The Story of Canada. Canada: Lester Publishing Friesen & Sons, 1992. 320 p.
- 7. Searle J. Speech Acts. Cambridge : Cambridge University Press, 1969. 229 p.
- 8. *Twain M*. The adventures of Tom Sawyer and the Adventures of Huckleberry Finn. M.: Foreign Languages Publishing House, 1960. 589 p.
- 9. *Wilde O.* The Picture of Dorian Gray. M. : Foreign Languages Publishing House, 1963. 287 p.

УДК 811.111:378.2

М. А. Салькова, О. А. Мачина

Салькова М. А., профессор МГЛУ, кандидат филологических наук, профессор кафедры грамматики и истории английского языка ФГПН МГЛУ e-mail: bestgrammar@yandex.ru

Мачина О. А., доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики и истории английского языка ФГПН МГЛУ e-mail: bestgrammar@yandex.ru

СОВЕРШЕНСТВУЕМ КУРС ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ ДЛЯ БАКАЛАВРОВ ЛИНГВИСТИКИ: НОВЫЕ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ

В статье обсуждаются некоторые программные требования к преподаванию теоретической грамматики английского языка студентам ОФО ФГПН МГЛУ, обучающимся для получения квалификации «Бакалавр лингвистики». Поскольку современный контекст подготовки бакалавров предполагает выраженную практическую ориентацию всех учебных курсов, в том числе теоретической грамматики, в статье приводятся примеры адаптации учебного материала к задачам будущей профессиональной деятельности. При этом авторы не ограничивают свои интересы рамками учебной аудитории, т. е. обсуждением исключительно содержания курса: подготовка будущих педагогических работников предполагает формирование у них таких профессиональных качеств как толерантность и эмпатия, чему должны способствовать некоторые оригинальные задания, выполняемые на семинарах по данной теоретической дисциплине.

Ключевые слова: теоретическая грамматика; бакалаврский курс / образовательная ступень; функциональный подход / анализ / ракурс; ориентированность на практическую педагогическую деятельность (работу в учебной аудитории); критический анализ и пересмотр / переработка материалов учебника; усвоение профессиональных этических норм.

M. A. Salkova, O. A. Machina

Salkova M. A., Ph. D., Prof., Chair of Grammar and History of English, Department of Humanities and Applied Sciences, MSLU e-mail: bestgrammar@yandex.ru

Machina O. A., Ph. D., Ass. Prof., Chair of Grammar and History of English, Department of Humanities and Applied Sciences

e-mail: bestgrammar@yandex.ru

NEW LANDMARKS IN THE COURSE OF THEORETICAL GRAMMAR OF ENGLISH (BA in linguistics)

The article discusses some requirements set to teaching Theoretical Grammar of the English language to MSLU students (BA level). As modern BA education

tends to become more practically targeted, the theoretical course in question included, the article exemplifies adaptations that are meant to meet the future professional needs of the graduates. In particular, the more explicit functional shift of the discussion has a relevant consequence: the revised contents of the course and the new tasks offered to students make it possible to go beyond the framework of the immediate interest in some theory. Students additionally learn to look critically at textbook materials trying to express their attitudes in a tolerant and professionally correct manner.

Key words: Theoretical Grammar of the English Language; the BA course / education; a functional turn / analysis / angle; classroom orientation of bachelorship; criticizing and modifying / improving textbook materials; perception of «professional dos and don'ts».

In the recent years, the course of Theoretical Grammar of English taught to students of the Department of Humanities and Applied Sciences at MSLU has been subject to many modifications. The changes embrace the contents of the course and the teaching mode, both the methodology and resources used. We have expanded the course framework, concentrating mainly on the modern dimensions of grammatical description, and presented a new outlook on English grammar through the 20th century expansions of sentence syntax, functional and cognitive theories, theories of reference and functional grammatical synonymy. This approach gives our students an opportunity to grasp the essence of existing theories and methods, discuss their input into the general knowledge of the language theory and elaborate their own opinion of the means and ways of language study. We have introduced the visual multimedia support to lectures in the form of Microsoft PowerPoint slides, which proves to be remarkably helpful: they profoundly deepen the understanding of logical connections between grammatical elements, created thought-stimulating images of English morphological and syntactical units and categories, and highlighted strong and debatable points in various theories relevant for the discussion.

We elaborated and re-elaborated the practical assignments to discuss at seminars with the aim of ensuring deeper understanding of the studied material through personal practical involvement [9; 10]. The same task pursued by the Student's Workbook on Theoretical Grammar offers a different form of activity: summing up and answering questions about the theoretical problems dealt with in the course [11].

What remains unchanged, though, was the streamline of the course teaching. We strive at enriching the students' theoretical background information on the grammatical structure of English and methods of its exploration, as well as developing their cognitive skills. The latter are recognized as one of the main goals and achievements of the course, both intentionally by us and intuitively by students [8].

Introduction of a two-stage university education system (BA and MA) required additional effort in designing the teaching and learning process. Simple division of the course material into two parts which was planned earlier [7] proved to be insufficient. Plain omission of the discussion of contemporary linguistic theories and methods that were supposed to constitute the essence of the MA programme in theoretical grammar resulted in the lack of integrity and need for "modernization" of the BA course. Additionally, according to the objectives set to the first level, BA education tends to become more practically targeted. The competences that must be developed are determined by the vocational aspirations of our students – they are trained either to become schoolteachers of English or to continue their education for a Master's degree in linguistics or other field that requires knowledge of the foreign language and ability to use it in communication. Thus, as we understand the goals, the BA course of theoretical grammar must be shaped so as:

- to improve the language awareness of our students creating the integral image of the grammatical structure of modern English viewed as a system that embraces units of morphological and syntactical levels;
- to develop the students' communicative skills describing the elements of the system in their functioning, i.e. in interaction with language units of different levels (lexical, prosodic) in real discourse activity, where they are used to express functional grammatical categories;
- to prepare the students for transition to the upper educational stage (MA) – introducing elements of grammatical analysis based on a variety of scholarly approaches;
- to upgrade the students' professional teaching competence –
 developing their ability to explain and exemplify the use of language
 (particularly grammatical) elements, note and correct grammatical
 errors, select and evaluate classroom-teaching material.

Such changes presuppose not simply shifting accents, but revising the contents of the whole course, introducing elements of discourse analysis, highlighting the importance of various factors of inner and outer context, and

regarding elements of language in their mutual interrelation, the relations of same-level and cross-level synonymy included. It follows from all said above that the direction of the study takes a functional turn in all that concerns the scientific knowledge of the language grammatical structure and practical application of this knowledge. A functional approach to the grammatical theory is the most appropriate here because it unites grammatical meaning, grammatical (morphological and syntactical) form, and other possible language units which may not be related to the grammatical layer of language but, nevertheless, participate in the expression of common semantic functions. Consequently, the basis for the discussion is the functional category — a link between a notional category (meaning) and concrete language means of its expression. Let us illustrate how this approach is applied to language description with the example of the category of aspect.

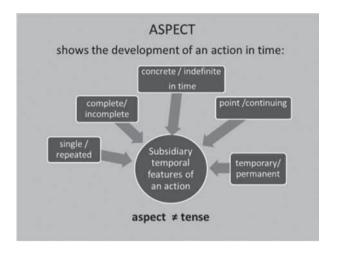
Traditionally, the description of aspect concentrated on the morphological opposition that builds up the mentioned category. Thus, discussion of aspect was conducted alongside other analytical forms, such as passive and perfect, and comprised the following questions:

- what morphological forms should be recognized as aspect ones (see, e.g. [2]);
- whether indefinite (common / simple) and perfect forms can be included in the aspectual opposition (see, e.g. [1]);
- what the meanings of the continuous forms are.

We analyzed the structural side of the continuous, perfect and perfect continuous forms, coming to the logical conclusion that two opposed aspect meanings cannot combine in one form¹, so the existence of the perfect continuous excluded the perfect from the list of possible aspect forms and made it a constituent of a special morphological category. The exploration, therefore, took a purely formal, if not scholastic, turn, out of all the questions listed above only the last point being more or less valuable for the development of language skills.

However, if we start with the discussion of aspect as a functional semantic category and see, to be more precise, what functions can be distinguished within it, makes the question of the status of the morphological forms secondary, if not irrelevant, as long as the forms act to express aspectual semantics:

¹ Like a form cannot express past and present time simultaneously.

What is important for students to understand here is that aspect is different from tense. The latter deals with primary temporal features of an action, i.e. gives an action a certain time reference (past, present or future). Unlike it, aspect shows the development of action in time within the time limit set by tense. As a practical consequence of this, expressions of tense and aspect combine within one morphological form. Let's consider, for example, the present continuous that shows time reference (present) by means of the category of tense and, say, single incomplete durative character of the action through the category of aspect, as in the sentence:

With the huge diversity that characterizes English, we are left to choose what is best according to the context in which we're communicating (http://www.macmillandictionaryblog.com/tomato-tomato-its-all-english).

The morphological forms whose categorial semantics is purely aspectual and, are the Common and Continuous. The difference between them forms the basis of their opposition.

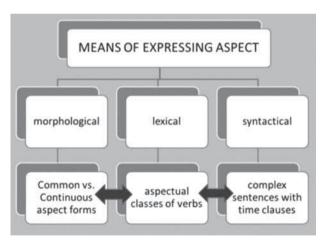
At the same time, such understanding develops a certain professional mobility of students. The status of perfect forms is viewed only as a matter of "proper description", moreover that in different textbooks it is treated differently and will-be teachers must be ready to cope with such discrepancies. They will understand now that attributing perfect the status of aspect forms by itself does not make the book less valuable for practical teaching purposes as long as it suggests a good explanation of

their functioning in speech. Perfect forms can express aspectual semantics, too, in the sense that they show, that the action is complete, e.g.:

Linguistic inventiveness is an intrinsic part of Carroll's works for children, and some of his coinages *have become* part of the language (http://www.macmillandictionaryblog.com/your-favourite-portmanteau-words).

They also have another element in their inherent meaning, however, – that of priority – which brings about a special discussion further¹.

Now that we have identified the range of aspectual semantics, it is time to turn to language means that can express it. Here we face the fact that being a functional category, aspect can be revealed not only by morphological forms, but also through inner verbal semantics (the so-called aspectual classes of the verbs) and syntactical constructions, primarily complex sentences with time clauses. In addition, essential for proper understanding is the fact that means of different levels *interact* in order to express the aspectual character of the action [6]. First and foremost, this concerns the lexical meaning and the morphological form, because the actualization of a verb in a concrete utterance is impossible without both.

¹ The meaning of priority is also temporal, and on this ground, the morphological aspect opposition may be recognized as three-fold: Common *vs.* Continuous, Common *vs.* Perfect, and Perfect Common *vs.* Perfect Continuous. This opinion has the right to exist, but we believe that it will needlessly complicate the description, therefore we find it more reasonable to divide the temporal features into aspective and phasal, and thus distinguish two separate morphological categories: aspect and phase.

Aspectologists have suggested different classifications of verbs (see, e.g. [12, 13]). However, in the classroom we find it more appropriate to use the traditional one, which divides verbs into terminative, durative and stative. The reason for the choice is purely practical: it is this classification, that our students will be using in their future teaching profession, other divisions being too complicated to explain to schoolchildren. True, in some cases this distinction is insufficient to understand how the aspective character of the utterance forms, so some elements of other classifications may be introduced and explained, e.g. punctual verbs by A. Schopf.

Next come the meanings of the two morphological forms, Common and Continuous. It makes sense to start with the categorial meanings of either, the invariant meanings that receive their concrete realizations in individual utterances. Analyzing these invariant meanings we will see two important things.

- 1. Though formally opposed, the Common and Continuous forms overlap in part of their semantic spheres¹. In the cases of semantic similarity, the two forms must be acknowledged as functional synonyms. Thus, the natural question that arises is what governs the choice of this or that form.
- 2. The semantics of the English morphological aspect and Russian вид are different. Relying on the Russian translation with perfective / imperfective aspect will cause mistakes in the use of aspect forms.

The notion of functional synonymy, though excluded from the BA course as a theoretical problem, still leaves practical traces of the kind described above. The very notion of synonymy must not bring about any difficulty in interpretation as it comes in accord with the long familiar concept of lexical synonymy, only referring to more abstract, grammatical notions, such as aspect. If the choice of synonyms is illustrated with concrete examples (see below), the language material itself will demonstrate the influence of factors of inner and outer context in cases that allow variation of morphological forms [5]. Among these factors, we can highlight the role of the following:

- the adverbial of duration or manner which shows the development of the action;
- the adverbial of attendant circumstances, expressed by participle I;
- repetition of the adverbial of manner;

¹This situation is explained historically, and revising how the Continuous forms evolved the students find another proof that language is not a stern system of symbols, but, like a living being, develops and changes in time.

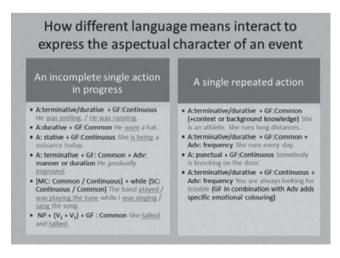
- the use of a phrasal verb with the adverbial particle *on*;
- the presence of a shorter action to which the longer one is background.

There is a strong possibility (but in no case a rule!) that if one of these contextual elements is present, the choice will be made in favour of the Common form. At the same time, the role of the factors of outer context, such as information flow, type of discourse activity, language and social conventions (cf. *I wonder...* and *I was wondering...*) can be decisive.

There are also cases in which the chosen morphological form will modify the lexical meaning of the verb. This will attribute an unusual aspectual character to the verb and / or change the aspectual features of the utterance [4].

As for syntactical constructions, aspectological investigations have shown that those more relevant for the current discussion are complex sentences with time clauses that can reveal the aspectual character of the utterance via the semantics of conjunctions. However, some conjunctions are polysemantic (the most common is *when*) and here other factors, primarily functional sentence perspective, will rule the use of morphological forms [3]. Therefore, the decision as to which form to use again cannot be based on the individual utterance without considering the context of its use.

Presented this way the functional analysis will, on the one hand, systematize the students' knowledge of the grammatical structure of

English and, on the other hand, deepen their understanding of the use of various language means that express grammatical meanings and develop their communicative competence, i.e. ability of self-expression.

Another topical issue that required revisiting was the course schedule. The dramatic time cut (32 academic hours instead of 76, and still fewer in reality taking into account public holidays and students' teaching practice) determined the shift in types of activity balance with laying more stress on individual / autonomous work. Therefore, we have redesigned the course dividing it into five independent modules with similar structure: 2–3 lectures, a seminar and an individual assignment in the form of a written report or oral presentation presumably accompanied by a slide show. The latter two are assessed, and the mark is included into the general course assessment scheme. The module system has proved to be very effective and motivating: the material discussed at the lectures is still fresh in the students' minds and it is easier to apply it to practical exercises, expand and deepen the theoretical knowledge thus ensuring better performance in the subject and a better end-result.

6 ПРАКТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Could you play chess in your childhood? Мог ли ты играть в шахматы в детстве?

12) Coбирательные (Collective Nouns): army, people, group, party, team, campus, collective, nation, class, etc.

All teams played football well. Все команды играли в футбол хорошо.

Основными признаками существительного являются артикль, предлог, существительное в притяжательном падеже, притяжательное или указательное местоимение:

a house, an apple, the earth, on the table, in our street, my flat, his son, those men, this building, Ann's parents, etc.

Существительные в английском языке имеют:

1. Два числа — сдинственное и множественное (Singular and Plural Number): a book — books, a lamp — lamps, etc.

We have many books, what book would you like? У нас много книг, какую книгу Вы хотите?

 Два падежа (падеж — форма существительного, которая выражает связь последнего с другими членами предложения):

а) Общий падеж (the Common Case)

Существительное в общем падеже не имеет окончания, его отношение к другим словам в предложении (ссли нет предлога), определяется занимаемым им в предложении местом. Например: если оно стоит перед сказуемым, то является подлежащим; если после сказуемого, то это — поямое или косвенное дополнение.

The students need dictionaries. Студентам нужны словари. норфология

-

б) Притяжательный падеж (the Possessive Case)
 Существительное в притяжательном падеже обозна-

чает принадлежность предмета и отвечает на вопрос: Чей? Притяжательный падеж существительных в единственном числе образуется прибавлением окончания - 6, т.е. надстрочного знака апострофа в виде запятой 'и буквы з): my sister's гоот — комната моей сестры, the boy's сар — кства мальчика, еtc.

Is this your brother's house? Это дом твоего брата?

Притяжательный падеж существительных во множественном числе образуется прибавленим только одного апострофа ': our parents' car — мащина наших родителей, etc.

These are the girls' books. Это — книги девочек.

Если существительное во множественном числе не имеет окончания з, то притяжательный падеж образуется так же, как и в единственном числе — прибавлением — 'з.

He is these children's father. Он — отен этих летей.

Множественное число существительных

 Большинство английских существительных образуют множественное число с помощью окончания -s:

book - books, plants - plants, table - tables

There are many large plants in our country. В нашей стране много крупных заводов. Apparent classroom orientation of bachelorship cannot but concern the theoretical course in question. Bridging theory and practice, a new activity type has been introduced in our work: criticizing and modifying / improving textbook materials. In offering this assignment, we proceed from the assumption that our students are trained to be schoolteachers of English, so for them evaluating teaching materials is an essential professional skill. This skill may become still more important when newly qualified teachers are cornered by the demands of a particular curriculum: more than often schoolteachers have no choice as to what textbooks to use. In a more teacher-friendly situation, the skill activates mistake-alertness and ability to comment and explain things to younger learners of English.

The students receive copies of a chapter from existing (anonymous) textbook and are supposed to evaluate the theoretical information and the exercises from the point of view of their relevance, and foresee possible mistakes that could arise from inadequate or insufficient theory. Here is the example of such assignment (the Internet abounds in samples of textbooks of different quality that can be used in the suggested activity).

In analyzing the given sample devoted to the category of case of the English noun, the students discover that the description lacks the following important theoretical points.

- 1. The semantic groups of nouns that form the genitive case are not specified; restrictions on the use of the genitive case with inanimate nouns are missing.
- 2. There is no mention of the meanings the genitive construction can express except that of possession.
- 3. Structural types of the genitive constructions are not listed, neither are there any examples which would illustrate "the group genitive".

Ignorance of this information will lead to language mistakes, which will find their way into exercises offered by the author of the textbook (see below). For instance, having no idea of subjective and adverbial genitive students won't be able to translate some structures in ex. 12 pp. 17–18 (e.g. country's national economy, yesterday's news, a month's salary). Some inanimate nouns from exs. 13 and 14 pp. 18–19 will be erroneously used in genitive constructions (e.g. *their clock's hands, *the room's windows, *the Unites Nation's Organization).

17

нореология

housewives)? 9. There are no (wolf, wolves) in our forest. 10. Don't cut yourself, the (knife, knives) are very sharp. 11. All the (data, datum) have been processed. 12. Several (cargoes, cargo) were shipped yesterday. 13. The workers carried (brick, bricks) in ther hands. 14. Has the President's (speech, speeches) impressed you? 15. The ground was as hard as (stones, stone). 16. (Coal, coals) is still used to warm some houses. 17. I regularly clean my (teeth, tooth). 18. Whose (geese, goose) is this? 19. Some (passer-by, passers-by) stopped to listen to that wonderful music. 20. All the (gate, gates) are closed. 21. How beautiful these (forgive-me-not, forgive-me-nots) are!

Упражнение 9. Укажит	е категорию существительн
1) одушевленное,	7) нарицательное,
2) неодушевленное,	8) собственное,
3) npocmoe,	9) абстрактное,
4) сложное,	10) вещественное,
5) исчисляемое,	11) производное,
б) неисчисанемое.	12) собирательное

Moscow, table, silk, Australia, money, interdependence, ox, time, sea, bookcase, men, dictionary, Monday, honesty, people, housewife, pride, water, Ann, physics, party, worker, child, knowledge, ink, classmate, forgive-me-not, paper, darkness, car, potato, Smith, hero, village, monkey, glass, freedom, father-in-law, chief, pot, Ireland, peace, love, Big Ben, engineer, tower, Virgo, business, wisdom, river, coal, feet.

Упражиение 10. Переведите данные существительные на русский язык. Укажите, от каких слов они образованы и определите в них суффиксы и префиксы.

Appointment, construction, understanding, coexistence, heroism, disarmament, passage, complexity, distribution,

ПРАКТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

brother, 17) the company's staff, 18) the clock's hands, 19) our friends' names, 20) Rostov's main street, 21) Lermontov's best poems, 22) their son's house, 23) this country's policy, 24) Russia's heroes, 25) yesterday's information, 26) Moscow's sights, 27) my best friend's nephew, 28) our country's national economy, 29) his father's letters, 30) our director's study, 31) this book's chapters, 32) our country's veterans, 33) the doctor's prescription, 34) a month's

Упражившие 13. Употребите слова в скобках в притяжательном падеже и переведите предложения.

Haпример: (Mike) car is new. Mike's car is new.

A

1. (Peter) flat is in the center of the city. 2. This (woman) sons are little. 3. (Helen) best friend is a sailor. 4. It is my (parents) car. 5. Are you that (man) son? 6. (Yesterday) information wasn't very important. 7. We like your (daughter) dog very much. 8. Is your (grandmother) house large or small? 9. There are many rare and interesting books in my (father) library. 10. The (clock) hands are made of some new metal. 11. What are your (sons) names? 12. I am your (sister) daughter. 13. We were greatly impressed by this (city) sights. 14. (Today) conference has been a great success. 15. Our (relatives) children are now grown-ups. 16. (Tomorrow) meeting will take place in our club. 17. (Ann) (husband) name is Nick. 18. The (fox) tail was rather long.

1. The (operator) cab is very comfortable. 2. Mary is my (brother) wife, 3. This (town) streets were rather narrow, 4, 1 think it is (the city) only cinema. 5. (Russia) exports exceeded several billion roubles. 6. What is this (car) number? 7. Is this disconnection, appearance, fortress, reader, revolution, poultry, saying, treasure, illness, inaccuracy, agriculture, treasure, recreation, cooperation, immaturity, illegality, concentration, drawing, breakage, leader.

Упражиение 11. Используя соответствующие суффиксы и префиксы, образуйте производные существительные от данных слов и переведите их на русский язык.

C суффиксами: ness, er/or, tion, ist, ship, ing, ment, ty/ y, hood, ism, ess, ant, age, dom, ance/ence, sion/ssion, ure.

Assist, build, dark, happy, meeting, act, develop, free, organize, work, dictate, improve, educate, govern, friend, art, cold, agree, dark, child, assemble, king, cultural, marry, social, examine, able, honest, science, move, important, complex, dance, biology, moral.

С префиксами: dis, im, co, in, mis, re, un, il.

Construction, armament, owner, comfort, author, information, literacy, understanding, advantage, print, building, form, fortune, employment, morality, agreement, operation, reality, legality, convenience, taste, count, possibility, appointment, creation.

Упражнение 12. Переведите на русский язык.

1) Your father's house, 2) our doctor's glasses, 3) today's news, 4) their sons' toys, 5) this teacher's book, 6) these girls mother, 7) her parents' car, 8) our engineer's plan, 9) my sister's son, 10) Helen's best friend, 11) my children's room, 12) Britain's main industries, 13) this month's events, 14) the girl's voice, 15) Mrs. Brown's husband, 16) Sam's younger

норфология 19

man (Kate) father? 8. (Andersen) life was full of hardships. 9. The (ship) crew consisted of young sailors. 10. Our (teacher) name is Mr. Smith. 11. Your (cat) eyes are green. 12. This (singer) voice wasn't familiar to me. 13. I am sure (our boss) birthday is in April. 14. Will you show me your (daughter) pictures? 15. The (Queen) levec was a success. 16. Where is my (son) room? 17. It is our (father) watch. 18. The (room) windows are large.

Упражиение 14. Замените существительное с предлогом оf формой притяжательного падежа.

Hanpumep: The passport of this man. / This man's passport.

1. New friends of our daughter. 2. The parks and squares of my city. 3. The house of his parents. 4. Famous sportsmen of Russia. 5. The sights of London. 6. The photo of my son. 7. The birthday of the famous writer. 8. The capital of our country. 9. The staff of this company. 10. The voice of my favourite singer. 11. The main industries of Britain. 12. The events of this month. 13. The hands of this clock. 14. The heroes of our land. 15. The achievements of our scientists. 16. The elder sisters of Ann. 17. New shoes of our father. 18. The main street of our city. 19. The days of the week. 20. The names of all my friends. 21. The library of our Academy. 22. New songs of this composer. 23. The hands of the boys. 24. The Underground of Moscow. 25. The best shows of our group. 26. The money of my parents. 27. The reports of our teachers. 28. Bright lights of their car. 29. Numerous pets of my grandmother. 30. The largest cinema of our city. 31. The poems of Byron. 32. The life of this writer. 33. The camps of tourists. 34. The course papers of our students. 35. The Organization of the United Nations.

20 ПРАКТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Упражиение 15. Переведите на русский язык следующие беспредложные словосочетания.

The college students. 2. The World championship.
 Spring days. 4. The rocket industry. 5. This country climate conditions. 6. The city monuments. 7. The State University faculties. 8. The school time — table. 9. The picture gallery.
 A sandwich course student. 11. A school wall newspaper.
 The clock minute hand. 13. The research work results.
 The government powers. 15. A book shelf. 16. The magazine pages. 17. The USA traditions and customs. 18. The Globe nations. 19. The October weather. 20. A football team. 21. The stone wall. 22. The dinner time. 23. The world exhibitions.
 The summer months. 25. A bank branch. 26. The student campus. 27. The part-time department. 28. The rest day.
 A power station. 30. Consumer goods. 31. An iron bridge.
 Exchange rate. 33. The cane sugar. 34. The school reform.
 Animal products. 36. The UK Parliament.

Упражиение 16. Определите функцию существительного в следующих предложениях:

- 1) nodsewawee.
- 2) часть именного сказуемого,
- 3) дополнение,
- 4) определение.
- 5) обстаятельство.

1. Russia is the world's largest country. 2. The sun rise was very beautiful. 3. Last week our family went to the seaside. 4. Today's information will be a surprise for the Smiths. 5. Are they all your brothers? 6. My mother gave me a cup of tea. 7. Are these books written by your friend? 8. We shall speak to his father tomorrow. 9. In the west and in the south Russia borders on different states. 10. The city sights attracted crowds

of people. 11. This girl is an engineer by profession. 12. Agriculture is this country economy important sector. 13. The postman will deliver all newspapers in the morning. 14. As a rule, the train leaves Roston-on-Don at six o'clock. 15. Paul's bosom friend is a well — known writer. 16. Are these boys twins? 17. The students will attend all our seminars next month. 18. There will be a new stadium in our city. 19. She left the key on the table. 20. Please, put these books on the shelf. 21. The last leaves fell from the trees. 22. Is this fellow a reporter or an operator? 23. My son's room is large and comfortable. 24. Where is your father now? 25. The copy of this contract was sent to our partners some days ago. 26. Did you like our new play? 27. The house roof was covered with snow. 28. Are you a teacher?

Упражнение 17. Найдите и исправьте ошибки.

1. All childs in our family are rather tall. 2. Peter, try to improve your knowledges. 3. This bookcase has many shelfs. 4. As a rule, this postmen comes in time. 5. Yesterday the tourists visited a gallery picture, 6. Ann elder brother is an pilot by the profession. 7. Our parents's house is large and comfortable. 8. In this region we saw many sheeps, 9. There was a interesting article in our newspaper school. 10. There was some exotic fruits on the plate. 11. Many mans of our club can play football well. 12. This women is one of my mother' friends. 13. Are there many goose in this village? 14. The stones wall was very high. 15. How much moneys have you? 16. In what part of our country do the north deers live? 17. This factory produces pianoes of different kinds. 18. Are these datum registered? 19. The child hair were brown and very soft. 20. The leafs of the trees were dark green. 21. How many people live on Earth today? 22. Where did Mike hurt his foots? 23. Usually I go shopping

Viewed from a functional angle, the book under consideration requires considerable reinforcement if used for the development of its users' communicative skills: both the theoretical description and the practical exercises offered in it definitely aim at extending the *formal knowledge* of the grammatical material but are insufficient for the needs of *real communication*. A fair amendment to ex. 14, p. 19 – explanation of the purpose of case construction transformation – may be added for students to avoid misinterpretation of such transformation. Otherwise, it must logically follow that the two constructions are synonymous, as the principles of choice of the case (genitive or common with a preposition) are not defined at all. Still further, their difference from the constructions with the attributive common case must also be clarified before doing ex. 15, p. 20. So, performing their analysis of the chosen fragment, students are guided to arrive at the following conclusions.

No doubt, there is no such thing as an ideal textbook. So, learn to value the material a textbook offers: there is always hard work behind it, and as long as you have what to teach ready-made for you, respect the author's creativity. A least, learn to be tolerant, as nobody and nothing is perfect. However, what must be definitely avoided is insufficiency of description that makes the study of grammar practically pointless in the sense that the knowledge of elements of the grammatical structure of the language is not in any way tied to their role in the achievement of communicative goals. To avoid the above-mentioned discrepancy, don't follow the print blindly. Planning your work with the book you don't find completely satisfying, keep asking yourself about what must be added, reviewed, revised for the textbook to start working the way you expect it to. Remember, there are no bad books, there are lazy teachers.

Anticipating possible objections, we would like to comment on the passage above. Generally, setting examples of practical application of the knowledge, which so far has been felt to be purely theoretical, we believe that such type of activity will provide our students with hands-on knowledge of selecting and evaluating teaching material. This is a valuable professional skill for a will-be teacher. However, we also noticed: there is something more to such discussions than ordinary brainstorming, which accompanies routine work in motivated audiences performing challenging tasks. As textbook diversity is a seemingly endless debate, students at first are likely to abuse negative criticism. They are further taught that even if they discuss imperfections of some author's teaching solutions, criticism must not sound snide and mean-spirited. They must know better than making unnecessary jibes about the way things are presented in a book. Professional loyalty claims for congenial assessment and curbs appalling experiences to have drawbacks mocked. So, developing perception of "professional dos and don'ts", students gradually come to realize that negative criticism intersects with other prejudices and criticizing someone's work says a lot about the person making criticism, either favorable or not.

By way of conclusion, we would like to put our message clear: teaching theoretical subjects to university students today is becoming more and more challenging. Pure theorizing looks inappropriate these days, instead, a more flexible strategy must be adopted. Changes are welcome at every step of teaching process, including the choice of the major scholarly approach, the mode of presentation of matter, the choice of tasks and their contents, etc. The demands of a competence-based paradigm and two-stage university

education system affect all courses of the teacher's training programme, Theoretical Grammar of English being no exception. As a fundamental professionally oriented subject, Theoretical Grammar must live up to the trainees' expectations: whatever material is discussed, it is supposed to have a broad classroom orientation. This seems to be the only way to help overcome the shortages of a reduced overall training period.

Apart from the serious preparatory work that involved renovation of the reading material as well as application of modern information technologies, we also strive to modernize our students' way of treating language theory. To provide a consistent professional background to our students, we vote for functionalism at work. As a result, debatable issues come to look more like everyday classroom cases we have to discuss and explain in connection with mastering our pupils' communicative skills.

Looking at modern teaching realistically, with its non-stop cirriculum variation and a vast range of audiences, new examination formats, numerous textbooks flooding the book market, incessant access to the Internet sources, etc., we are also trying to give our graduates useful tips as to how they can critically review materials for the classroom. To approach this task, routine for any teacher, they must have a reliable reference point, some position that makes criticism consistent and workable. Studying theoretical grammar from a functional (i.e. descriptive, real life) perspective via careful analysis of authentic textbook writing makes a good ground for sorting out doubts and insights, which, in the long run, develops cool professionalism and mobility expected from a university graduate.

REFERENCES

- 1. *Бархударов Л. С.* Очерки по морфологии современного английского языка. М. : Высшая школа, 1975. 156 с.
- 2. *Ильиш Б. А.* Строй современного английского языка. Л. : Просвещение, 1971.-367 с.
- 3. *Мачина О. А.* Функционально-семантические и дискурсивно-прагматические особенности средств выражения аспектуальности в американском варианте английского языка XIX начала XXI вв. : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 300 с.
- Мачина О. А. Некоторые аспекты взаимодействия семантики глагола и грамматической формы // Когнитивно-функциональные аспекты исследования англоязычного дискурса. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2008. – С. 38–47. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 545. Сер. Лингвистика).

- 5. *Мачина О. А., Салькова М. А.* Учимся употреблять видовременные формы глагола: проще, чем кажется // Английский язык в школе. Вып. 4 (28). Обнинск: Титул, 2009. С. 22–27.
- 6. *Салькова М. А.* Темпоральный профиль события и полифония как аспекты содержания нарратива // Грамматическая семантика в англоязычном дискурсе. М., 2002. С. 5–20. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 469. Сер. Языкознание).
- 7. *Салькова М. А., Мачина О. А.* Перспективы обучения теоретическим дисциплинам: степень «бакалавр лингвистики» *vs.* Степень «магистр лингвистики» // Многоуровневое лингвистическое образование: ремесло или профессия? Тезисы докладов конференции. М., 17–19 ноября, 2008. С. 26–27.
- 8. Салькова М. А., Мачина О. А. Инновационные образовательные технологии в современном учебном процессе: преподавание теоретических дисциплин // Грамматические исследования: когнитивно-коммуникативная лингвистическая парадигма и ее отражение в лингводидактике. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2010. С. 175—194. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 27 (606). Сер. Языкознание).
- 9. Сорокина Т. С., Салькова М. А., Брылева Н. П. Методические задания к семинарским занятиям по теоретической грамматике английского языка. М., 2002. 176 с.
- 10. *Сорокина Т. С., Салькова М. А., Мачина О. А.* Методические задания к семинарским занятиям по теоретической грамматике английского языка. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. 170 с.
- 11. Сорокина Т. С., Салькова М. А., Мачина О. А., Селиванова Е. Е., Григорьева Ю. Б. Рабочие тетради по теоретической грамматике английского языка. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2010. 58 с.
- 12. *Shopf A.* The Past Tense in English // Aspects of Tensing in English / Ed. by A. Shopf. Vol. 1. Tubingen: Niemeyer, 1989. P. 177–220.
- 13. *Vendler Z.* Linguistics in Philosophy. Ithaca N.Y.: Cornwell University Press, 1967. 300 p.

УДК 81'367.335

В. А. Климик

аспирант кафедры грамматики и истории английского языка ФГПН МГЛУ e-mail: v.klimik@bk.ru

ОБУЧАЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ СИНТАКСИСА ФОЛЬКЛОРНОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗОК (компетентностный подход)

Статья посвящена проблеме синтаксической организации жанров, предназначенных для детей — а именно, фольклорной и литературной сказок. Сопоставительный анализ наблюдаемых тенденций дает возможность сделать выводы относительно обучающего потенциала исследуемых жанров. Особое внимание уделяется дифференциации когнитивных и коммуникативных аспектов синтаксических единиц — как факторов, способных в значительной мере определять обучающий потенциал жанра.

Ключевые слова: фольклорная сказка; литературная сказка; синтаксис; синтаксическая организация; когнитивный аспект; коммуникативный аспект; обучающий потенциал.

V. A. Klimik

Post-graduate student, Chair of Grammar and History of English, Department of Humanities and Applied Sciences e-mail: v.klimik@bk.ru

COMPETENCE-BUILDING POTENTIAL OF SYNTAX IN FOLK AND LITERARY TALES

The article is concerned with one of the topical issues – research into the syntax of children's literature, namely of the folk and literary tales. Comparative analysis of the syntactic features characteristic of the two genres makes it possible to probe into their educational potential. Special attention is given to variability of cognitive and communicative aspects of the registered syntactic features – as factors relevant to the educational potential of the genres in question.

Key words: folk tale; literary tale; syntax; syntactic organization; cognitive aspect; communicative aspect; educational potential.

Синтаксическая организация различных англоязычных литературных жанров, и, в частности, английской сказки, изучена мало (см., например, [1; 2]). Представляется, что для этого существует ряд причин: исследователя может озадачить неочевидность тенденций, и в связи с этим, трудность их выделения и интерпретации; сложность

постановки целей и задач исследования, направленного на изучение синтаксических особенностей различных жанров.

Тем не менее, изучение синтаксической организации текстов тех или иных жанров может привести к показательным результатам — ведь, по мнению большинства исследователей, синтаксическая организация языка является наиболее стабильным, стержневым, скелетным его компонентом. Представляется, что именно синтаксические структуры осознаются языковой личностью в наименьшей степени: так, носитель русского, не задумываясь, употребляет в речи конструкцию [прилагательное + существительное], в то время как носитель романских языков, автоматически производит структуру [существительное + прилагательное].

Будучи мало подверженным изменениям в диахроническом срезе развития языка, синтаксис может рассматриваться как стабильный фактор, который необходимо учитывать при исследовании процессов развития и совершенствования языковых и речевых навыков и умений. По этой причине, анализируя синтаксическую организацию различных литературных жанров, можно пополнить и углубить существующие научные представления о влиянии чтения на становление и совершенствование языковой личности.

Особенно перспективными представляются исследования синтаксической организации жанров, предназначенных для детей, и, в первую очередь, сказок. Например, присущий народной сказке своеобразный стиль изложения очевиден, и по этой причине вполне естественно предположить, что язык народной сказки оказывает определенное влияние на становление и развитие языковой способности читателяребенка.

Одним из целесообразных путей исследования синтаксической организации сказки нам видится сравнительный анализ различных жанров. Именно сопоставление наблюдаемых тенденций синтаксической «канвы» может дать возможность сделать выводы относительно обучающего потенциала исследуемых текстов.

Первичный сопоставительный анализ синтаксической организации английской фольклорной и литературной сказок позволил сделать важное наблюдение: структурно тождественные синтаксические конструкции, зарегистрированные в исследуемом материале, несут различную функциональную направленность и разный развивающий

потенциал. Это наблюдение находит теоретическое обоснование в психолингвистических описаниях онтогенеза языковой способности. Например, А. М. Шахнарович пишет: «В зависимости от условий коммуникации, от коммуникативной задачи, от структуры текста, участвующего в коммуникативном акте, и от ряда других обстоятельств коммуникативные и когнитивные аспекты языковых единиц выступают на ведущем или фоновом уровне» [6, с. 636].

Рассмотрим это положение на конкретных примерах и выясним, каким развивающим потенциалом обладают зарегистрированные синтаксические особенности исследуемых жанров.

Сопоставительный анализ позволил выделить ряд тенденций в рамках данных жанров, в том числе:

- обилие повторов предложений в фольклорной сказке и их присутствие в виде переспросов (коммуникативная функция повтора) в сказке литературной;
- обилие союза *and* в начале предложения в синтаксисе обоих жанров.

Остановимся на каждой из тенденций более подробно.

Повторы предложений — яркая черта синтаксической организации фольклорной сказки, при этом для сказки литературной, как показал исследуемый материал, такие повторы (как и повторы в принципе) не очень характерны. Тем не менее в синтаксической организации литературной сказки зарегистрированы случаи употребления переспроса — риторического приема, структурно основанного на повторе предложения. Здесь интересно не количественное, а качественное сравнение наблюдаемых тенденций. В структурном отношении обе тенденции тождественны, однако в функциональном плане наблюдается весьма ощутимая разница: переспросы, по-видимому, служат не столько для логического усиления уже сказанного, предоставляя возможность «доосмысления» некой мысли, сколько выполняют фатическую (контактоустанавливающую) функцию.

Данная интерпретация подтверждается и тем, что в фольклорной сказке повторы предложений зарегистрированы преимущественно в речи автора (нарративе), тогда как в сказке литературной – в речи персонажей (диалогах).

Как показал анализ исследуемых отрывков текста, переспрос в литературной сказке может быть употреблен в следующих случаях:

- для выражения удивления или заинтересованности:
 - "And you can have marmalade for breakfast every morning, and —" she tried hard to think of something else that bears might like.
 - "Every morning?" The bear looked as if it could hardly believe its ears [9].
- с целью уточнения, подтверждения, желания быть лучше понятым собеселником:
 - "Then you don't mind, Mrs Bird?" Mr Brown asked her.
 - "No. No, I don't mind at all" [9].

Данные примеры иллюстрируют *коммуникативную направлен- ность* переспроса как вида синтаксического повтора. Покажем, какое значение это может иметь для развития читателя-ребенка.

Для ребенка 7-11 лет (возраст, соотносимый с целевой аудиторией исследуемых текстов литературной сказки) освоение контактоустанавливающих речевых приемов является важным этапом социализации и развития его языковой личности [4; 5]. С момента вхождения в школьную жизнь круг общения ребенка значительно расширяется [3]. Коммуникативные ситуации, в которых он участвует, становятся все более разнообразными. Наступает время активного освоения всех возможных в языке средств выражения. В этом смысле переспросы являются важным средством решения различных коммуникативных задач: установить контакт, выразить эмпатию, уточнить непонятное и другие. Таким образом, литературная сказка, помимо развлекающей (интересный сюжет), выполняет и функцию обучающую. В частности, овладение «техникой» переспроса означает овладение определенной речевой стратегией [7; 8], и, в итоге, представляет собой «кирпичик» в фундаменте стратегической субкомпетенции, которая активно формируется в период школьной жизни.

Другая тенденция — **употребление союза** *and* **в начале предложения** — также зарегистрирована в исследуемом материале обоих жанров:

And when they came out of the oven, they were that overbaked the crusts were too hard to eat. **And** she set to work and ate 'em all, first and last (фольклорная сказка) [10].

"That's the bathroom," said Judy. "And that's my room. And that's Jonathan's – he's my brother, and you'll meet him soon. And that's Mummy and Daddy's." She opened a door. "And this is going to be yours!" (литературная сказка) [9].

Частотность	употребления	союза and	показана	в таблице:

Жанр	Народная сказка (в %)	Литературная сказка (в %)
Частотность <i>and</i> в начале предложения	7	5
Употребление <i>and</i> в диалогиче- ском дискурсе персонажей	2	98
Употребление <i>and</i> в нарративе (авторская речь)	97	3

Как видно из таблицы, в литературной сказке *and* в начале предложения встречается преимущественно в диалогической речи (98%), в фольклорной сказке – преимущественно в нарративе (97%):

"She looks very nice," said Judy. "And very wise" (литературная сказка) [9].

And for eleven months the girl had all she liked to eat, and all the gowns she liked to get, and all the company she liked to keep (фольклорная сказка) [10].

Известно, что сочинительный союз *and* может выполнять соединительную (копулятивную) и противопоставительную функции. Помимо этого, в диалогической речи литературной сказки *and*, употребленный в начале предложения, может нести в себе дополнительные оттенки значения и уточнять коммуникативное намерение говорящего:

"You'll find two taps, one marked hot and one marked cold. There's plenty of soap and a clean towel. Oh, *and* a brush so that you can scrub your back" [9].

В этом примере *and* в начале предложения несет в себе дополнительный смысл – «**припоминание**».

"It's a bush hat," said Paddington, proudly. "And it saved my life" [9] (and в начале предложения употреблено эмфатически).

В некоторых контекстах *and* в начале предложения свидетельствует о **заинтересованности собеседника**:

"I'm a very rare sort of bear," he replied, importantly. "There aren't many of us left where I come from."

"And where is that?" asked Mrs Brown [9].

Что касается фольклорной сказки, то здесь союз *and* в начале предложения, зарегистрированный преимущественно в нарративе,

помогает сфокусировать внимание на хронологии описываемых событий (когнитивный аспект интерпретации):

And all the day the girl sat trying to think of names to say to it when it came at night. But she never hit on the right one. **And** as it got towards the end of the month, the impet began to look so maliceful, and that twirled that's tail faster and faster each time she gave a guess [10].

Кроме того, *and* в начале предложения создает эффект устного повествования:

About this time they came in sight of a house, and Jack told them to keep still while he went up and looked in through the window. *And* there were some robbers counting over their money [10].

Таким образом, одна и та же синтаксическая особенность – употребление союза *and* в начале предложения – в разных жанрах несет в себе различную функциональную нагрузку. В синтаксической организации литературной сказки на первый план выходят коммуникативные аспекты данной языковой единицы, в сказке фольклорной – когнитивные.

Представляется, что сделанное наблюдение о жанрово-обусловленной (а значит, и ситуативно-обусловленной — если рассматривать сюжет как набор жизненных ситуаций) смене фокуса одних и тех же языковых единиц, может стать полезным преподавателю и методисту при выборе оптимальной литературы для чтения ребенком в соответствующем возрасте. Ребенок 5—9 лет, наиболее активный читатель фольклорной сказки, знакомится с миром и его многообразием. В этом смысле выход на передний план когнитивных аспектов языковых единиц вполне согласуется с познавательным лейтмотивом детей данного возраста. Ребенок 7—11 лет, наиболее активный читатель сказки литературной, уже начал ходить в школу и переживает активный этап социализации. Соответственно, появление коммуникативных аспектов в фокусе языковых единиц отвечает его языковым потребностям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Брандаусова А. В.* Основные синтаксические особенности английской литературной сказки: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 209 с.
- 2. Доброницкая Т. В. Стилистико-синтаксические особенности английской детской литературной сказки: дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. 206 с.

- 3. *Кулагина И. Ю.* Возрастная психология (Развитие ребенка от рождения до 17 лет): учеб. пособие. 5-е изд. М.: Изд-во УРАО, 1999. 176 с.
- 4. *Лепская Н. И.* Язык ребенка (онтогенез речевой коммуникации). М., 1997.-151 с.
- 5. *Цейтлин С. Н.* Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. М. : ВЛАДОС, 2000. 240 с.
- 6. *Шахнарович А. М.* Детская речь в зеркале психолингвистики // Избранные труды. М.: Гуманитарий, 2001. 727 с.
- 7. *Шахнарович А. М.* К проблеме языковой способности (механизма) // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. С. 185–220.
- 8. *Шахнарович А. М., Юрьева Н. М.* Психолингвистический анализ семантики и грамматики. М.: Наука, 1990. 167 с.
- 9. *Bond M.* A Bear Called Paddington. Harper Collins Publishers Ltd., 2003. 159 p.
- 10. English Fairy Tales / collected by J. Jacobs. URL : http://www2.hn.psu.edu/faculty/jmanis/joseph-jacobs/English-Fairy-Tales.pdf. Загл. с экрана.

УДК 81'366.58

Т. И. Раздина

доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры грамматики и истории английского языка ФГПН МГЛУ e-mail: ti_razdina@outlook.com

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ КАК НЕПЕРЕХОДНЫХ В АНГЛИЙСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье представлены результаты наблюдений и анализа употребления переходных глаголов как непереходных как способа выражения пассива по смыслу в средствах массовой информации, новостных сообщениях, обзорах литературы и рецензиях, повествовательных и описательных текстах, а также в повседневном общении. В статье делается вывод о том, что активные формы глаголов с пассивным значением используются в контекстах, в которых внимание адресата фокусируется на событии как таковом и при этом дается положительная или отрицательная оценка данному событию. Пассивные формы одних и тех же глаголов используются в более формальных контекстах, в которых адресату сообщается о событии как имеющем место или уже свершившемся факте, при этом место и время события обычно указываются.

Ключевые слова: непереходный; переходный; пассив по смыслу; положительная или отрицательная оценка; формальный контекст; уместный; неуместный; неприемлемый; ошибочный.

T. I. Razdina

Ph.D., Ass. Prof., Chair of Grammar and History of English, Department of Humanities and Applied Sciences, MSLU e-mail: ti_razdina@outlook.com

INTRANSITIVE USE OF TRANSITIVE VERBS IN ENGLISH DISCOURSE

The paper presents the results of the observations and analysis of the intransitive use of transitive verbs as notional passives in mass media, news bulletins, surveys and reviews, narrative and descriptive texts and everyday speech and writing. The paper concludes that the active forms of the verbs conveying a passive idea are used in contexts in which the focus of attention of the addressee is drawn to the event itself by giving it a positive or negative evaluation. The passive forms of the same verbs are used in more formal, matter-of-fact contexts in which the addressee is informed about an event going on or accomplished, with the place and time of the event usually indicated.

Key words: intransitive; transitive; notional passives; positive or negative evaluation; formal contexts; appropriate; inappropriate; unaccepted; incorrect.

The article discusses intransitive use of transitive verbs in English discourse. To start with, we give an overview of linguistic literature on the issue in question.

Verbs taking a direct object are generally called **transitive**, those that do not take a direct object are called **intransitive**.

A great many verbs in English can be used both **transitively** and **intransitively**. For example:

- 1. The wind *blew* the papers out of my hand.
- 2. The wind was blowing round the street-corners.
- 3. I *start* work on Wednesday.
- 4. The World Championships *start* in two weeks time.

In sentences 1 and 3 the verbs *blow* and *start* function as **transitive** verbs. They are followed by direct objects *the papers* and *work*. In sentences 2 and 4 the same verbs function **intransitively**. They are not followed by a direct object.

Verbs that can be used both transitively and intransitively have [I, T], [I/T] grammar codes in dictionaries.

Only transitive verbs can have passive forms and they are sometimes called passive verbs. Those verbs which cannot have passive forms are called active verbs.

A **passive verb** is defined as one in which the subject undergoes the process or action expressed in the verb whereas **an active verb** as one whose action is performed by its own grammatical subject [13, p. 411–412].

A few active verbs are said to have a passive meaning:

This surface cleans easily. These clothes wash well. This wine *is selling* quickly. What's *showing* at the cinema this week? Her novel *is reprinting* already [1, p. 243].

It is sometimes mentioned in grammar books that there are verbs whose primary meaning is *transitive* and whose secondary meaning is *intransitive*. Here belong, according to the authors, such verbs as *sell*, *read*, *add*, *act*, etc:

This book *sells* well. Though Dora tried hard the figures *would not add* [6, p. 96].

Active constructions with a passive meaning are regarded as **notional passives** (*the car handles well*) [21, p. vii] or as **middle voice**, or as **mediopassive** (*The movie is screening in downtown cinemas*) [13, p. 349].

Verbs that can be used both *transitively* and *intransitively* are often called **ergative verbs**:

Peter closed the door. The door closed (http://www.learningenglish.british council.org/ar/english-grammar/ergative-verbs).

The term **ergative** is said to have been applied to verbs whose subjects are not agents, but "patients" of the action:

The kettle boiled. The hotel is renovating. Wax will melt under low heat. The gap has widened between rich and poor [13, p. 187].

In Longman Exams Dictionary (2006) an ergative verb is defined as one that can be either *transitive* or *intransitive*, with the same word used as the object of the transitive form and as the subject of the intransitive form, such as *cooked* in the sentences *He cooked the potatoes* and *The potatoes cooked quickly* [23, p. 498].

In Macmillan English Dictionary for Advanced Learners (2002) an ergative verb is said to be able to have its object as its subject without changing its meaning. For example, *open* is an ergative verb because you can say *I opened the door* or *The door opened* [24, p. 465].

Some verbs are listed in grammar manuals as common **ergative verbs**: begin, break, change, close, drop, crack, dry, end, finish, grow, improve, increase, move, open, shake, start, stop, tear, turn:

I broke the glass. I dropped the glass and it broke. The referee blew his whistle and started the match. The match started at 2.30. We grew some tasty potatoes. The potatoes were growing well.

Many verbs to do with cooking are also regarded as **ergative**: *bake*, *boil*, *cook*, *defrost*, *freeze*, *melt*, *roast*:

You should roast the meat at 200 degrees centigrade. The meat was roasting in a hot oven. I always defrost the meat before I cook it. I am waiting for the meat to defrost.

Verbs to do with vehicles are often **ergative**: back, crash, drive, fly, reverse, run, sail, start, stop I'm learning to fly a plane:

The plane flew at twice the speed of sound. He crashed his car into a tree. His car crashed into a tree (http://www.learningenglish.britishcouncil.org/ar/english-grammar/ergative-verbs).

Ergative uses of verbs are assumed to be *on the increase*, especially in British English [13, p. 188].

The increasing use of *intransitives* has been observed in both American and British English, in examples such as *the word derives from Spanish*, *or the word is spreading*. The intransitive use of *derive* is said to be commoner in American sources and *spread* in British, however, it is suggested that "the overall rate of innovation is much the same" [13, p. 548].

The overview of linguistic literature makes it possible to assume that quite a few transitive verbs in English can be used intransitively as notional passives. In other words, active forms of some transitive verbs can be used to express a passive meaning like in the example sentences: Her novel is reprinting already. The hotel is renovating. The number of such verbs, according to linguistic data, is increasing. The question arises in what contexts in speech and writing it is acceptable and not incorrect to use, for example, is reprinting and not is being reprinted, is renovating and not is being renovated, and above all, sell and not is sold, is playing, and not is being played, was showing and not was being shown, has sold and not has been sold, will sell and not will be sold etc., to express a passive meaning.

In view of the question we raised here, further in the article, we analyse intransitive use as *notional passives* of transitive verbs *sell*, *pay*, *read*, *play*, *hold*, *show*, *translate* as we observed they appear in texts of mass media, news bulletins, surveys and reviews, narrative and descriptive texts and everyday speech and writing in current English.

1.

Don't miss out – book now for Henley!

Mail readers can take advantage of a special early-booking deal for tickets to one of the country's leading literary festivals, at Henley-on-Thames, supported by the Daily Mail. By booking now, before tickets go on general sale, you can secure your seat at more than 120 events. Many events *sell out* on the first day of public booking – so book now with the Mail to get ahead of the queue [25, p. 50].

Many events is the grammatical subject, but not the doer of the action. The active form of the transitive verb *sell out* is used intransitively as notional passive in a context in which it is important to emphasize the popularity of the Henley Literary Festival and the necessity to book the tickets in advance. The passive form *are sold out* would be inappropriate in this context.

2.

You don't feel at ease when your friend tells you that his books *don't sell* and he can't place his short stories; the managers won't even read his plays, and

when he compares them with some of the stuff that's put on does seem a bit hard [9, p. 15–16].

His books is, as in the text above, the grammatical subject, but not the doer of the action. The active form don't sell is used intransitively with a passive meaning to suggest the idea that the fact that the books don't sell is to do either with the books themselves or with the author. The passive form aren't sold would be inappropriate in this context.

3

'Well, it has been a bit disappointing. Only a hundred and sixty-five copies *sold* a year after publication. And not a single review' [8, p. 51].

The active form *sold* is used intransitively with a passive meaning in a context in which the author wanted to express his disappointment over lack of success with his book (*a bit disappointing*, *a year after publication*, *not a single review*). The passive form *were sold* would be inappropriate in this context.

4

Glastonbury 2015 has sold out in less than 30 minutes.

Glastonbury 2015 sells out in record time.

The 15, 000 pre-sale tickets sold out in quarter of an hour.

Glastonbury Festival 2015 Deposits are now sold out.

About 15,000 pre-sale tickets *were sold* earlier this week and the remaining 120,000 went in just 26 minutes quicker than the 87 minutes it took to sell them in 2013 (http://www.bbc.co.uk/newsbeat/29496682).

The active forms has sold out, sells out, sold out are used intransitively as notional passives with the aim of emphasizing how quickly the tickets for the popular event Glastonbury Festival 2015 went in. The prepositional phrases in less than 30 minutes, in record time, in quarter of an hour collocate with the active verbs has sold, sells out, sold out. The passive forms are sold out, were sold out are used simply to inform the public that the selling out of the tickets has already been finished. The adverb now and the adverb phrase earlier this week are used to particularize the big event. They go together with the passive verbs are sold out, were sold out.

5.

Dylan manuscript *sells* for over \$2m (http://www.theguardian.com/music/2014/jun/24/bob-dylans-bbc.com/news).

The active form *sells* is used as notional passive with a view to emphasizing the price of Dylan's manuscript. The verb collocates with the prepositional phrase *for over \$2m*.

6.

'Holy Grail' Superman Comic *Sells* for \$ 3.2m (http://www.news.sky.com/story/1324767) (same as in 5).

7.

In 2010, John Lennon's handwritten lyrics for 'A Day in the Life', the final track on the Beatles' classic 1967 album Sgt Pepper's Lonely Hearts Club Band, *sold* for \$1.2m, the record for such a sale (http://www.news.bbc.co.uk/2/in/entertainment/874910) (same as in 5 and 6).

In contexts in which the price of a product is indicated and emphasized as in 5–7 passive forms are not used.

8

Elza came back into our lives in rather dramatic fashion. One of her college classmates revived a number of pieces Elza had composed called 'Higher Consciousness'. The music later became the sound track to a television series on angels, which was ironic, as Simon pointed out, since Elza was not fond of Christian mythology. But then, overnight it seemed, everyone was wild for anything having to do with angels. The series received huge ratings, a CD of the sound track *sold* moderately well, and Simon started finding new self-worth in Elza's small fame [17, p. 109].

The active form *sold* is used as notional passive with the focus on the kind of CD of the sound track. The adverb phrase *moderately well* collocates with the active form *sold* but not with the passive form *was sold*.

9.

The concert tickets cost too much and sold badly [22].

The active form *sold* is used as notional passive with the focus on the cost of the concert tickets, which was the result of bad selling. The passive form *were sold* does not collocate with the word *badly* and would be inappropriate in this context.

10.

Dear Mr. Dyer,

I have written you no fewer than five letters over the last four months in the hope that you would be able to let us have at least some sort of synopsis for a second book as a follow-up to Fiesta at Cala Fuerte.

Cala Fuerte *has sold* well and into its third printing and negotiations are under way for a paperback [14, p. 121].

The active form *has sold* is used as notional passive with the focus on the popularity of the book Cala Fuerte. The passive form *has been sold* does not collocate with the adverb *well* and cannot be used in this context.

11

The film *has been sold* to distributors in more than 40 countries and will be released in the US on 1 November, 2013 (http://www.theguardian.com/film/2013/oct/04/diana-reviews-devastating-director).

The passive form *has been sold* is used in a formal context to break the news about a film. The active form *has sold* would be unacceptable and incorrect in this context.

12

There is a lot of death, disease and rationing in *Oranges For Christmas* but the reason it *sold* so well is because it is ultimately as comforting as a cup of hot, sweet tea and a milk chocolate digestive [12, p. 27–28].

The active form *sold* is used here as notional passive with the focus on the author's appreciation of the book *Oranges For Christmas*. It collocates with the adverb phrase *so well*. The passive form *was sold* cannot go together with the adverb phrase *so well* and would be inappropriate in this context.

13

New tablet *sold* only in North Korea (http://www.cnn.northkoreatech.org/2013/08).

The active form *sold* is used intransitively as notional passive in a context with the aim of describing to specialists the new tablet computer and informing them that it was only North Korea that considered it possible to buy the new tablet.

14.

Ella was determined to raise the mood. She asked them about property prices in Tara Road. One house there *had sold* for a fortune recently [2, p. 31].

The active form *had sold* is used intransitively as notional passive and collocates with the prepositional phrase *for a fortune*. The reader's attention is drawn here to the big price of the house. The passive form *had been sold* does not collocate with the prepositional phrase *for a fortune* and would be inappropriate in this context.

15.

And on tomorrow night's show I've invited someone whose latest album *is really selling* like the proverbial hot cakes. Yes, you guessed it – Mark Williams will be joining us here in the studio to play some of the tracks from the album and to tell us a little more about the dates of his forthcoming world tour. So make sure you tune in around this time tomorrow evening – 740 on your dial, Radio Metro [3, p. 144].

The active form *is really selling* is used intransitively as notional passive with the aim of emphasizing the popularity of the latest album. It collocates with the idiomatic prepositional phrase *like the proverbial hot cakes*. The passive form *is being sold* does not collocate with the prepositional phrase *like the proverbial hot cakes* and cannot be used in this context.

16

Katherine says that one thing she does is to *conduct training on the sales floor* when trade is slack, which means that she trains the sales in the part of the shop in which goods are sold when the shop is not busy because there are few customers [4, p. 193].

The passive form *are sold* is used in this context to inform the reader formally about the place and time when the goods in the shop are sold. The active form *sell* cannot be used intransitively as notional passive in this context. The choice of *sell* here would be grammatically incorrect.

17.

David:

I must say, Katherine, I think, I get a kick out of making the best profit I can. I'm always competing with myself to beat last season's figures The customer profile keeps changing – styles, size scales and preferred colours vary constantly – which gives an added dimension to the task.

Katherine:

I think that knowing what *will sell* is very instinctive. I have to be prepared to commit myself and take risks. I think my success is down to the quality of my team and I'm keen on helping in their development. I recommend individuals for management training courses and follow their progress on those courses and I conduct training on the sales floor when trade is slack [4, p. 256].

The active form *will sell* is used intransitively as notional passive to refer to the demands of Katherine's job and the necessity to know when the sale will be a success. The passive form *will be sold* would be inappropriate in this context.

18.

When there is a demand, a product will sell [20, p. 6].

The active form *will sell* is used intransitively as notional passive. The author's intention is to say that the selling of a product depends on its demand. The passive form *will be sold* would be inappropriate in this context.

19.

Jonny was making the record primarily because he knew that the Don loved such songs and it would be a perfect Christmas gift for him. He also had a hunch that the record *would sell* in the high numbers, not a million, of course [15, p. 183].

The active form *would sell* is used intransitively as notional passive to express the character's strong belief in the success of his record (*a hunch*; *in the high numbers*; *not a million*, *of course*). The passive form *would be sold* would be inappropriate in this context.

20.

Rare Psalm book sells for \$14.2 m.

For the first time since 1947, and only the second time since the 19th century, a copy of the first book printed in America will be sold at auction (http://edition.cnn.com/11/27ratpkg-most-va).

The passive form *will be sold* is used with the purpose of formal announcement of a particular important event. The intransitive use of the active form *will sell* as notional passive would be unacceptable and incorrect in this context.

21.

This job pays well [22, p. 990].

The active form *pays* is used intransitively as notional passive in speaking about a job that gives you good money. The verb *pay* normally collocates with the adverb *well* or can be used on its own. The passive form *is paid* does not collocate with the adverb *well* and would be inappropriate in this context

22.

Britain can afford to increase the amount its lowest paid workers earn, the Chancellor has announced. 'I believe Britain can afford an above-inflation increase in the minimum wage so we restore its real value for people and make sure we have a recovery for all and that work always *pays*, he told the BBC (http://www.news.sky.com/story/1196412/minimum) (same as in 21).

23.

Born in poverty in Seattle in 1942, his ancestry *reads* like a history of America, giving him Irish and Cherokee genes, as well as those of an African-American slave and her white plantation overseer [25, p. 43].

The active form *reads* is used intransitively as notional passive in a review of a film about a famous actor. The active form *reads* collocates here with the phrase *like a history of America*. The passive form *is read* cannot collocate with the phrase *like a history of America* and would be inappropriate in this context.

24

Although this book makes a compassionate and psychologically subtle effort to rescue the heiress from the reductive cliches of reclusive eccentricity, her life still *reads* as sad and stunted [25, p. 51].

The active form *reads* is used intransitively as notional passive in a book review about a character of a book. The active form *reads* collocates here with the prepositional phrase *as sad and stunted*. The passive form *is read* cannot go together with the phrase *as sad and stunted* and would be inappropriate in this context.

25

The play reads better than it acts [21] (same as in 23–24).

26.

A fragile ceasefire agreed on 5 September *is* generally *holding*, but clashes have continued in some areas, especially around Donetsk airport (*http://www.bbc.co.uk/news/world-29093361*).

The active form *is holding* is used as notional passive in a news bulletin about a current event. The subject of the sentence is not the doer of the action, but is viewed as if it were. The focus of attention is on *a fragile ceasefire* rather than on it being held by opposing forces. The author is saying here that *there is peace*, though *fragile* and not everywhere (*is generally holding*).

The use of the passive form *is generally being held* in this context, though quite acceptable formally, nevertheless would shift the focus of attention from *a fragile ceasefire* to what is being done to hold it.

27.

A 'Day of Silence' called by President Petro Poroshenko *is being held* in eastern Ukraine in an attempt to kick start a much-violated ceasefire deal (*http://www.bbc.com/news/world-europe 30384665*).

The passive form *is being held* is used in a context similar to the one above. The agent phrase with *by*, however, presupposes the use of *a passive*, *not an active form*. The information focus is on the action being done rather than on the situation as it is at the moment. The choice of an active form *is holding* in this context would be inappropriate and grammatically incorrect.

28

There seems to have been a realistic view that the truce *wouldn't hold* much beyond Christmas (http://www.bbc.com/news/magazine-30417641).

The active form *wouldn't hold* is used in a context similar to the one in 26. This is part of a story from the BBC NEWS MAGAZINE about the Christmas truce between the British, French and German soldiers during WW1 in 1914

The verb wouldn't hold collocates with the noun truce and the adverb much. The passive form wouldn't be held does not collocate with the noun truce and the adverb much. The information focus is on the truce rather than on the actions done to achieve it. What is implied here is that the truce is temporary (wouldn't hold much). The passive form wouldn't be held would be inappropriate in this context.

29.

A devotional music *is playing* on the screen. Armaan and his mother are climbing towards the shrine of Vaishno Devi [16, p. 37].

The active form *is playing* is used as notional passive in a descriptive passage as background to the events developing in the story.

30.

Little bells clang against the door as I walk into the shop. It smells of soap, steam, hair lotion, and elderly flesh. The barber glances up at me. "Haircut?" I ask. He nods at the row of empty straight-backed chairs with magazines neatly stacked on a rack at one end of the row. Sinatra *is playing* on the radio. I sit down and leaf through a copy of *Reader's Digest* [10, p. 253] (*same as in 27*).

31.

Behind the beach huts, installed on a piece of vacant ground, there was a winter fair. The place was small and almost deserted. The candyfloss machine was taped up with the message *Out of Order*. But tinkly music *was playing* and in the middle of the ground stood a children's carousel, set up with miniature cars, aeroplanes, space-ships and tanks [19, p. 181].

The active form *was playing* is used intransitively with a passive meaning as background music in a descriptive passage.

32.

Folk music was playing – from an old battery-operated cassette machine Rudy had picked up at the flea-market in Glic – when the food was gone, all four of them got up to dance [19, p. 190] (same as in 29).

33.

A tango *was playing*, and he was instructing her. 'Look your knees should be like this. Drop your shoulders like that' [7, p. 197] (*same as in 29–30*).

34.

'Mum, Dad. There's something I have to tell you.'

The old songs *were playing*. Tony Bennett live at Carnegie Hall was on the stereo, although it could just have easily been Sinatra or Dean Martin or Sammy Davis Junior. In my parents' home the old songs had never stopped playing. 'Well, it looks like Gina's left me,' I said [11, p. 68] (*same as in 29–31*).

35

I was still the first to arrive. It was dark inside the restaurant and loud pop music was being played on a stereo system. At the maitre d's lectern a young woman was mouthing the words to the music [5, p. 181].

The passive form was being played is used in a descriptive passage similar to those illustrated above in which the active form was playing is used intransitively as notional passive.

Admittedly, the passive form *was being played* may still occur in a descriptive text but the active form *was playing* used intransitively as notional passive is a more common alternative in current English.

36.

'Apart from the show, what other plans do you have for the future?'

'Nothing definite. I'm doing a play at the moment. It's called *The Man Who Became A Dog* and *it's showing* in Sydney' [3, p. 138].

The active form *is showing* is used intransitively as notional passive to refer to a play reported to be going on at the theatre at the moment.

37.

His paintings are being shown at the local art gallery [22, p. 1248].

The passive form *are being shown* is used in a context similar to the context illustrated above (*it's showing in Sydney*).

38.

Her recent sculptures *are being shown* at the Hayward Gallery [3, p. 1423] (same as in 35).

The passive form *are being shown* is still an alternative use in contexts about public events which are reported as going on now, i.e. about a play at a theatre, film on a screen, a television show, a display of pictures in an art gallery, etc. However, the active form as notional passive is the preferred choice in current English speech and writing.

39.

'I wouldn't want to discourage you from hearing my paper this afternoon. I went over it last night in the plane while the movie *was showing*, and I was pretty pleased with it. The movie was O. K. too' [8, p. 18].

The active form *was showing* is used intransitively with a passive meaning as background to what a character was doing while on a plane.

40.

The film was shown on television last night [23, p. 1422].

The passive form *was shown* is the only possible choice in this context because it refers to a particular event that took place last night. The active form *showed* as *notional passive* would be unacceptable and grammatically incorrect.

41.

The match was shown live. It is now showing at cinemas across London [23, p. 1422].

The choice of the passive form was shown live here is similar to the choice of was shown on television last night in 38. Both events are presented as mere facts. The past active form showed as notional passive would be regarded as grammatically incorrect.

42.

Taron Egerton, a fast-rising young actor, has just arrived in San Diego for the annual Comic-Con convention, where footage from Kingsman *will be shown* today [25, p. 45].

The passive form *will be shown* is used as a mere fact about an event that will take place today. The active form *will show* as *notional passive* would be unacceptable and grammatically incorrect in this context.

43.

Poetry *doesn't* usually *translate* well [23, p. 1646].

The active form *doesn't translate* is used intransitively as notional passive. It collocates with the adverb *well*. The passive form *is translated* doesn't collocate with the adverb *well*. And above all, the statement doesn't refer to any particular event. It is about *poetry* in general. That is why the passive form *is translated* would be inappropriate in this context.

44.

Boko Haram *translates* roughly from the Hausa language as 'Western education is forbidden' (http://www.msn.com/book-haram/ar-BBbox).

The active form *translates* is used intransitively as notional passive. The subject of the sentence is not the doer of the action but is seen as if it were. The active form *translates* collocates with the adverb *roughly*. The passive form does not collocate with the adverb *roughly*. What the author is saying here is that Boko Haram *means* "Western education is forbidden" in the Hausa Language. The information focus is on Boko Haram as it is. The passive form *is translated* refers to somebody's activity and therefore would be inappropriate in this context.

The results of the analysis of intransitive use of transitive verbs *sell*, *pay*, *read*, *play*, *show*, *hold*, *translate* as notional passives could be summed up as follows.

1. The verbs *sell*, *pay*, *read*. *translate* are used intransitively as notional passives in contexts in which the focus of attention is drawn to the event itself. These verbs usually collocate with words and phrases which give some positive or negative evaluation of the event. To these refer such as *well*, *so well*, *moderately well*, *badly*, *like the proverbial hot cakes*, *like a history of America*, *roughly*, *generally*, etc. The passive forms do not

collocate with such words and phrases and their use must be regarded as inappropriate.

- 2. The verb *play* is used intransitively as notional passive in descriptive texts as background music.
- 3. The verb *show* is used intransitively as notional passive in advertisements or public announcements about events reported to be going on at the moment.
- 4. The verb *hold* is used intransitively as notional passive in collocation with the words *ceasefire* and *truce* in contexts with the aim of breaking news about a temporary stopping of fighting.
- 5. The passive forms are used in formal contexts in which the events are presented as mere facts with the place and time of the happenings usually indicated (like in *goods are sold when the shop is not busy, the book will be sold at auction, the film was shown on television last night*). The use of the active forms as notional passives must be considered unacceptable and grammatically incorrect in such contexts.

REFERENCES

- 1. *Alexander L. G.* Longman English Grammar. Harlow: Longman, 1992. 374 p.
- 2. Binchy Maeve. Quentins. London: Orion, 2002. 403 p.
- 3. *Burgess S. with Acklam R.* First Certificate Gold Exam Maximiser. Harlow : Addison Wesley Longman Limited, 1996. 159 p.
- 4. *Harrison M.* New Proficiency Testbuilder. Oxford : Macmillan, 2002. 272 p.
- 5. *Heller Zoe*. Notes on a Scandal. London : Penguin Books, 2004. 243 p.
- 6. *Kaushanskaya V. L. and others*. A Grammar of the English Language. Грамматика английского языка. М.: Айрис Пресс, 2009. 381 р.
- 7. Lessing D. Martha Quest. London : Granada Publishing Limited, 1978. 271 p.
- 8. Lodge D. Small World, London: Penguin Books, 1984. 394 p.
- 9. Maugham W. S. Cakes and Ale. London: Pan Books, 1978. 190 p.
- 10. *Niffenegger A*. The Time Traveler's Wife. London: Vintage Books, 2007. 519 p.
- 11. Parsons T. Man and Boy. London: Harper, 2008. 68 p.
- 12. *Parsons T.* One For My Baby. London : HarperCollins Publishers, 2008. 378 p.
- 13. *Peters Pam.* The Cambridge Guide to English Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 608 p.
- 14. $\it Pilcher R. Sleeping Tiger.-London: Hodder and Stoughton Ltd, 1988.-200 p.$

- 15. Puzo M. The Godfather. London: Pan Books, 1969. 448 p.
- 16. Swarup V. Slumdog Millionaire. London: Black Swan, 2009. 361 p.
- 17. *Tan A*. The Hundred Secret Senses. London : HarperCollins Publishers, 1996. 321 p.
- 18. *Tolkien J.* The Hobbit. London : HarperCollins Publishers, 1999. 310 p.
- 19. *Tremain R*. The Road Home. London: Vintage Books, 2008. 319 p.
- 20. Collins Cobuild Grammar Patterns. 1: Verbs. The University of Birmingham : Harper Collins Publishers, 1996. 650 p.
- 21. The Concise Oxford Dictionary. Oxford : Oxford University Press, 1976. 1368 p.
- 22. Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow: Pearson Education Limited, 2000. 1568 p.
- 23. Longman Exams Dictionary. Harlow : Pearson Education Limited, 2006. 1831 p.
- 24. MacMillan English Dictionary for Advanced Learners. Oxford : Macmillan Publishers Limited, 2002. 1692 p.
- 25. Daily Mail. Friday, July 25. 2014.

УДК 811

К. С. Кемова

преподаватель кафедры грамматики и истории английского языка ФГПН МГЛУ e-mail: mindvourgrammar@mail.ru

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С НЕЛИЧНЫМИ ФОРМАМИ

В статье предлагается возможная лингводидактическая трактовка предикативных конструкций с неличными формами. Выявление общих черт предикативных конструкций и специфики их функционирования как свойства английского языка может способствовать более эффективному решению задач по их освоению.

Ключевые слова: предикативные конструкции; неличные формы; специфика функционирования; выбор.

K. S. Kemova

Teacher, Chair of Grammar and History of English, Department of Humanities and Applied Sciences, MSLU e-mail: mindyourgrammar@mail.ru.

THE USE OF PREDICATIVE CONSTRUCTIONS WITH NON-FINITE FORMS IN A LINGUO-DIDACTIC ASPECT

The article offers a possible linguo-didactic interpretation of predicative constructions with non-finite forms. Revealing common features underlying predicative constructions and the specificity of their use as a typical trait of the English language may contribute to a more effective acquisition of grammatical skills related to the topic.

Key words: predicative constructions; non-finite forms; specificity of use; choice.

Тема данной публикации подсказана необходимостью развить идеи статей, посвященных грамматическому аспекту формирования идиоматичности иноязычной речи, а также логико-семантическим основаниям для выбора грамматической формы [3; 4]. Становление бакалавриата как полноценного высшего образования на уровне мировых стандартов является поводом возвратиться к обсуждению лингводидактического аспекта некоторых грамматических явлений, входящих в программу практического курса грамматики в языковом вузе. В рамках бакалавриата сроки, отведенные на формирование коммуникативной компетенции, сокращены, что требует оптимизации

учебного процесса, особенно в области освоения практических навыков, составляющих основу будущей профессиональной деятельности выпускника-лингвиста [6].

Предикативные конструкции с неличными формами являются органичной частью темы «Неличные формы глагола», которая занимает значительное место в курсе практической грамматики в языковых вузах. Лингвистический статус конструкций определен; согласно А. Н. Кобриной они являются структурами, занимающими пограничное положение между словосочетанием и придаточным предложением. В отличие от словосочетания они содержат два главных компонента, которые семантически находятся в субъектно-предикатных отношениях, так как один из них (номинативный компонент) является либо исполнителем действия, либо обладателем состояния или качества, в то время как другой (предикат) может быть выражен либо глагольной формой (инфинитивом, причастием, герундием), либо именной (прилагательным, стативом, существительным) [5].

Тем не менее, лингводидактический статус предикативных конструкций пока не был детально описан: как зарубежные, так и отечественные учебные издания дают им (возможно, ввиду стилистической ограниченности некоторых из них) скудные описания, ограничиваясь общими замечаниями. Многообразие смысловых нюансов, зависящих от употребления той или иной формы номинативного или предикативного компонента, требует исчерпывающего подхода к конструкциям с неличными формами в соответствующих учебных пособиях.

Как отмечалось в предыдущих исследованиях автора, именно понимание логики выбора грамматической формы и логических глубинных макросвязей между явлениями является условием формирования грамматического аспекта межкультурной компетенции. В методическом плане иноязычная коммуникативная компетенция подразумевает владение естественной речью, в которой реализуются своеобразие и неповторимость изучаемого языка. Приобретение идиоматичости как характеристики речи связано с осознанием специфики функционирования грамматических явлений.

Обычная работа над конструкциями, протекающая в несколько формальных этапов (выявление элементов конструкции, ее синтаксических функций, перифраз / перевод) не обеспечивает готовности применять их в речи. В этом смысле представляется актуальным

выявить общие механизмы функционирования предикативных комплексов с инфинитивом, причастием, герундием и их своеобразие как макроявления.

Такой спецификой будет являться способность неличной формы иметь свое собственное подлежащее¹ и образовывать вторичную пару «подлежащее-сказуемое» в предложении. Осознание предикативных отношений как основы функционирования конструкций с любой неличной формой дает возможность применять эти структуры как альтернативные придаточным предложениям. Причем в форме выражения предикативности инфинитивные, герундиальные и причастные конструкции строятся на одном базовом принципе — их сказуемое представлено неличной формой, а подлежащее является местоимением или существительным в одной из падежных форм и вводится предложным или беспредложным способом.

Предикативная конструкция появляется в тех же функциях, что и самостоятельные неличные формы, и служит для введения нового субъекта действия неличной формы или уточнения субъекта действия неличной формы, подразумеваемого контекстом. Осознание прикладной, конкретизирующей функции конструкции способствует приобретению навыка ее употребления.

Рассмотрим особенности лингводидактической трактовки предикативных конструкций с каждой из неличных форм.

Из трех инфинитивных конструкций большее внимание обычно уделяется *Complex Object* и *Complex Subject*, знакомство с которыми является частью школьной программы. В задачи вузовского курса входит систематизация глаголов, от которых зависят эти конструкции.

Практический опыт показывает, что наиболее слабыми местами в этой теме являются конструкции *Complex Object* с каузативными глаголами. В русском языке аналогичной конструкции или специальных средств для выражения каузативности не существует, поэтому изучение ее представляет значительную трудность, тем более что конкретное значение этой структуры зависит от контекста и может быть весьма разнообразным. Среди каузативных глаголов (to have, to get, to

 $^{^{1}}$ Под подлежащим конструкции мы понимаем номинативный компонент, который связан с неличной формой предикативными отношениями. В учебных пособиях на английском языке этот компонент чаще всего обозначен как «the so-called subject».

make, to cause, to force), пожалуй, самым семантически разнообразным является глагол to have. Необходимо свести его значения воедино, чтобы получить целостную картину функционирования конструкций с глаголом to have (инфинитивных и причастных конструкций):

- 1. Have the secretary bring the documents. Пусть секретарь принесет документы (побуждение к действию = to ask).
- 2. I will have him tell the truth. Я заставлю его сказать правду (*побуже* дение κ действию = to make).
- 3. I won't have you talk like that. Я не позволю Вам говорить так (разрешение действия, не привязанного к конкретной ситуации = to let).
- 4. I won't have you talking like that. Я не позволю Вам говорить так (разрешение действия, привязанного к конкретной ситуации = to let).
- 5. I had my car repaired. Мне починили машину (действие совершается не лицом, обозначенным подлежащим предложения, а кем-то другим за или для него).
- 6. I had my car stolen. Мою машину украли (действие негативного характера, совершенное не лицом, обозначенным подлежащим предложения, а кем-то другим).
- 7. I have never had that happen to me. Со мной никогда не случалось ничего подобного (= to have something as part of one's life experience).
- 8. I have all my work done. Я сделал всю свою работу (завершенное действие, результат активности).

Подобная систематизация может стать объектом аудиторной или самостоятельной работы студентов.

Эффективность освоения инфинитивной конструкции с предлогом for достигается, на наш взгляд, проведением параллелей между функционированием конструкции и отдельных инфинитивных форм. Становится очевидным, что функционал обоих грамматических явлений одинаков: и инфинитив, и инфинитивная конструкция с предлогом for может выступать в роли подлежащего, именной части сказуемого, дополнения и обстоятельства различных типов. Не меняя синтаксическую функцию инфинитива, конструкция дает дополнительную информацию о субъекте инфинитивной формы, т. е. расширяет семантику предложения. Подобное семантическое расширение можно сделать наглядным, предложив студентам трансформационный тип упражнения:

Expand the ideas by specifying the doer of the action of the infinitive.

1. I have something to do. 2. The task is to find several examples. 3. She brought several books to read in the afternoon. 4. It is necessary to keep fit. 5. I am anxious to enter the university. 6. They made it possible to live without fear. 7. My idea is to set out early in the morning. 8. There is no need to stay here. 9. It is a good way to improve pronunciation.

Упражнение указывает способ выражения дополнительной предикативной идеи без трансформации простого предложения в сложноподчиненное и предполагает следующие варианты ответов, демонстрирующие разнообразие способов выражения номинативного компонента и синтаксических функций конструкции:

- 1. I have something for you / him / everyone / my assistants / Mary, etc. to do.
- 2. The task is *for you | us | him | everyone | my students | Mary*, *etc.* to find several examples.
- 3. She brought several books *for you | him | everyone | my students | Mary*, *etc.* to read in the afternoon.
- 4. It is necessary for you / him / everyone / my friends / Mary, etc. to keep fit.
- 5. I am anxious for you / him / everyone / my pupils / Mary, etc. to enter the university.
- 6. They made it *for you | him | everyone | the people | Mary, etc.* possible to live without fear.
- 7. My idea is *for you | him | us | everyone | my students | Mary*, *etc.* to set out early in the morning.
- 8. There is no need for you / us / him / everyone / my students / Mary, etc. to stay here.
- 9. It is a good way *for you | us | him | everyone | my students | Mary*, *etc.* to improve pronunciation.

Рассмотрение герундиальных конструкций предполагает особое внимание к выбору формы местоимения или существительного, выступающих как номинативный элемент конструкции. В случаях, когда с существительным возможен и общий, и притяжательный падеж, а с местоимением — и притяжательный, и объектный падеж, при выборе необходимо учитывать два фактора: смысловой и стилистический.

Приведем примеры:

- 1. I am surprised at his / John's making that mistake.
- 2. I am surprised at him / John making that mistake.

В стилистическом отношении первый вариант конструкции уместен в нейтральном и официальном стилях, второй тяготеет к разговорной речи. В смысловом отношении первый пример акцентирует внимание на действии, а второй – на субъекте действия. В. В. Бузаров также отмечает, что объектный падеж местоимения и общий падеж существительного будут неудачным выбором, если конструкция выступает в роли подлежащего или дополнения после глагола, выражающего эмоциональные состояния [1]:

- 1. It's impudence them talking to us like that.
- 2. I hate you having had to wait so long.

Чаще всего возможность использования конструкции зависит от управления глагола. Так, у глагола remember дополнение может быть выражено как одушевленным, так и неодушевленным лицом: I remember him / his playing with us in the garden. В связи с моделью управления to suggest something to somebody, вариант I suggest his doing it immediately представляется единственным возможным.

Затруднение в использовании конструкции происходит от того, что систематизации типичных контекстов, актуализирующих использование герундиального комплекса, не уделяется должного внимания. Практическое наблюдение показывает, что, во-первых, герундиальная конструкция частотна в качестве дополнения после глаголов, традиционно употребляющихся с герундием. В статье по соответствующей теме мы подробно останавливались на особенностях грамматических значений, передаваемых объектным герундием в сочетании с глаголом-сказуемым¹. Те же значения актуальны для герундиальных конструкций. Например:

- 1. I enjoyed $\emph{listening}$ to him. I enjoyed $\emph{his playing}$ the guitar.
- 2. I resent *being talked* to like that. I resent *his / their / her / your talking* to me like that.
- 3. Do you mind *opening* the window? Do you mind *my opening* the window?

¹ Герундий имеет тенденцию «выражать реальное действие, причем глагол-сказуемое предложения часто семантически связан с отношением к этому действию» [4].

Во-вторых, как герундий, так и герундиальный комплекс служат для выражения эмотивных значений после предлога *at*:

- 1. I was surprised at *having* to get up so early.
- 2. I was surprised at *him / his / John / John's talking* to me so rudely.

Наконец, распространена аппозитивная функция герундиальных конструкций после существительных *idea*, *notion*, *possibility*, *chance*:

- 1. Yet surely there was something even more dangerous than the possibility of *provoking* Andrew: the possibility of his doing himself irremediable damage.
- 2. The chance of him *doing* so at any moment was by no means remote.
- 3. Just the idea of him *doing* that made her skin crawl.

Аудиторная работа показывает, что абсолютная причастная конструкция представляет собой наибольшую трудность из всех предикативных комплексов. Это связано с ее структурной спецификой и ограниченной сферой употребления (письменная коммуникация). Сложность конструкции усугубляется тем, что в обычной практике ее освоение проходит в отрыве от логических связей с инфинитивными и герундиальными комплексами.

Необходимо добиться понимания студентами того, что эта конструкция по смыслу синонимична придаточному предложению, хотя структурно не является столь же самостоятельной. Функционирование причастия, т. е. неличной формы, в роли предикативного элемента делает конструкцию зависимой от главной пары, подлежащего и сказуемого, и является причиной отсутствия в ней союза — как сочинительного, так и подчинительного. Конструкция отграничена от главной мысли предложения запятой. Ее практическое освоение нередко затрудняется многообразием выбора между формами причастия, а также между типами конструкции — причастной или беспричастной. Форма причастия обычно зависит от расстановки смысловых акцентов (состояние / действие) на обстоятельственное значение времени или причины. Прокомментируем некоторые случаи.

Как известно, форма *Participle I* глагола *to be* имеет типичное значение причины, сохраняющееся и в причастной конструкции, в то время как номинативная конструкция без причастия обладает временным значением:

- 1. The concert over, he checked his phone.
- 2. The concert being long, he felt tired.

В следующем блоке примеров Participle I Non-Perfect и Participle II делают указание на состояние, а Participle I Perfect обозначает действие, совершенное ранее. Если в первом примере актуально значение причины, то во втором – оно носит комбинированный характер и включает аспекты времени (предшествования) и причины. Конструкция без причастия в примере 3 имеет типичную функцию adverbial modifier of attendant circumstances:

- 1. The window (being) left open, he felt comfortable.
- 2. The window having been left open, he felt comfortable.
- 3. He liked to sit in the kitchen with the window open.

В данном случае будут уместны параллели с самостоятельным функционированием причастных форм, отражающих те же тенденции употребления.

Подлежащим конструкции могут выступать местоимения *it* и *there*, присутствие которых структурно необходимо.

Методически целесообразным было бы предложить упражнение, требующее расширения заданных предложений — в нашем случае введения подлежащего для неличной формы — и объединяющего герундиальные, причастные, инфинитивные конструкции с предлогом for. Это обеспечило бы очевидность общих тенденций в функционировании этих структур. Этому способствовало бы и рассмотрение предикативных конструкций в одной главе учебного пособия, выявляющей общие свойства комплексов с неличными формами.

Специфика лингводидактического аспекта предикативных конструкций с неличными формами делает необходимым пересмотр части соответствующей образовательной программы и ее адаптацию к требованиям образовательного стандарта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Бузаров В. В.* Основы синтаксиса английской разговорной речи (на английском языке): учеб. пособие. М. : Крон-Пресс, 1998. 366 с.
- 2. *Каушанская В. Л.* A Grammar of the English Language. 5-е изд., испр. и доп. М. : Айрис Пресс, 2008. 384 с.
- 3. *Кемова К. С.* Грамматический аспект формирования идиоматичности иноязычной речи как значимого параметра межкультурной коммуникативной компетенции // Когнитивно-коммуникативная парадигма в лингвистике и лингводидактике: грамматические исследования. М.:

- ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. С. 136–145. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 26 (686). Сер. Языкознание).
- 4. *Кемова К. С.* Логико-семантические основания для выбора между объектным инфинитивом и объектным герундием // Лингвистика и лингводидактика в когнитивно-коммуникативном аспекте: грамматические исследования. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. С. 184–190. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 25 (711). Сер. Языкознание).
- 5. *Кобрина Н. А., Корнеева Е. А. и др.* Грамматика английского языка. Морфология. Синтаксис: учеб. пособие для студ. пед. ин-тов и ун-тов по специальности № 2103 «Иностранные языки». СПб.: Союз, 1999. 496 с.
- 6. Федеральный закон РФ № 125-ФЗ от 22 августа 1996 года «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» [Электронный ресурс]. Режим доступа: минобрнауки.рф/документы/885.

УДК 81'367=111'01=163,1=114.3=211

Ю. Б. Григорьева

кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики и истории английского языка ФГПН МГЛУ e-mail: julia@themarkovgroup.com

МОРФОЛОГИЯ ИМЕНИ: САНСКРИТ, ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ, ГОТСКИЙ И ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИЙ

В статье сопоставляются общие для индоевропейских языков грамматические категории именных частей речи (существительного, прилагательного, местоимения, причастия и числительного), а также прослеживается развитие артикля, категории определенности / неопределенности и склонений прилагательных в современных германских и русском языках, оценивается близость существующих систем имени историческим формам общего праязыка.

Ключевые слова: санскрит; церковнославянский; готский; древнеанглийский; имя существительное; категория определенности / неопределенности; слабое и сильное склонение прилагательных; субстантивизация; степени сравнения; супплетивизм; личные и указательные местоимения; причастие; порядковые числительные; артикль; именная часть; определение; флективный строй языка; аналитизм; праязык.

Y. B. Grigorieva

Ph.D., Ass. Prof., Chair of Grammar and History of English, Department of Humanities and Applied Sciences, MSLU e-mail: julia@themarkovgroup.com

NOMINAL MORPHOLOGY: SANSKRIT, OLD SLAVONIC, GOTHIC AND OLD ENGLISH

The article contrasts the nominal grammatical categories of the noun, adjective, pronoun, participle and numeral, shared by IndoEuropean languages. It also pursues the history of the article, that of the category of definiteness / indefiniteness and of adjective declensions in modern Germanic languages and Russian. Finally, the author evaluates the extent to which the existing nominal systems have preserved the historic Common IndoEuropean forms.

Key words: Sanskrit; Old Slavonic; Gothic; Old English; the noun; the category of definiteness / indefiniteness; weak and strong declension of adjectives; substantivisation; degrees of comparison; suppletion; personal and demonstrative pronouns; the participle; ordinal numerals; the article; predicative; attribute; inflected languages; analytical forms; Common IndoEuropean.

Задачей статьи является выявление общих и отличительных черт в системе имени индоевропейских языков: древнеиндийского

литературного, древнеславянского, готского и древнеанглийского. Хотя данные языки принадлежат разным группам (индийской, славянской и германской), их генетическое родство, общее праиндоевропейское прошлое, наличие фонетических соответствий и близкое сходство грамматических форм обосновывает постановку подобной задачи. Интересно также отметить тот факт, что современные индийские языки, «выросшие» в атмосфере санскрита, как и современный английский, прошли путь от флективного, синтетического языка до аналитического, в то время как русский язык сохранил разветвленную систему склонений.

В общеиндоевропейском первоначально существовало три типа склонения:

- именное склонение / склонение *существительных и прилагательных*, из которого позже в общегерманском возникнет слабое склонение прилагательных;
- склонение *личных местоимений* первого и второго лица, а также возвратных местоимений с особой структурой падежных форм;
- склонение указательных, вопросительных местоимений, личных местоимений третьего лица; окончания местоименного склонения в общегерманском языке проникли в парадигму склонения имени и сформировали смешанные формы сильного склонения прилагательных; когда существительные и прилагательные дифференцировались, парадигмы прилагательных часто образовывались путем присоединения указательных местоимений.

В германском языке-основе не было единой, общей для личных местоимений третьего лица системы форм. В эпоху индоевропейской языковой общности единая общая форма местоимений третьего лица также отсутствовала. В отдельных индоевропейских языках местоимения третьего лица выделяются из системы указательных местоимений относительно поздно, они развиваются на базе разных указательных основ и поэтому имеют дифференциацию по родам. В отдельных древних германских языках парадигма этих местоимений является результатом индивидуального развития [2, с. 29–30]. Структура большинства падежных форм указательных местоимений и местоимений третьего лица совпадают, например, именительный падеж в древнеанглийском $s\bar{e}$ (м.р.), $s\bar{e}o$ (ж.р.), $b\bar{e}t$ (ср.р) и $b\bar{e}$, $h\bar{e}o$, hit, в готском sa, so, bata и is, si, ita.

В германских языках исторически парадигма склонения прилагательных почти полностью совпадает с формами склонения

существительных. В германском ареале склонение имен существительных с основой на -n- трех родов (ср. в русском языке склонение слов время - времени; знамя - знамени; семя - семени) послужило морфологической моделью слабого склонения прилагательных; склонение существительных с основой на -a- мужского и среднего рода, восходящее к индоевропейскому склонению с основой на -o- (например, латинское lupus, древнегреческое lukos), и с основой на $-\bar{o}$ - женского рода, восходящие к первому склонению в латыни и греческом с основой на индоевропейскую \bar{a} (например, латинское silva, древнегреческое hemera), послужило моделью для сильного склонения прилагательных.

 Таблица 1

 Парадигмы склонения древнеанглийских существительных

Падеж	Основа на <i>-а</i> - м.р.	Основа на - <i>n</i> -	Основа на -ō- ж.р.
И.п.	bēaʒ	OX	talu
Р.п.	bēaz es	ox an	tal e
Д.п.	bēaʒ e	ox an	tal e
В.п.	bēa3	ox an	tal e
И.п.	bēaʒ as	ox an	tal a
Р.п.	bēaʒ a	ox ena	tal a
Д.п.	bēaʒ um	ox um	tal um
В.п.	bēaz as	ox an	tal a

Таблица 2 Парадигма сильного склонения прилагательных

Падеж	Мужской род	Средний род	Женский род	Мн. число
И.п.	stronʒ	stronʒ	stronʒ	stronze, stronz, stronza
Р.п.	stronzes	stronzes	stronʒre	stronʒra¹
Д.п.	stronʒum	stronzum	stronzre	stronzum
В.п.	stronʒne	stronʒ	stronze	stronze, stronz, stronza
Ин.п.	stronʒe	stronze	stronzre	stronzum

¹ Это окончание – общее для родительного падежа множественного числа сильного и слабого типов склонений.

У прилагательных мужского и среднего родов единственного числа существовали также отдельные формы инструментального падежа *stron3e*, который у прилагательных женского рода был омонимичен родительному и дательному.

Таблица 3 Парадигма слабого склонения прилагательных

Падеж	Мужской род	Средний род	Женский род	Мн. число
И.п.	stronʒa	stronze	stronze	stronʒan
Р.п.	stronʒan	stronʒan	stronʒan	stronʒra
Д.п.	stronʒan	stronʒan	stronʒan	stronzum
В.п.	stronʒan	stronʒe	stronʒan	stronʒan
Ин.п.	stronʒan	stronʒan	stronʒan	stronzum

В санскрите о древнейшей нерасчлененности единой категории имени свидетельствует тот факт, что прилагательные формально не отделены от существительных, поэтому парадигмы склонения существительных и прилагательных, имеющих один и тот же вид основы, одинаковы [3, с. 55].

Прилагательные в церковнославянском, так же как и в современном русском языке, могли быть полными и краткими, но в отличие от русского литературного языка, в котором краткие прилагательные не склоняются и употребляются только в форме именительного падежа в роли сказуемого (например, у Н. В. Гоголя «Чуден Днепр при тихой погоде...»), в церковнославянском языке они склонялись и могли употребляться не только предикативно, но и атрибутивно, как и полные прилагательные [1, с. 51–52].

Таблица 4 Парадигма склонения кратких прилагательных мужского рода

Падеж	Ед. число	Мн. число	Двойств. число
И.п.	добр раб	добри раби	два добра раба
Р.п.	добра раба	добрых раб	двою добру рабу
Д.п.	добру рабу	добрым рабом	двема доброма рабома
В.п.	добра раба	добры рабы	два добра раба
Т.п.	добрым рабом	добры рабы	двема доброма рабома

0	_	
Окончание	таппппы	4

Падеж	Ед. число	Мн. число	Двойств. число	
П.п.	о добре рабе	добрых рабех	двою добру рабу	
Зват.п.	добре рабе	добри раби	два добра раба	

Таблица 5 Парадигма склонения кратких прилагательных женского рода

	Ед. число	Мн. число	Двойств. число
И.п.	добра жена	добры жены	добре жене
Р.п.	добри жены	добрых жен	добру жену
Д.п.	добре жене	добрым женам	добрыма женама
В.п.	добру жену	добры жены	добре жене
Т.п.	доброю женою	добрыми женами	добрыма женама
П.п.	о добре жене	добрых женах	добру жену
Зват.п.	добра жено	добры жены	добре жене

Следы склонения кратких прилагательных в древнерусском языке сохранились в некоторых наречиях и устойчивых словосочетаниях (издавна, смолоду, от мала до велика, по белу свету), а также в фольклоре (красна девица, сыра земля, красно солнышко) и отражают древнее единство существительного и прилагательного. Притяжательные прилагательные склонялись как краткие (адамов, божий, вражий, лисий, господень, монарший, патриарший, княжий, девичий). Действительные и страдательные причастия настоящего и прошедшего времени также имели как полную, так и краткую формы (делая, зная – краткие действительные причастия настоящего времени мужского рода единственного числа, ведущи - женского, слышаще - множественного числа мужского рода, слышащя – женского; нес, пад, рек, познав, терпев, возопив - краткие действительные причастия прошедшего времени мужского рода единственного числа, полный вариант – несый, падый, рекий, познавый, терпевый, возопивый; знаем, хвалим, ведом - краткие страдательные причастия настоящего времени мужского рода единственного числа). Как следует из вышеперечисленных примеров,

деепричастия современного русского языка являются по своему происхождению краткими прилагательными мужского рода, «застывшими» в форме именительного падежа и утратившими различия в роде.

Полные прилагательные в церковнославянском образовывались когда-то соединением кратких прилагательных с личными место-имениями третьего лица *u, *s, *e, которые придавали им значение определенности, т. е. указывали на то, что речь идет о признаке уже известного предмета, в то время как краткие прилагательные употреблялись, когда речь шла о новом или неизвестном предмете; однако позднее это отличие стерлось [1, с. 65].

Таблица 6
Парадигма склонения полных прилагательных мужского / женского рода

	Ед. число	Мн. число	Двойств. число
И.п.	добрый / добрая	добрий / добрыя	добрая / добреи
Р.п.	добраго / добрыя	добрых / добрых	добрую / добрую
Д.п.	доброму / добрей	добрым / добрым	добрыма / добрыма
В.п.	добраго / добрую	добрыя / добрыя	добрая / добреи
Т.п.	добрым / доброю	добрыми / добрыми	добрыма / добрыма
П.п.	добрем / добрей	добрых / добрых	добрую / добрую
Зват.п.	добрый / добрая	добрии / добрыя	добрая / добреи

Древнеславянское окончание родительного падежа единственного числа женского рода А. С. Пушкин намеренно использовал в одной из строк «Пророка» для создания высокого стиля: «И жало мудрыя змеи в уста замершие мои вложил десницею кровавой». Множественное число среднего рода полных прилагательных использовалось для выражения значения собирательности и отвлеченных понятий, например: вся красная мира сего означает все радости мира сего, а всем полезная даруй соответствует в современном русском всем полезное даруй [1, с. 74–75]. Переводятся подобные формы либо прилагательным среднего рода единственного числа, либо подходящим по контексту существительным. Способность прилагательных к субстантивизации также указывает на древнее единство

прилагательного и существительного. Как полные прилагательные склонялись полные формы действительных причастий настоящего (например, в женском роде ведущая, делающая, слышащая) и прошедшего времени (например, в мужском роде несый, падый, рекий), страдательные причастия прошедшего времени (например, в женском роде расточеная в церковнославянском писалась с одной буквой «н») и порядковые числительные (например, первый, вторый, другий) [1, с. 87–88, 93].

Древнеанглийское прилагательное $h\bar{a}li3 - cвятой$ могло функционировать как субстантивированное прилагательное $h\bar{a}l3a - cвятой$ человек. Впоследствии из первого в английском языке возникнут прилагательное holy и существительное Halloween, глагол to hallow — из второго. В древнеанглийском порядковые числительные $\bar{o}per$, pridda и т. д. склонялись как слабые прилагательные; в готском исключение составляло местоимение anpar - второй, которое склонялось как сильное прилагательное. О древней нерасчлененности единой категории имени свидетельствует также способность числительных к субстантивизации в современном английском языке, например: it takes two to tango — dns tango tango

Большинство прилагательных древнеиндийского языка могли образовывать степени сравнения. Сравнительная степень строилась путем прибавления суффиксов -tara мужского рода, -tarā женского и -taram среднего к основе прилагательного. Прилагательные в сравнительной степени употреблялись с существительным в аблативе (отложительном падеже). Превосходная степень образовывалась с помощью суффикса -tama, -tamā, -tamam тех же родов. Существительное при этом ставилось в родительный или местный падеж. В санскрите прилагательные в сравнительной и превосходной степенях могли склоняться как по именному типу склонения, так и по местоименному [3, с. 164–165].

Полные и краткие формы прилагательных существовали в церковнославянском не только для положительной, но и сравнительной степени (она же превосходная), например:

- высок (мужской род, положительная степень) выший (краткая форма сравнительная / превосходная) вышиий (полная форма сравнительная / превосходная);
- низок нижий нижший;

- глубок глублий глубльший;
- сладок слаждий слаждший;
- худ хуждий хуждший;
- близок ближай ближайший;
- тяжек тяжчай тяжчайший;
- кроток кротчай кротчайший;
- честен честней честнейший.

В сравнительной степени прилагательные склонялись как обычные краткие и полные [1, с. 157–158].

Степени сравнения прилагательных в древнеанглийском языке образовывались с помощью суффиксов ra(re) и ost(est), восходящих к своим общегерманским вариантам *iza / *oza и *ist / *ost. Варианты суффикса с гласной i приводили к переднеязычной перегласовке гласной корня, например: stron 3 - stren 3 ra - stren 3 est. Существовали также супплетивные формы степеней сравнения, например: $3\bar{o}d - bettra - betst$. В древнеанглийском и готском прилагательные в сравнительной степени всегда склонялись по слабому типу, в превосходной — и по слабому, и по сильному.

Ниже приведены примеры некоторых супплетивных форм сравнения в церковнославянском языке [1, с. 169]:

- велик болий больший;
- мал мний меньший;
- добр лучий лучший;
- зол горий горший.

В древнеанглийском и готском языках склонение прилагательных также было связано с категорией определенности / неопределенности (слабое и сильное склонение соответственно), но в отличие от церковнославянского в прагерманском окончания местоименного склонения, проникнув в именное, сформировали сильное склонение прилагательных, выражавшее категорию неопределенности. Старые формы постепенно вытеснились новыми, местоименными. Другое отличие заключается в том, что древнеанглийские и готские прилагательные склонялись как слабые или сильные в зависимости от своей синтаксической функции — предикативной или атрибутивной соответственно, т. е. могли иметь две параллельные словоизменительные формы (древнеанглийский: ic eom 3ōd mann — я хороший человек — сильное склонение; sē 3ōda mann — этот хороший человек — слабое

склонение), формы степени сравнения прилагательного и наличия или отсутствия артиклеобразных слов (указательных местоимений). Формы слабого склонения, выражая устойчивый признак, сопровождались указательным местоимением (например, готское hairdeis sa $g\bar{o}da$ – $nacmыpь\ mom\ doбpый$). В английском языке указательное местоимение впоследствии разовьется в определенный артикль.

В готском указательные местоимения и прилагательные употребляются чаще в постпозиции, в древнеанглийском – в препозиции. Вынесение определения в постпозицию в древнеанглийском объясняется в основном стилистическими причинами, а в поэзии – ритмом. Таким образом, в системе склонения древнегерманских прилагательных устанавливается противопоставление двух рядов форм, слабых именных и сильных местоименных, дифференцированных признаками определенности и неопределенности. Указательные местоимения подкрепляли значение определенности.

Именные категории в санскрите, древнеанглийском, готском и церковнославянском языках совпадали (род, число, падеж, склонение), поскольку, как уже отмечалось выше, эти языки имеют общее праиндоевропейское прошлое, а их морфологический строй в целом характеризуется большей стабильностью, чем, например, фонетика или словарный состав. Отличие заключается в разном количестве материально выраженных категориальных форм:

- восемь падежей в санскрите и в общеиндоевропейском (именительный, винительный, отложительный, инструментальный, дательный, родительный, местный, звательный);
- семь падежей в церковнославянском и четыре-пять в древнеанглийском и готском в зависимости от части речи (утрачены отложительный, местный и звательный; последний в готском еще существовал и формально выражен в единственном числе основ существительных на -u-, восходящих к латинскому склонению существительных и греческому третьему гласному склонению с основой на -u-, например, лат. $fr\bar{u}ctus$, др.-греч. $p\bar{e}hus$);
- три формы числа в старославянском и санскрите и две формы в англосаксонском и готском, из чего можно сделать вывод, что древнеславянский язык и санскрит лучше сохранили флективный строй, унаследованный из праиндоевропейского.

В среднеанглийский период прилагательное утратило склонение, но в это же самое время в английском языке возникли определенный

и неопределенный артикли. Интересно отметить тот факт, что в других современных германских языках, например, в немецком (из той же западногерманской группы, что и английский) и в шведском (из северогерманской) наличие определенного и неопределенного артиклей соседствует с сильным и слабым склонением прилагательных в немецком (ein kleiner Mann «один невысокий человек» – der kleine Mann «этот невысокий человек») и категорией определенности / неопределенности прилагательного в шведском (ср. ett stort hus «некий большой дом» – $det\ stora\ huset\ «этот\ большой\ дом»);$ т. е. разные германские языки характеризуются разной степенью флективности при том, что все они развили аналитические формы. В русском языке, языке выраженного флективного строя, полные и краткие формы прилагательных по-прежнему употребляются, но без оттенка определенности / неопределенности, при этом первые сохранили все свои именные категории, а последние утратили изменение по падежам, сохранив отличия в роде и числе. Возможно, поэтому артикль в русском языке так и не сформировался (если не считать постпозитивного определенного артикля в некоторых диалектах русского языка прошлых столетий в виде указательных местоимений mom - ma - mo, например, mocm - mocmom, peкa - ma).

Таким образом, можно сделать вывод, что разная судьба склонения прилагательных обусловлена тем, что английский язык в течение своей истории развивался в сторону аналитизма, сохраняя при этом некоторые флективные характеристики, а грамматика русского языка осталась в большей степени близкой исторически сложившимся индоевропейским формам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Воробьева А. Г. Учебник церковнославянского языка. М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2008. 368 с., илл.
- 2. *Гухман М. М.* Готский язык. М. : Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996.-288 с.
- 3. *Кочергина В. А.* Санскрит : учебник для вузов. М. : Академический Проект, 2007. 335 с.

Сетевое электронное научное издание

Вестник МГЛУ. Выпуск 28 (739) ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Редактор *Н. М. Тимакова* Компьютерная верстка *Ю. Л. Герасимовой* Дизайн обложки *А. Г. Проскурякова*

ФГБОУ ВПО МГЛУ

Подписано в печать 10.11.2015 г. Объем 12,0 п. л. Формат 60х90/16 Заказ № 1356

Адрес редакции: 119034, Москва, ул. Остоженка, 38 Тел.: (499) 245 33 23 E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна